

СЛАВЯНСКИЙ ФОНД РОССИИ

Государственное бюджетное учреждение
«МОСКОВСКИЙ ДОМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Сборник тезисов

Международной молодёжной межвузовской конференции

**РОЛЬ СЛАВЯНСКОЙ МОЛОДЁЖИ
В ПРОЦЕССЕ УСТОЙЧИВОГО
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

**Богатство и разнообразие истории
и культуры мира славян**

Москва – 2012

УДК 80+008.061.2/.3

ББК 71.4

С 23

Отв. редактор и составитель — И. И. Калиганов, д-р филол. наук,
профессор

Редактор — О. А. Туфанова, канд. филол. наук, доцент ГАСК

Рецензенты — Г. А. Пожидаева, д-р искусствоведения, профессор
ГАСК

— Е. С. Узенёва, канд. филол. наук, профессор ГАСК

С 47 Сборник тезисов Международной молодёжной межвузовской конференции: Роль славянской молодёжи в процессе устойчивого цивилизационного развития. – М.: ГАСК, 2012.

ISBN 978-5-85291-061-5

Выпуск 3: Богатство и разнообразие истории и культуры мира славян. Москва. 29 мая 2012 года / отв. ред, и сост. И. И. Калиганов, ред. О. А. Туфанова. – 2012. – 160 с.

ISBN 978-5-85291-090-5

В сборнике представлены тезисы докладов участников Международной молодёжной межвузовской конференции (29 мая 2012 г.), посвящённые разнообразным вопросам истории, языка, фольклора, литературы и культуры славянских народов.

По тематическому плану внутривузовских изданий на 2012 г.

ISBN 978-5-85291-090-5 (Вып. 3)

ISBN 978-5-85291-061-5

© Коллектив авторов, 2012

© ФГБОУ ВПО «ГАСК», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Калиганов И. И. Слово к участникам конференции.....	6
--	---

И С Т О Р И Я

Степанов Д. Этногенетические мифы в «Синописе» Иннокентия Гизеля и Густынской летописи.....	8
--	---

Колотыло С. Основные представители чешских дворянских родов Штеренбергов и Розенбергов.....	15
--	----

Садовска Б. А. Ф. Гильфердинг и «польский вопрос».....	19
---	----

Гутовска М. Провинциальная аристократка Мария Жултовская (по материалам её переписки с сыном).....	24
---	----

Базулина А. Видинские сборники Софрония Врачанского: источниковедческие заметки.....	30
---	----

Струнина Н. Образование черногорской молодёжи в России и Черногории в конце XIX–начале XX вв.....	34
--	----

Гусев Н. К вопросу об отношении русского общества к Балканским войнам 1912–1913 гг.....	39
--	----

Я З Ы К

Лебедева М. Напрестольные Евангелия XIV–XVII вв. и их роль в истории православной культуры южных и восточных славян.....	45
---	----

Хаджихалилович С. Лексический анализ пословиц, содержащих названия частей тела (на материалах русского и хорватского языков).....	49
--	----

Громова М. Наречия <i>утрось</i> и <i>утре</i> в говорах Архангельской области.....	54
--	----

Индыченко А. Чешский язык за пределами его этнической территории в XV–XVII вв.....	58
Фурсина Е. Периодизация истории изучения словарного состава словацкого литературного языка.....	62
Калмыкова М. Словацкая письменная докодификационная традиция и её реализация у словацких протестантов XVII–XVIII вв.....	66
Горина М. Кодификация А. Бернолака и формирование нормы словацкого литературного языка.....	70
Николова П. Болгарско-словацкая межъязыковая омонимия у имён существительных.....	74
Пазгалова Л. Анализ ошибок в речи славян-мигрантов в англоязычных романах Марины Левицкой и их переводах на чешский язык.....	79
Костадинов В. Проявление тенденции к аналитизму в русском языке новейшего времени.....	84

Л И Т Е Р А Т У Р А

Лукьяненко Д. Художественный образ Григория Сковороды в кросс-культурном аспекте.....	89
Смирнова И. Женские образы в болгарской поэзии (на примере творчества И. Вазова и П. Яворова).....	93
Беденок Л. Мотив сделки в литературе Европы XIX–XX вв. (И. Гете, А. Ирасек, Д. Крюс, О. Уайльд, М. Кундера).....	95
Парамонова М. Выражение иронии в творчестве М. Кундеры и Б. Шоу.....	100
Зайцева Е. Функции антично-библейских образов-символов в поэтическом сборнике Лукача «Исповедь».....	103

Крагель М. Три женских лика современной словенской поэзии (Барбара Корун, Станка Храстель, Катя Перат).....107

Куглерова М. Образ голода в македонской литературе XX в. (на материале повести Луана Старовы «Время коз»).....111

КУЛЬТУРА

Сальникова Е. Славянское искусство на страницах журнала «Аполлон» в 1909–1917 гг.....115

Кулиговски Р. Достоевский в Новой Гуте. Несколько замечаний по поводу фильма «Братья Карамазовы» П. Зеленки.....121

Бредерова Т. Россия: Забвение, Любовь и Ненависть (Современная русская драма. Традиция постановок и переводов в Чехии и Словакии после 1989 г.).....122

Осипова Е. Косовский миф в сербской традиции.....128

Соловьева Е. Образ святого Георгия в народной иконе.....132

Баринова Н. Атрибутивная роль русского свадебного полотенца.....138

Дубинина А. Культ растительности в Троицкой обрядности (по фольклорно-этнографическим материалам Тверской области).....144

Королёва Н. Хореографические формы Весьегонского района Тверской области в контексте молодёжных гуляний.....151

К участникам конференций.....156

СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Данная Международная молодёжная межвузовская конференция проводится в третий раз. При сравнении состава участников всех трёх конференций, легко заметить, что как научное и общественно-полезное мероприятие эти форумы набирают всё большие обороты и приобретают всё больший международный размах. Если в первых двух конференциях участвовали представители 2–3-х славянских стран, то в теперь их число существенно возросло. В III-м международном форуме талантливой славистической молодёжи приняли участие представители 7-ми славянских стран: России, Болгарии, Польши, Словакии, Словении, Хорватии и Украины. В общей сложности на конференции в Московском Доме национальностей РФ прозвучат доклады более 30-ти студентов старших курсов, аспирантов и молодых кандидатов наук. Расширилась по сравнению с прежней и тематика выступлений докладчиков. К разделам предыдущих двух международных молодёжных конференций в Москве — «ЯЗЫК», «ФОЛЬКЛОР», «ЛИТЕРАТУРА», «КУЛЬТУРА» — добавился новый: «ИСТОРИЯ».

Появление последнего раздела было закономерным, потому что развитие языка, фольклора, литературы и культуры у славянских народов было тесно связано с их историческими судьбами. Оно зависело от цивилизационного типа ближайших соседей каждого славянского народа, от того, протекало ли его развитие в условиях политической свободы или национального угнетения. На него влияли типы общественного устройства, международные династические связи и многие другие исторические факторы, игнорирование которых стало бы непростительной ошибкой. Не случайно славянская филология (как первоначально называлось славяноведение) началась как область науки с попыток прояснить историю расселения славян в Европе и на Балканах и установить место нахождения славянской прародины посредством обращения к древним летописям, памятникам эпиграфики и другим, содержащим сведения о славянах, историческим источникам, Само прочтение текстов таких памятников требовало хорошего знания истории языка, на котором они были написаны, а уточнение времени и направления движения славян при их расселении в Европе и на Балканах могло достоверно осуществляться лишь при опоре

на результаты археологических раскопок и палеогеографии и т.д. Славяноведение всегда являлось междисциплинарной областью науки, в которой истории отводилось одно из самых главных мест из-за стремления славянства возродить историческую память, ослабленную у ряда славянских народов за столетия иноземного угнетения (XV – первые десятилетия XX вв.). Поэтому включение в наши конференции раздела «ИСТОРИЯ» произошло естественно и органично.

Органичным является и состав организаторов и устроителей наших конференций. Они проводятся под эгидой Славянского фонда России, создавшего масштабный проект «Роль славянской молодёжи в процессе устойчивого цивилизационного развития» и Московского Дома национальностей РФ, который стал гостеприимным «домом», где ежегодно проходят наши конференции. Конкретными исполнителями проекта выступают Институт славяноведения РАН — головное научное учреждение, учёные которого занимаются разработками основных областей славистики, и Государственная академия славянской культуры (ГАСК) — единственное высшее образовательное учреждение РФ подобного профиля. Важным является и то, что именно ГАСК стремится на практике реализовывать свою концепцию непрерывного образования. Эту идею старается воплотить в жизнь и НИЦ «ЭСТРИКА» («Славянские Культуры: Корни и Крона»), который, помимо решения других научных задач, занимается организацией плавной эстафеты «студент – аспирант – учёный» и выступает в роли главного координатора проводящихся конференций.

Организаторы и устроители международных молодёжных межвузовских конференций приглашают студентов, аспирантов и молодых учёных из разных славянских стран принять участие в международных молодёжных межвузовских конференциях, которые ежегодно проходят в конце мая в Московском Доме национальностей РФ. Подробная информация о них размещена в конце сборника.

И. И. Калиганов

Степанов Дмитрий
(МГУ, историч. фак-т, аспирант)

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ МИФЫ В «СИНОПСИСЕ» ИННОКЕНТИЯ ГИЗЕЛЯ И ГУСТЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В XIV–XV вв. большая часть земель Полоцкого, Турово-Пинского, Киевского и Галицко-Волынского княжеств вошла в состав Великого княжества Литовского, а с 1569 г. — Речи Посполитой. С этого времени интеллектуальная элита православного населения западных и южных территорий бывшего Древнерусского государства стала испытывать влияние европейской книжной культуры. Речь идёт не об одной лишь чисто формальной стороне дела. Украинские и белорусские книжники воспринимали не только приёмы стихосложения или форму пространных исторических произведений, но и содержание некоторых культурных универсалий, по-другому понимаемых в восточнославянском культурном ареале. Формирование идентичностей в культуре Киевской Руси и русских княжеств периода феодальной раздробленности сильно отличалось от аналогичных процессов в Западной и Центральной Европе. Уже в Средневековье в Древней Руси мы видим немало существенных отклонений от западного образца («языки» вместо «nationes», «люди» вместо «народа»/«natio»/«gens»/«populus»); некоторые особенности в том, как эволюционировали представления о коллективной «протонациональной» идентичности в XI–XV вв., и т.д.¹).

¹ См.: Ведюшкина И. В. Формы проявления коллективной идентичности в «Повести временных лет» // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. М., 2003. С. 296–310; Рогов А. И., Флоря Б. Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности) // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 1982. С. 96–120; Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // *Этническое самосознание славян XV в.* М., 1995. С. 10–38; Данилевский И. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // *Ab Imperio*. 2001. № 3. P. 147–167; Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // *Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева*. М., 1993. С. 4–12; Живов В. М.

Эти «отклонения» росли в числе и углублялись в своём содержании в Московской Руси в XVI–XVII вв.

Основные проблемы, затрагиваемые в данных тезисах, состоят в следующем:

1) Насколько польская литература повлияла на формирование именно этнического самосознания представителей украинской интеллектуальной элиты во второй половине XVII в.?

2) Какие этнические «конструкты» создавались в украинских исторических, духовных и политических произведениях второй половины XVII в.?

3) В какой мере этнические взгляды украинских книжников распространялись в православной интеллектуальной среде и воспроизводились в различных практиках, например, в политике?

В качестве определения понятия «этноса» нами используется дефиниция, предложенная авторитетным российским учёным В. А. Тишковым: «...этнос — это группа людей, члены которой имеют общие название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности»². В рамках данных тезисов нас интересуют в первую очередь такие элементы этнического самосознания, как этногенетический миф и историческая память.

Источники, на которых мы сконцентрируем своё внимание, следующие: «Синописис» Иннокентия Гизеля (1674) и «Густынская летопись» в редакции монаха Михаила Лосицкого (1672).

Рассмотрим «Синописис». Начиная с 1674 г. это произведение было издано несколько десятков раз, причём три или четыре раза только в XVII в. Фактически до написания «Краткого летописца» М.В. Ломоносова, «Синописис» оставался единственным учебным пособием и общедоступной книгой по истории в Русском государстве. Хотя отношение к «Синописису» как историческому сочинению

---

1) Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 321–337; 2) Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 170–186; *Толочко П. П.* Древнерусская народность: Воображаемая и реальная. М., 2005; *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005.

² *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 60.

со временем становилось всё более критическим, те элементы его схемы, которые относятся к единству Великой и Малой Руси, можно найти у всех авторов «Историй России» — от Н. М. Карамзина до С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского. Безусловно, то, что «Синописис» лежит у истоков русского исторического нарратива, отрицать нельзя³. А. И. Миллер считает, что автор «Синописиса» преследовал достаточно сиюминутные конкретные цели: во-первых, дать московскому царю мотивацию для продолжения борьбы с Речью Посполитой за освобождение из-под власти католиков остальной части «единого православного народа», а во-вторых, облегчить элите гетманщины инкорпорацию в русское правящее сословие⁴. Таким образом, «Синописис», в котором концептуально даётся история единого «народа славенороссийского», должен был укрепить представителей московской элиты в сопричастности к историческим судьбам «русских людей», проживающих на территории Речи Посполитой.

Сразу отметим, что Иннокентий Гизель наиболее часто ссылается на польские произведения, в первую очередь на М. Стрыйковского, а также на Я. Длугоша, М. Меховского, Кромера и Барония. В историографии сейчас принято клише: большинство ссылок на польские источники, сделанных автором на полях первых изданий, — на самом деле ссылки на того же Стрыйковского⁵. Среди русских источников, безусловно, фигурируют «Повесть временных лет», Густынская летопись, «Сказание о Мамаевом побоище» и, что немаловажно, «Палинодия» Захарьи Копыстенского⁶.

Этногенетический миф «Синописиса» не обладает чёткостью. Неискушённый читатель, вероятно, терялся в многочисленных

³ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая пол. XIX в.). СПб., 2000. С. 32.

⁴ Миллер А. И. Указ. соч. С. 31.

⁵ Пешич С. Л. «Синописис» как историческое произведение // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XV. С. 291.

⁶ И. П. Ерёмин делает такой вывод на основании появившейся в третьем издании главки «О свободе или волности Славенской», в которой утверждается, что в древности власть «славяно-росская» и «Рыму досязаша». Это и дальнейшее содержание главы напоминает соответствующие места из «Палинодии». Ерёмин И. П. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1954. Т. X. С. 217. Надо отметить, что в историографии сложилось мнение, что «Палинодия» не была востребована после своего написания в 1621 г.

именах легендарных прародителей «народа славенороссийского». Самым древним предком народа назван, как и следует ожидать, Иафет, сын Ноя: «...русский или паче российский народы тынде же суть славяне: единого бо естества, отца своего Афета и того же языка»⁷. Вторым «по старшинству» предком «славенороссийского» народа назван Мосох — сын Иафета. От него, согласно «генеалогии» Иннокентия Гизеля, происходят все народы восточной Европы: «Москва народ от Мосоха праотца своего и всех славенороссов, сына Афетова...»⁸. «Изобретателем» концепции о происхождении славян от Мезеха был, конечно, не Гизель. Польский писатель М. Бельский в своей «Хронике всего света» впервые упомянул, что от сына Иафета по имени Мезех произошли «Москва и все Славяне». Этногенетическая модель старшинства москвитов сохранилась в сочинениях Матвея Стрыйковского. Как отметил К. Ю. Ерусалимский, и в том, и в другом случае эта концепция была принята в атмосфере поиска части польского общества компромисса с Москвой во время Ливонской войны⁹.

Наличие «первопредка» в лице одного из самых известных ветхозаветных персонажей не только льстило малороссийской элите. Образ Иафета служил для обоснования прав династии Романовых на Киев. В издании «Синописа» 1680 г. появляются вирши, посвящённые царю Фёдору Алексеевичу: «...российские роде, коль ты благородный! / Ное праотец, Афет отец родный / твой по естеству...»¹⁰.

Теперь обратимся к двум украинским историческим произведениям, в которых также представлены любопытные этногенетические конструкции — Густынской летописи

⁷ *Иннокентий (Гизель)*. Синописис, или краткое собрание от ранних летописцев о начале Славено-российского народа. Киев, 1674.

⁸ Там же. С. 10–11.

⁹ *Ерусалимский К.* Родословное древо или Пальма тирании: переоценки прошлого Русской земли // *Rzeczpospolita vs carstwo. Rocznik Instytutu Europy środkowo-wschodniej*. Lublin, 2011. Zeszut 3. St. 61–62.

¹⁰ Отметим здесь один из выводов, сделанных Б. А. Успенским: «Библия, можно сказать, служила моделью восприятия мира, она задавала парадигму его прочтения: соотнесение с библейскими событиями определяло вообще достоверность происходившего. И, напротив, то, что не находило соответствия в священных текстах, воспринималось как незначительное или вообще не замечалось, т. е. выпадало из культурного сознания». См.: *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 5.

и «Хронике с летописцев стародавних...» Феодосия Софоновича. Содержательная и формальная часть этногенетических мифов этих произведений напрямую соотносятся с «Синописисом». Однако сразу стоит оговориться, что содержание Густынской летописи и «Хроники...» менее «одиозно»: перед авторами и переписчиками этих сочинений не стояло конкретных политических целей, обосновывающих, например, притязания царской власти на все украинские земли.

Густынская летопись известна по нескольким спискам. Для нас представляет интерес в первую очередь список 1670 г., составленный иеромонахом Густынского монастыря (недалеко от Прилук, ныне — Полтавская обл.) Михаилом Лосицким. По мнению исследователей, Лосицкий не был автором основного текста, его роль сводилась к переписке, редактуре и некоторым добавлениям¹¹. Источниками к написанию летописи послужила «Повесть временных лет», близкая к Ипатьевскому списку, вероятно, летопись Быховца и польские сочинения: «Хроника Сарматии Европейской» Гавньини (1611), «Хроника Польши» М. и И. Бельских (1597), «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (1582) М. Стрыйковского, сочинения Ц. Барония, а также «Киево-Печерский патерик», многочисленные жития и устные свидетельства¹². По всей видимости, одним из основных источников, используемых при редактуре текста, была «Палинодия» Захарьи Копыстенского (1621). Густынская летопись, которую, по одной из версий, составил всё тот же Захарья Копыстенский, даёт более подробное описание «о початках российского народу», чем «Синописис». Автор подробно описывает «генеалогию первопредков», и в этом описании заметно влияние как русских летописей, так и польских хроник.

Своё повествование автор летописи начинает с потопа и Вавилонского столпотворения. Как и следовало ожидать, «родословие» русского народа он выводил от сына Ноя Иафета. Причём для автора Иафет — это родоначальник всех христианских народов «иже во Европии и Ассии Меншой живущих»¹³. Славян автор называет потомками сына Иафета Рифата: «Пагнагоны, Енеты, Генеты, Венеды, Венедици, Аньти, Аляны, Роксаны, Роксоляны;

¹¹ *Мыцьк Ю. А.* Украинские летописи XVII в. Днепропетровск, 1978. С. 13.

¹² Там же.

¹³ ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 40. С. 12.

аки бо Русь и ляны; Русь, Москва, Ляхи, Славяне, Болгаре, Сербы. Се сии всѣ единого суть народа и языка, си есть словянского»¹⁴. Видно, что для автора это сообщество славян имеет если не более значимое, то, по крайней мере, одинаковое значение с сообществом Руси. Так, например, поляка Яна Длугоша автор считает «нашим летописцем».

Интересно, что в Густынской летописи отвергается «версия» о происхождении славян от Мосоха, и в этом летопись отличается от «Синописа»: «Шестый сынъ Афетовъ Мосох, от сего, глаголють нѣции, родитися Москвѣ и Славенскому народу, якоже о томъ будет нижей»¹⁵. Не совсем ясно, почему он отвергает эту «гипотезу»: «... но якожде кольвек, се нам извѣстно есть, яко всѣ народы Славенский единаго суть отца сынове, понеже единоголасие языка показываетъ ихъ быти единымъ народомъ»¹⁶. Мыщык предположил, что автор невидел в Мосохе предка всех славян по политическим соображениям (точнее, из-за их отсутствия) — во время написания летописи ещё не была актуальна необходимость показать «первородство» «народа московского»¹⁷.

Славян автор отождествляет с «енетами» (видимо, «венетами» античных источников), а их прародину помещает в Пафлагонии. В связи с этой натяжкой автору удаётся связать раннюю историю «енетов» с Троянской войной. После войны «енеты» отошли на Балканский п-ов и побережье Адриатического моря, где основали г. «Енецию» (по-видимому, Венецию). Влияние польского этногенетического мифа прослеживается в отождествлении енетов-славян с сарматами, причём автор пишет, что этот этноним происходит от места их расселения — Европейской Сарматии¹⁸.

Далее следуют исторические легенды о славянах. Рассказывается о грамоте, данной «енетам» Александром Македонским, приводится текст этой грамоты¹⁹. Более того, присутствует сюжет о «енецком князе» Одоначе (Одоакре), захватившего Рим и правившим им 14 лет.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Мыщык Ю. А. Украинские летописи XVII в. Днепропетровск, 1978. С. 14.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 40. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 14.

Подобные легенды, за исключением версии о славянском происхождении Одоакра, представлены в «Палинодии». По мнению одного из исследователей украинской книжности первой четверти XVII в. О. Б. Неменского, такие легенды, свидетельствующие о «валечности» (мужестве и отваге) предков восточных славян, были результатом влияния традиций польской исторической книжности.

Таким образом, конструкты этногенетических мифов, которые мы можем обнаружить в «Синописе» и Густынской летописи, во многом были заимствованы из польских источников. Речь идёт о содержательной части такого процесса, который М. В. Дмитриев назвал «этницизацией» исторической памяти восточных славян²⁰. Именно через произведения украинских интеллектуалов в сознание славянского населения гетманщины и Московского государства стали проникать этнические представления о «русскости». Несмотря на то что в этногенетических мифах Иннокентия Гизеля или автора Густынской летописи преобладали «патриотические» мотивы, передающие «пальму первенства» легендарным первопредкам восточных славян, форма этих мифов более напоминают аналогичные конструкты, принятые в польских исторических сочинениях.

---

²⁰ *Дмитриев М. В.* Киево-Могиланская академия и этницизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київська Академія. Київ, 2006. Вип. 2–3. С. 14–31.

ОСНОВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЧЕШСКИХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ ШТЕРЕНБЕРГОВ И РОЗЕНБЕРГОВ

ШТЕРЕНБЕРГИ. Чешский Штернберг — один из интереснейших древних замков страны (его история насчитывает свыше 750 лет), являющийся воплощением готической градостроительной идеи, которая бережно сохранялась последующими столетиями. Этот замок отличает от других несколько характерных деталей. Во-первых, вокруг него нет стены: он располагается на скалистом берегу р. Сазавы, представляя собой одно массивное здание. Во-вторых, Штернберг с самого своего основания принадлежал с небольшим перерывом одной семье; о чём говорит богатство залов, в экспозиции которых представлено самое большое в Европе собрание гравюр XVII в., а также коллекции оружия. В-третьих, ключи от замка до сих пор хранятся у потомка рода Штернбергов, Зденека Штернбергского, который в следующем году отпразднует своё 90-летие.

Первым представителем рода считается Дивиш из Дивишова, живший в XII в. и основавший г. Дивишов¹. Его внук Здеслав стал именоваться как Здеслав из Хлумца по названию принадлежавшей ему тогда крепости у р. Цидлина, вокруг которой затем сложился г. Хлумце над Цидлиной. Последнее изменение в родовом имени будет связано с постройкой новой крепости «Чешский Штернберг» в 1242 г.; название замка происходит от геральдического символа — восьмиконечной звезды. В переводе с немецкого языка слово «штернберг» означает «звезда на холме»².

Штернберги — не только знатный род, но и ключевое имя политической истории Чехии. В XIII в. представители данного рода принимали участие в оборонительных сражениях против нападения на чешские земли татар и венгерских войск под предводительством короля Белы IV.

¹ *Mašek P.* Modrá krev. Minulost a přítomnost 445 šlechtických rodů v českých zemích. Praha, 1992.

² *Vlček P.* Encyklopedie českých zámků. Praha, 1994.

В период гуситских войн Штернберги были утравкистами. Зденек Штернбергский занимал должность главного пражского бургомистра. Он участвовал в переговорах по поводу свадьбы короля Ладислава Погробка с французской принцессой Магдаленой Валуа. Однако свадьба так и не состоялась по причине смерти Ладислава. Впоследствии Зденек повлиял на выбор нового короля — Иржи из Подебрад, женатого на Кунгуте Штернбергской. Иржи из Подебрад обещал оставить панам-католикам захваченные ими земли короны и церкви. Однако в дальнейшем отношения Зденека с новым королем ухудшились, и он основал Зеленогорский союз католических панов как оппозицию королю. Создание данного союза, обострившего отношения короля Иржи с папой Пием II, и ликвидация им Базельских компактов — всё это повлияло на политическую ситуацию в стране. Зденек Штернбергский перешёл на сторону венгерского короля Матвея Корвина. В стране начались чешско-венгерские войны, продолжавшиеся до 1470 г.

В конце феодальной эпохи род прославил граф Кашпар Штернберг, известный во всей Европе учёный-естествоиспытатель, собравший обширную коллекцию растений и основавший научную библиотеку. Братья Яхим и Кашпар Мария в 1818 г. основали Патриотический музей (первое название будущего Национального музея Праги). Основоположник палеоботаники, Кашпар Мария, друживший с Гёте и Гумбольдтом, подарил музею гербарий и библиотеку. Его кузен, Франтишек, занимавшийся изучением истории и коллекционировавший исторические памятники, подарил музею ценную нумизматическую коллекцию и стал у истоков основания Академии изобразительных искусств.

Штернберги оказали существенную материальную помощь для основания музея, положившего начало Национальной галерее Праги. Кроме денежных средств, они дарили музею ценные экспонаты для будущих коллекций.

Во время Второй мировой войны замок не пострадал, но по её окончании перешёл в собственность государства. После реформирования социалистического режима в Чехословакии потомки из рода Штернбергов смогли вернуть его в своё владение лишь в 1992 г.

РОЗЕНБЕРГИ. Их угасший в XVII столетии род по праву считается одним из древнейших чешских дворянских родов.

Он является родовой ветвью клана Витковичей, ведущей начало от Витека III Младшего, одного из сыновей Витека из Прчице. Имя Розенберг и название замка, построенного сыном Витека III Воком I, происходит от знака Розы, изображённого на гербе. С XIII столетия по 1611 г. члены семьи занимали видные и самые доходные посты при королевском дворе в Праге: наместников, маршалов, епископов (XVII в.)³. Розенберги всегда играли значительную политическую роль в истории Чехии и обладали достаточной властью, которая могла бы противостоять могуществу самого короля.

Сын Йиндржиха III, Олдржих II, был талантливым политическим деятелем, защищавшим интересы католицизма и императора Сигизмунда во время Гуситских войн, а после смерти Ладислава Погробка возглавил собрание, на котором обсуждалась кандидатура нового короля. Он был также и главным мистификатором своего времени. Именно Олдржих II создал подделку, якобы написанную рукой Карла IV и известную под названием «Розенбергское родовое устройство», — грамоту 1360 г., подтверждавшую порядок передачи права наследования для рода Розенбергов по принципу старшинства. На практике данная привилегия означала, что любой член рода мог унаследовать имущество любого другого представителя рода. В соответствии с этим поддельным документом, владеть имуществом всегда должен был только один человек, по возможности, старейший член рода, которому присваивался титул «властелин рода Розенбергского». Данный фальсификат предохранял родовое имущество от раздробления между несколькими родственниками, а «Розенбергского властелина» делал одним из самых состоятельных аристократов Чешского королевства. Бумага была окончательно легализована посредством записи в Земские книги в 1493 г.⁴

Олдржиху приписывают также идею создания легенды о родстве Розенбергов с итальянским княжеским родом Орсини. В середине XVI в. легенду подхватил Вилем из Розенберга, поместивший в нижней части розенбергского знака наклонные перемежающиеся серебристые и красные полосы из герба Орсини. Розенбергскую красную розу с пятью лепестками он передвинул в верхнюю часть герба и дополнил его двумя щитоносцами в виде

³ Mat' a P. Svět české aristokracie (1500–1700). Praha, 2004. S. 54.

⁴ Kubiková A. Oldřich II. z Rožmberka. České Budějovice: Věda, 2004. S.215.

медведей. Фамилия Орсини вела своё происхождение от слова «orsa», на латыни означающее «медведица». С именем Вилема из Розенберга связано разведение этих геральдических зверей во рву чешскокрумловского замка.

Первый сын Олдржиха, Индржих IV, занимал главный пост в политическом управлении в Силезии, а второй сын, Йошт II, возглавлял старейший в мире рыцарский орден — суверенный военный орден рыцарей-госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского⁵. В XVI в. род Розенбергов становится наиболее могущественным и богатым среди всех дворянских родов в Чешских землях. Вилем, сын Йошта III, по праву считался самым значимым представителем семьи. С 1570 г. он занимал пост высочайшего бургграфа пражского града, в сфере международных отношений его нередко называли чешским вице-королём. Однако политические амбиции данного представителя рода Розенберга простирались намного дальше. Дважды — в 1573 и в 1575 гг. — его кандидатура рассматривалась в качестве претендента на польский трон. После смерти Вилема в 1592 г. главой семьи стал его младший брат Петр Вок — личность с широкими культурными интересами, сформировавшимися под воздействием перехода от католицизма к лютеранству, а позднее к вероисповеданию «чешских братьев». Необычное внимание при дворе Петра Вока уделялось в первую очередь библиотеке. Когда он в 1592 г. принимал бразды правления над розенбергским доминионом, последний находился на грани банкротства. Петру удалось вытащить доминион из долговой ямы, пусть ценой и продажи двух третей первоначального имущества Розенбергов. После продажи имения Чески Крумлов императору Рудольфу II в 1602 г. он переселился в Тржебонь, где умер в 1611 г. Со смертью Петра Вока розенбергский род пресёкся по мужской линии, а их владения перешли к Шварценбергам.

---

⁵ Kubeš J. Vyšší šlechta v českých zemích v období baroka (1650–1750). Biogramy vybraných šlechticů a edice typických pramenů. Pardubice, 2007.

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГ И «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС»

В XIX в. Российская империя была огромной страной, населённой большим количеством разных народов. Главными центрами культуры и науки были Петербург и Москва. Два этих города привлекали к себе большое количество интеллигенции, людей творческих профессий и деятелей культуры, благодаря которым русское искусство, наука и философия стали известны далеко за пределами России.

Одним из интереснейших явлений русской философской и общественной мысли, явлением исконно русским, хотя и базирующимся частично на достижениях немецкого романтизма, являлось славянофильство, центральными фигурами которого были Иван Киреевский, Алексей Хомяков и Константин Аксаков. Славянофильство, проистекающее, в частности, из протеста против слишком сильного влияния западноевропейской культуры в России, привлекало к себе молодых людей из разных общественных кругов. Одной из таких фигур был Александр Фёдорович Гильфердинг.

Гильфердинг родился 14 (2 по старому стилю) июля 1831 г. в Варшаве, где его отец занимал должность директора дипломатической канцелярии наместника Царства Польского¹. В детстве Александр Фёдорович получил солидное домашнее образование, в котором особое внимание уделялось изучению иностранных языков, как древних, так и современных, в том числе славянских. Гильфердинг, в частности, знал польский язык. Полученное образование очень помогло ему в дальнейшем, когда он изучал славянские земли.

В 1848 г. он начал учиться в Московском университете, на историко-филологическом факультете. В этот период окончательно формируется его интерес к изучению истории и культуры славян.

Будучи в Москве, А. Ф. Гильфельдинг сблизился со славянофильскими кругами. Он познакомился с А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым и другими выдающимися деятелями этого движения.

¹ *Бестужев-Рюмин К. А. Ф. Гильфердинг // Сборник отделения русского языка и словесности. ЦАН, СПб., 1894. Т. 59. С. 8.*

Под влиянием Хомякова он заинтересовался санскритом и вскоре на страницах «Известий Отделений Академии Наук» опубликовал свою первую научную работу «О средстве языка славянского с санскритом»².

После окончания университета А. Ф. Гильфердинг не перестал интересоваться славянскими землями и в качестве член-корреспондента Петербургской Академии Наук организовал экспедицию на побережье Балтийского моря для знакомства с кашубами и изучения их культуры.

Кашубы — это регион северной части нынешнего польского государства, являющийся частью Поморья. Данные территории населены коренными жителями — поморянами (именуемыми кашубами), которые пользуются этнодиалектом, называемым также кашубским языком.

В середине XIX в. этот регион был малоизвестен и малоисследован как в Западной Европе, так и в Российской империи. Первым среди российских исследователей этим вопросом заинтересовался граф Н. П. Румянцев. В течение некоторого времени он переписывался с Кшиштофом Мронговьюшем, который, однако, никогда не совершал путешествия в кашубские земли и поэтому располагал лишь сведениями, собранными другими людьми³.

К. Мронговьюш был пастором, евангелическим проповедником, философом и лингвистом. Он изучал в Кёнингсберге теологию и польскую филологию. Закончив обучение, К. Мронговьюш вместе с семьёй переехал в Гданьск, где занял место проповедника в костёле св. Троицы и одновременно работал учителем польского языка в гимназии. В Гданьске К. Мронговьюш заинтересовался кашубами, их религией, культурой и традициями. В середине 20-х гг. XIX в. он издал польско-немецкий словарь, в котором поместил и слова кашубского языка. Эта работа вызвала большой интерес в России, и на этой волне в 1840 г. в Гданьск приезжает П. Прейс. После встречи с автором словаря и несколькими кашубскими деятелями Прайс послал в Петербург отчёт о своей

---

² *Баландин А. И.* Вступление: Гильфердинг А. Ф. // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Архангельск, 1983. С. 6.

³ *Treder J.* Posłowie do: A. F. Hilferding. *Ostatki Słowian na południowym brzegu Morza Bałtyckiego.* Gdańsk, 1990. S. 233.

поездке и словарь из 250 кашубских слов⁴. Несмотря на проявленный им большой интерес к кашубам, он тоже не предпринял путешествие по населённым этим народом землям.

Первым учёным, совершившим поездку по землям, расположенным на южном берегу Балтийского моря, был А. Ф. Гильфердинг. В 1850 г. он прибыл в Гданьск, где его ждал Флориан Цейнова, выдающийся кашубский общественный и национальный деятель, и вместе они отправились в путешествие⁵.

А. Ф. Гильфердинг так вспоминал об этой встрече: «Прежде всего, я посчитал своим долгом посетить самого лучшего, а возможно и единственного, знатока кашубского народа и его языка, г-на Флориана Цейнова <...>. Отправившись вместе в Гданьск, мы оттуда поехали на запад, чтобы посетить кашубский край, в котором посетили Вейхерово, Лэмборк и деревню Глувчице, затем повернули на юг, в сторону Бытова. Здесь я должен был покинуть г-на Цейнову <...> и именно тогда я начал тщательно изучать край, который вместе мы объехали за несколько дней»⁶.

В дальнейшем А. Ф. Гильфердинг отправился в Косьгежину и Стэнжицу, добрался до Хмельно и других мест, а затем вновь вернулся в Вейхерово. Оттуда поехал в Слунск, который его разочаровал, поскольку «ничего кроме названия не напоминает о словинцах в этом торговом, довольно богатом и красивом городе»⁷.

Оттуда, минуя по пути небольшие деревни и местности, он вновь добрался до Гданьска⁸.

Во время своего недолгого пребывания на побережье Балтики А. Ф. Гильфердинг посетил поразительно много мест и собрал довольно большой исследовательский материал. Объём сделанного им изумляет тем, что в это время он был едва двадцатипятилетним человеком, не знал кашубского языка, но, несмотря на это, за ратчайшее время смог сделать значительные наблюдения над культурой и обычаями данного народа, а также изучить этот язык в начальном объёме.

---

⁴ Там же. С. 234.

⁵ *Karnowski J. Doktor Florian Ceynowa. Gdańsk, 1997. S. 41.*

⁶ *Hilferding A. F. Ostatki Słowian na południowym brzegu Morza Bałtyckiego. Gdańsk, 1990. S. 7.*

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С. 7.

Результатом его путешествия стал уже цитировавшийся нами труд «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря», опубликованный в 1862 г. Значительная его часть посвящена лингвистическим вопросам. А. Ф. Гильфердинг выделил несколько территориальных диалектов, соединил все собранные кашубские слова в одно целое. Он включил туда также слова, записанные и переведённые П. Прейсом и Ф. Цейновой, и сам зафиксировал около 600 новых слов.

Вернувшись в Россию, А. Ф. Гильфердинг уже никогда не смог возвратиться в кашубский край для продолжения своих исследований. Однако это не стало препятствием для его деятельности на польско-русской ниве.

Начиная с середины 50-х гг. XIX в. А. Ф. Гильфердинг работал в Министерстве иностранных дел, которое доверило ему должность генконсула в Боснии. Работая там, он продолжал изучать историю славян и славянских земель. В результате им был написан труд «Босния, Герцеговина и Старая Сербия», а также «Письма об истории сербов и болгар». В Москву он вернулся в 1861 г. и перешёл на службу в Канцелярию. В начале 1863 г. в Царстве Польском, в Литве, частично в Белоруссии и правобережной Украине вспыхнуло вооружённое восстание против русского угнетения. А. Ф. Гильфердинг трудился тогда в Комитете по вопросам Царства Польского⁹. Он отвечал за редактирование статей и писем, объясняющих положение в Польше. Свою оценку польского национального подъёма он изложил в одной из статей, в которой утверждал, что «для нашего блага и для блага польского народа следует освободить польского крестьянина и приложить все силы, чтобы распространить в Польше просвещение. Эти вопросы являются решительно более важными, чем вопросы, касающиеся политического порядка в Царстве Польском. Никакой политической деятель и никакая система управления не может удовлетворить поляков; мы не разрешим польский вопрос с помощью политики. Польский вопрос можно решить только путём общественных начинаний»¹⁰. В своём подходе к польскому вопросу он был не одинок.

⁹ Бестужев-Рюмин К. А. Ф. Гильфердинг. С. 18.

¹⁰ Там же.

Наиболее подробно свой взгляд на Польшу и польский вопрос А. Ф. Гильфердинг осветил в брошюре, изданной в Лондоне «The polish question», текст которой вошёл затем во 2-й том его трудов¹¹. В этой работе славист затрагивал проблемы, волновавшие российское общество в 60-х гг. XIX в.: истоки многовековой борьбы между поляками и русскими, польский подход к идее панславизма, роль польской, русской и эмигрантской литературы в решении польского вопроса.

Взгляды А. Ф. Гильфердинга не слишком отличаются от взглядов других известных интеллектуалов России, но они представляют интерес и побуждают мысль, поскольку вышли из-под пера человека, который воспитывался в Царстве Польском, бегло говорил по-польски, и часть его учителей были поляками.

Работа А. Ф. Гильфердинга положила начало новому направлению научного изучения территорий кашубов на русской почве. Неоспорим его вклад в изучение истории, культуры и традиций других славянских народов, о котором в данной статье мы не упоминаем.

Несмотря на свои выдающиеся свершения, А. Ф. Гильфердинг остаётся деятелем малоизвестным как в Польше, так и в России. Следует вернуть ему то место в истории славистики, которое он в ней занимает по праву: ведь своими трудами он способствовал развитию этой научной дисциплины во многих странах Европы.

Перевод с польского Л. К. Глухой

---

¹¹ Гильфердинг А. Ф. Собрание сочинений. Статьи по современным вопросам славянским. СПб., 1868. Т. 2. С. 35.

Гутовска Моника
(Польша, аспирантка Гданьского ун-та)

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ АРИСТОКРАТКА
МАРИЯ ЖУЛТОВСКАЯ
(по материалам её переписки с сыном)

Несмотря на изобретение телефона, основным средством установления контактов на расстоянии между людьми в конце XIX – начале XX вв. служили письма, почтовые открытки и телеграммы. Характер писем зависел от цели их написания и степени близости между отправителями. Переписка между родителями и детьми служила для обмена информацией о текущих делах и происшествиях с родственниками или знакомыми, для поздравлений с праздниками и семейными торжествами или извещения об отдыхе на курортах. Она является ценным источником об общественной жизни шляхты того времени и источником очень надёжным, потому что содержит сведения искреннего, частного характера.

Одновременно переписка не есть только материал для прослеживания судьбы какого-либо знатного рода и его образа жизни — познавательная ценность писем гораздо шире. С. С. Ницейя называет письмо «рентгеновским снимком психики человека, его мышления, знания и воображения — условий жизни человека»¹. Частные письма, особенно близким людям, нередко дают возможность проникнуть в восприятие автором окружающего мира, узнать о его собственном положении, жизненных приоритетах, круге чтения и, разумеется, в первую очередь о повседневных заботах и радостях. Регистры отражаемой в переписке информации и слухов, вызвавших искренний интерес и всплеск эмоций и чувств конкретного человека, выдают их связь с последующими событиями собственной жизни и жизни членов семьи.

В Варшавской Национальной библиотеке находится собрание писем Марии Сапеги Жултовской (1855–1929), отправлявшихся ею своему сыну Адаму (1881–1958) на протяжении почти двадцати

---

¹ *Nicieja S. S. Biograf — fotograf, detektyw, kreator // Stan i perspektywy rozwoju biografistyki polskiej. Materiały z ogólnopolskiej konferencji naukowej zorganizowanej przez Instytut Historii Uniwersytetu Opolskiego w dniach 23–25 września 1997 r. Opole, 1998. S. 38.*

лет². Первое из них датируется концом 1899 г., а последнее — 1929 г. — годом смерти отправительницы, когда сын поступил в школу св. Марии-Магдалины в Познани³. Собрание насчитывает около 200 писем (в том числе двух на французском языке) и около 400 страниц лицевых и оборотных страниц открыток. Значительная часть писем имеет только окончание, начальные листы утрачены.

Мария Жултовская (урождённая Сапега) — типичная провинциальная польская аристократка второй половины XIX — начала XX вв. Её жизнь интересна тем, что протекала в двух частях Польши, захваченных Австро-Венгрией и Пруссией. Она родилась в Кракове в княжеской семье известного галицийского общественного деятеля и политика Адама Станислава Сапеги (1828–1903) и Ядвиги, урождённой Сангушко (1830–1918). Семейные узы связывали их с аристократическими родами Чарторыских, Замойских и Любомирских.

Представительница каденьской линии княжеского рода Сапегов⁴ Мария росла и воспитывалась в новой родовой резиденции, которой с 30-х гг. XIX в. стал расположенный в пшемысльском повяте Красичин. В замка витал дух родового прошлого, которое было тесно связано с трудной исторической судьбой польского народа. Там, а также в львовском дворце Сапегов, одном из центров тогдашней светской и политической жизни города, Мария готовилась к традиционной роли тогдашней женщины — быть образцовой женой и матерью. Она пребывала в убеждённости, что самой главной её задачей является создание гармоничного супружеского союза и здорового семейного круга, необходимого для воспитания и становления характеров её собственных детей.

Мария Сапега получила солидное домашнее образование, приличествующее девушкам из высших слоёв общества второй

---

² M. z Sapiehów Żółtowska. Listy do syna Adama Żółtowskiego. T. 1–2. Rps BN 10266 t. 1–2 III.

³ Позднее он учился философии сначала в Страсбурге, затем в Берлине, Гейдельберге и Мюнхене, получив в последнем титул доктора философии (1904). С 1910 г. он вместе с женой Яной стал жить в Кракове, где он преподавал историю философии в Ягеллонском университете. После возрождения Польского государства работал в Министерстве иностранных дел и Познаньском университете.

⁴ Каденьская линия была младшей в роде Сапегов, она тянулась из Великого княжества Литовского в Подяшье, из местечка, которое Иван Сапега купил ещё в начале XVI в.

половины XIX в. Оно включало общие знания, игру на фортепьяно, рисование⁵, а также знание иностранных языков, прежде всего французского и немецкого. Адам и Ядвига Сапегы заботились о том, чтобы и их дети овладели английским языком: его знание позднее позволило их дочери читать произведения англичан в оригинале. Что же касается участия в общественной жизни женщины того времени, то примером здесь служила деятельность бабок Марии — Ядвиги, урождённой Замоиской, Изабеллы, урождённой Любомирской, — и матери Ядвиги, урождённой Сангушко. Главными здесь были благотворительность и забота о сельских жителях, служившие естественной формой социальной активности Марии и рассматриваемые ею как долг. Помощь беднякам была для неё естественным продолжением следования принципам христианства, которые она впитала в семье, отличавшейся сильной приверженностью католической вере.

В доме Сапегов витал дух патриотизма и необходимости служения обществу. После участия в ноябрьском восстании дед Марии, Леон Сапега, решил поселиться в Галиции. В 1861 г. он вместе с сыном Адамом был избран в Польский сейм. В 1863 г. отца Марии арестовали за организацию повстанческих структур в восточной части Галиции во время январского восстания. Но он сумел бежать из львовской тюрьмы, чем обрёк себя на эмиграцию. Девятилетняя Мария с матерью, братьями и сёстрами покинули Галицию и последовали за ним. Семья Сапегов жила тогда попеременно в Париже и Гейдельберге и вернулась в Красичин только в 1866 г.

В возрасте 22 лет Мария вышла замуж за Станислава Жултовского (1849–1908), войдя в зажиточную и уважаемую семью великопольских помещиков. Её муж, в будущем очень уважаемый хозяин и активный общественный деятель, обладал значительными имениями, главное из которых, Неханув, находилось в окрестностях Гнезно. Полученное в Германии аграрное и экономическое образование позволяло С. Жултовскому вводить многочисленные усовершенствования на своих землях. Он, принимал на практику молодых помещиков, выступал с лекциями на собраниях Центрального экономического товарищества и публиковал в журнале

---

⁵ *Boldyrew A. Matka i dziecko w rodzinie polskiej. Ewolucja modelu życia rodzinnego w latach 1795–1918. Warszawa, 2008. S. 209.*

«Землевладелец» статьи, пропагандирующие прогрессивные формы хозяйствования. С. Жултовский предпринимал активные шаги для того, чтобы земля в Великой Польше оставалась в руках поляков.

Обширная переписка с сыном характеризует М. Жултовскую как любящую и заботливую мать. Княгиня родила семерых детей — четырёх сыновей и трёх дочерей, две из которых умерли в раннем детстве. Из писем мы узнаём, в частности, о домашних учителях младших детей и направленности образования потомства. Слова, адресованные сыну, пропитаны чувством материнской заботы о религиозности сына, его социальной восприимчивости, поддержании соответствующих контактов в светском обществе и физическом здоровье.

М. Жултовская являла собой тип помещицы, активно занимающейся управлением домашним хозяйством. В поместье Неханув она постоянно скрупулёзно распределяла работу среди состоящей из 20 человек прислуги и следила за своевременным исполнением.

Смерть мужа в 1908 г. изменила жизнь Марию: она решила оставить Неханув старшему сыну и переехать в имение Строньско, купленное мужем за два года до кончины. Оно располагалось в граничащей с Великой Польшей части Нижней Силезии, в нём никогда не жил и не занимался хозяйством сам хозяин⁶. Поэтому налаживание в имении хозяйственных работ потребовало от новой владелицы значительных усилий: Мария активно участвовала в управлении хозяйством, в частности, лично наблюдала за севом и выращиванием зерна, планировала вместе с сыновьями нововведения, собственноручно выращивала розы.

На новом месте М. Жултовская вместе с дочерью Зофьей были общественно заметными фигурами среди своих соотечественников, составлявших здесь меньшинство по сравнению с немцами. Путь к укреплению чувства польской национальной идентичности Мария видела в самоорганизации сельского населения и усилении солидарности соседей в случаях неблагоприятных для местных поляков действий немецких властей. По её инициативе стали проводиться собрания крестьянских женщин, местные хозяева стали создавать сельскохозяйственные кружки. В доме Марии, а затем

---

⁶ Maria Żółtowska do syna Adama. Listy. T. 1. Strońsko 30.11.1911, k. 193 v.

и в костёле начали проводиться богослужения в честь Богородицы на польском языке, что позволяло укреплять среди местного населения польские языковые традиции.

После окончания Первой мировой войны Мария вместе с дочерью поселилась в Познани. Их дом стал одним из мест встреч местной элиты, хотя в сравнении с другими светскими салонами столицы Великой Польши «княгиня Жултовская <...> принимала у себя более тесный круг лиц, причём круг этот казался довольно закрытым»⁷.

Гостями обеих дам Жултовских были, в частности, члены Национально-демократической партии (во главе с лидером Романом Дмовским), поскольку именно с этой политической средой был связан Адам Жултовский⁸.

Своё свободное время Мария посвящала чтению книг и прессы. До смерти мужа она часто обсуждала с ним прочитанное, особенно политические события, происходившие в прусской части Польши и в Германской империи, проблемы католической церкви.

Мария охотно обращалась к польской литературе, читала произведения Г. Сенкевича, З. Красиньского, С. Выспяньского и С. Пшибышевского. В круг её чтения входили и книги на французском языке, в частности произведения И. Тэна, описывающие польскую архитектуру и искусство Италии. По-английски Мария читала романы Ч. Диккенса и Г. Уэллса. Контакты с европейской литературой и путешествия давали Марии возможность узнать другие народы и прикоснуться к интеллектуальному богатству старого континента.

Среди форм досуга М. Жултовской были и традиционные для тогдашней сельской аристократии концерты классической музыки и оперные представления. Она живо заинтересовалась технической новинкой того времени — фотоаппаратом, сама охотно снимала, пытаясь запечатлеть действительность с его помощью.

М. Жултовская является одной из типичных великопольских⁹

---

⁷ *Leitgeber S.* Dyskretny urok salonów. Życie towarzyskie w międzywojennym Poznaniu / w oprac. B. Kusztelskiego. Poznań, 2006. S. 101.

⁸ J. z Puttkamerów Żółtowska, Adam Żółtowski (1881–1958). «Związek Rodu Żółtowskich» edycja elektroniczna, 1994–1995. Nr. 6–8. URL: http://www.zoltowscy.org.pl/kwartalnik/6_8/adam_zoltowski.html (dostęp 12.03.2012).

⁹ *Molik W.* Życie codzienne ziemiaństwa w Wielkopolsce w XIX i na początku XX wieku. Kultura materialna. Poznań, 1999. S. 310.

помещиц конца XIX – начала XX вв. Наша героиня — «хранительница традиций национальной культуры, её семья — очаг патриотизма, а вышедшие из него представители молодого поколения несут в себе силу, любовь к истории, польской культуре и языку и противодействие германизации». Общественная деятельность М. Жултовской должна была влиять на усиление чувства принадлежности к польскому народу у представителей низших слоёв¹⁰.

Рамки нарисованной картины следовало бы расширить. Культивирование национальных традиций и культурных начинаний в поместьях и дворцах великопольских помещиц характеризовалось также и их принадлежностью к кругу западной культуры — французской, английской, немецкой и итальянской. Оно становилось возможным благодаря изучению иностранных языков как необходимого элемента образования молодого поколения и вытекало из убеждённости аристократии в существовании её тесной связи с Западной Европой¹¹.

Переписка М. Жултовской с сыном не позволяет реконструировать особенности её личности целиком. В ней нет, например, сведений о детстве Марии и её девичестве, на их основе невозможно воссоздать взаимоотношения Марии и Станислава в браке и характер существовавшей между ними эмоциональной связи. Для создания более полного образа великопольской помещицы следует обратиться к переписке княгини с мужем и другими членами семьи, к письмам и личным рассказам о Марии и супругах Жултовских, которые содержатся в дневниках их родственников и друзей.

Перевод с польского Л. К. Глуховой

---

¹⁰ *Szafer K. Ziemiaństwo jako elita społeczeństwa polskiego w Wielkopolsce na przełomie XIX i XX wieku. Zielona Góra, 2005. S. 176.*

¹¹ *Molik W. Życie codzienne... S. 317.*

ВИДИНСКИЕ СБОРНИКИ СОФРОНИЯ ВРАЧАНСКОГО: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

«Книга потеряла свою былую силу, она больше не властвует над нашими чувствами и мыслями, её власть свергнута новыми медиа, новыми средствами коммуникации», — эти слова Анри Жан Мартена могут быть отправной точкой нашего доклада. Он посвящён литературным трудам Софония Врачанского, написанным в начале XIX столетия, во времена, когда книга ещё царствовала над умами и чувствами.

Пожалуй, не будет ошибкой назвать епископа, книжника, переводчика, просветителя Софония Врачанского одним из самых популярных героев болгарской историографии.

Его труды «Недельник» и «Житие и страдания грешного Софония» были и остаются фаворитами исследовательского интереса, чего не скажешь о Видинских сборниках — наверное, самых малоизученных софрониевских литературных трудов.

Видинские сборники — позднее название, данное историками нескольким десяткам переводных литературных сочинений, которые Софоний создал в мае–июне 1802 г. в городе Видин и составил из них два независимых кодекса.

Первый Видинский сборник (НБКМ № 356) состоит из 79 церковных текстов — слов и поучений различного происхождения. Этот сборник практически не изучен, его тексты напечатаны частично. В различных научных изданиях мы можем отыскать порядка 20 опубликованных сочинений — оставшиеся 59 текстов ждут своей очереди. Стоит подчеркнуть, что мы склонны видеть в Первом Видинском сборнике средневековый кодекс, в котором форма всё ещё влияет на содержание, порядок следования текстов — на смысл и заложенную в сборнике идею; такой тип исторического источника должен публиковаться только целиком; разделённый же на части, он теряет заложенный автором смысл.

Второй Видинский сборник (НБКМ № 1093), состоящий из сочинений светских жанров, тоже пока изучен фрагментарно.

Между собой оба книжных «собрата» почти никогда не сопоставлялись.

Одна из наших задач заключалась в сравнении двух родственных сборников.

Но, прежде чем начать разговор о конкретных особенностях этих кодексов, подчеркнём, что жизнь Софония проходила рядом с книгами, протекала в ряде книжных центров Османской империи XVIII–XIX вв. Главными среди них были Котел, Афон, Видин, Бухарест.

Литературная продукция Котела — «alma mater» книжника Софония — испытывала сильное влияние восточнославянской, афонской и румынской книжности. В Видине же присутствовало католическое влияние. Не случайно в один из Видинских сборников вошло произведение католического писателя — Амброзия Марлиана (XVI в.) «Theatrum politicum». В Бухаресте при дворе молдавлахийских господарей была распространена литература эпохи Просвещения. Черты Просвещения обозначились в поздних трудах Софония.

Присмотримся к жанровому разнообразию Видинских сборников.

Второй Видинский сборник состоит из цикла поучений — «Начало премудрости — страх Божий», а также из «Эзоповых басен», «Философии Синтипа Философа», «Философских мудростей», «Слова на поставление нового архиерея». Первый Видинский сборник состоит из нескольких десятков слов и поучений, относящихся к классической патристике.

На первый взгляд, может показаться, что сборники представляют собой два независимых друг от друга кодекса. Однако наше подробное их изучение показало наличие между ними семантического единства.

Например, они объединены общим адресатом, оба посвящены клиру.

Так, Первый Видинский сборник начинается теми же словами, которые завершают Второй Видинский сборник: «Блажен град от благочестивых царей царствуем / И монастырь от воздержных и искусных строим / И корабль от искусных управляем...» (НБКМ. № 356. Л. VI; НБКМ. № 1093. Л. 432 об.).

В ходе исследования семантических ключей¹ Первого Видинского сборника мы пришли к выводу, что их основное значение состоит в донесении до читателя сути и смысла пастырского служения. Во Втором Видинском сборнике смысловых ключей гораздо меньше, жанры текстов разнообразнее, характер сборника, в целом, ярче и противоречивее: под одной обложкой собрались и басни о болтливых женщинах, и политические сочинения, и книги Ветхого Завета, однако финальный аккорд сборника — «Слово на поставление нового архиерея» — повторяет главные смысловые интонации Первого Видинского сборника — что делать, чтобы достойно пронести ношу священства на Земле.

Впрочем, что же делать с остальными сочинениями Второго Видинского сборника? «Философские мудрости» или «Философия Синтипа Философа», вошедшие в состав этого сборника, и жанрово, и типологически относятся к светским повестям о принципах политического управления. Нам кажется, что термины, которые Софроний использует в описании различных «политических» обстоятельств, на самом деле относятся к власти священника.

Достаточно архаичными являются стилистические особенности сборников. Переводная литература с новогреческого языка, вошедшая во Второй Видинский сборник, относится к типу средневековой светской литературы, которая, если и рассказывает о жизни или деяниях великого человека, то только с точки зрения «*historia magistra vitae*». Так, например, жизнь Александра Македонского или Екатерины Второй мало того что могут протекать как бы одновременно, но и интересуют автора только с точки зрения своего дидактического смысла.

Первый Видинский сборник содержит в себе традиционный патристический материал (который, кстати, почему-то сгущается к концу сборника, начиная со Слова № 59), распространённый в болгарской литературе со времён царя Симеона (IX–X вв.).

Важно отметить, что сборники составлены для чтения вслух, поэтому можно говорить об особой технике репрезентации этих книг. Было бы интересно поразмышлять об археологии забытых практик, с помощью которых в прошлом репрезентировались книги, в частности, потому, что в формах репрезентации и рецепции

¹ Семантически ключи — цитаты из Библии, предваряющие основной текст поучением, в них содержится лейтмотив сочинения.

информации проявляются механизмы социальной идентичности. Какую же социальную действительность отображают эти церковные сборники, созданные для прочтения вслух?

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРНОГОРСКОЙ МОЛОДЁЖИ В РОССИИ И ЧЕРНОГОРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Складывание системы образования в Черногории происходило на протяжении XIX в. Первая школа для мальчиков была открыта при Цетиньском монастыре в 1833 г. митрополитом Петром II Петровичем-Негошем (1830–1851) — незаурядной личностью, желавшей пролить свет образования на свой народ. Вслед за первой богословской школой была открыта вторая в Добрской Келии (1847). Преемник Петра II, князь Данила, ставший первым светским правителем Черногории (1851–1860), в 1851 г. также намеревался развивать систему образования в стране, однако не успел воплотить в жизнь свои замыслы за непродолжительный срок своего правления. Его преемник, Никола (1860–1910 — князь, 1910–1918 — король), активно взялся за народное просвещение в Черногории; уже в 1863 г. он основал семь мужских народных школ. Учителями в них в основном были священники; школы являлись четырёхклассными¹.

В 1868 г. князь Никола предпринял первую поездку в Россию, результаты которой не заставили себя ждать: при всесторонней помощи России в следующем 1869 г. в черногорской столице Цетинье были открыты два учебных заведения: Богословско-учительская школа, на содержание которой император Александр II (1855–1881) постановил ежегодно выплачивать из российской казны по 8 000 руб., а также на Мариинский Женский институт, курируемый императрицей Марией Александровной². Этому Институту императрица ежегодно жертвовала на содержание по 5 500 руб.³, именно он положил начало женскому образованию в Черногории.

Цетиньский Женский институт пользовался огромной славой и авторитетом не только в Черногории, но и в других югославянских странах, о чём писали русские путешественники на Балканах⁴.

¹ Вульфсон Э. С. Черногория и черногорцы. М., 1909. С. 150–151.

² Императрица Мария Александровна (1824–1880) — жена императора Александра II.

³ Там же. С. 152; Хитрова Н. И. Россия и Черногория в 1878–1908 гг. М., 1993. Ч. 1. С. 111–125.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 146 —

По своей сути данный институт являлся черногорским аналогом Петербургского Смольного института благородных девиц и обеспечивал среднее образование⁵. Его учебный план наглядно свидетельствует о высоком образовательном уровне. Девочки изучали здесь Закон Божий, русский, сербский и французский языки, историю и литературу. Преподавание велось в основном на русском языке русскими учителями; учебные пособия поставлялись из России. Помимо упомянутых дисциплин, девочки изучали математику, естественные науки, географию, садоводство, домоводство, рисование, музыку, технику и педагогику⁶.

Высшее образование в Черногории получить было сложно, его давали лишь в Богословско-учебной школе, программу которой стали постепенно совершенствовать, подняв четырёхклассное обучение до восьмиклассного (1889–1890). Однако уже в 1898 г. княжеское правительство пришло к заключению, что Богословско-учительская школа «не удовлетворяют воспитательным нуждам страны». Приём воспитанников в начальные классы был прекращён, и учебное заведение должно было логически завершить своё существование⁷. Видимо, черногорский князь считал более выгодным посылать черногорцев учиться за границу — в Австрию, Италию, Францию и Россию. Чаще всего черногорцы ехали за границу получать медицинское и военное образование.

По мнению русского военного агента в Черногории Н. М. Потапова⁸ (1871–1946), России выгоднее было открывать

«Славянский стол». Оп. 495. Д. 9074 — «Вопрос о принятии на себя Императорским правительством попечения над народным образованием в Черногории, а равно и учреждения там русских больниц. 1901 г. Л. 7–10, Л. 13–13 об.; *Горталов Н. К.* Княжество Черногория и поездка казанских гимназистов в июне 1901 г. Казань, 1903. С. 9; *Князь Голицын Дм.* У синя моря. Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1898. С. 98; *Кулаковский П.* Юбилей князей Негошей в Черногории. 1696–1896 г. М., 1896. С. 80; *Россиев П. А.* Гнездо орлов. М., 1914. С. 36.

⁵ *Ровински П. А.* Девојачки институт Царице Марије на Цетињу. Цетиње, 2000. С. 5.

⁶ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 17 об.; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 669 — Великая княгиня Милица Николаевна Романова. Оп. 1. Д. 98 — Учебный план (программа) школы для девочек в Цетинье (Черногория) на сербском языке, типографический экземпляр. 1880. Л. 1–6.

⁷ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 19 об. — 20.

⁸ Потапов Николай Михайлович — полковник Генерального штаба, русский военный агент в Черногории с 1903 по 1915 гг. Был направлен в Черногорию

учебные заведения в Черногории, чем принимать черногорцев в России, где многие из них старались остаться. Потапов нередко сталкивался с недоброжелательным отношением к России черногорцев, окончивших западноевропейские учебные заведения. Выход из положения он усматривал в открытии в Черногории кадетского корпуса с русским воспитателем⁹. Впоследствии такой корпус был открыт в 1911 г. под руководством В. Н. Егорьева (1869–1948)¹⁰, но уже через год его закрыли из-за начавшейся Первой Балканской войны (26 сентября/—октября 1912 г.). В здании кадетского корпуса размещалось отделение русского Красного Креста. Вскоре оно заняло и здание Цетиньского Женского института, а сам институт окончательно закрыли по приказу короля Николы (1913)¹¹.

Практика приёма черногорской молодёжи в русские учебные заведения велась ещё с XVIII в., для обучения в России приезжали не только молодые люди, но и девушки. Отметим, что пять дочерей князя Николы — Любица/Зорка (1864–1890), Милица (1866–1951), Анастасия/Стана (1867/1935), Мария (1879–1885) и Елена (1873–1952) — проходили обучение в Смольном институте. Здесь они столкнулись с суровым петербургским климатом и тяжёлыми условиями институтской жизни, о чём можно узнать из воспоминаний бывших «смолянок» А. Н. Энгельгардт и Е. Н. Водовозовой. Институтки недоедали и постоянно страдали от переохлаждения¹². В таких условиях некоторые девицы не выдерживали — заболели

для модернизации черногорской армии, одновременно выполнял дипломатические функции, следил за расходованием русской военной субсидии.

⁹ Из отчета Н. М. Потапова о своей деятельности в Черногории с 9 (22) августа по 1 (14) ноября 1904 г. об отношении к России различных групп черногорского общества и о мерах к усилению российского политического влияния. 29 октября (11 ноября) 1904. Цетинье // Потапов Н. М. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М., 2003. Т. I. Подгорица. С. 168.

¹⁰ Егорьев Владимир Николаевич с 1910 по 1914 гг. состоял при Генеральном штабе. Был командирован в Черногорию, где занимал важные посты в армии: главный начальник военно-учебных заведений, генерал-инспектор народного образования, командир кадетского корпуса.

¹¹ *Содомов А. И.* Черногория. М., 1917. С. 8.

¹² *Водовозова Е. Н.* На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2008. С. 229; *Энгельгардт А. Н.* Очерки институтской жизни былого времени // Там же. С. 135–144.

и даже умирали. Так случилось с черногорской княжной Марией, скончавшейся в шестнадцатилетнем возрасте в 1885 г.

Черногорские княжны были отправлены обучаться в Петербург не случайно: князь Никола планировал выдать своих дочерей замуж за представителей дома Романовых, поэтому он не оставил их дома, где они могли бы учиться в Цетиньском институте. Планы Николы осуществились: в 1889 г. состоялись свадьбы Милицы Николаевны Петрович-Негош с Петром Николаевичем Романовым (1864–1931) и Анастасии Николаевны Петрович-Негош с Георгием (Юрием) Романовским (1852–1912), 6-м герцогом Лейхтенбергским, третьим сыном великой княжны Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. При объявлении о бракосочетаниях Александр III (1881–1894) произнёс знаменитый тост «за единственного друга России, черногорского князя Николая». Отметим, что мужья упомянутых черногорских принцесс являлись двоюродными братьями русского императора. Эти бракосочетания имели для Черногории и её правящей династии Петровичей-Негошей большое значение, они подняли её престиж на международный уровень и закрепили авторитет как среди черногорцев, так и среди других югославян¹³.

Став русскими великими княгинями, Милица и Стана не забывали своих черногорских корней. Так, в Черногории существовал «Детский сад великой княгини Милицы Николаевны», спонсировавшийся ею¹⁴. По свидетельству известного русского путешественника П. А. Ровинского, изначально детский сад был предназначен для детей бедняков, шатавшихся без дела по улицам Цетинье. Затем он быстро приобрёл добрую славу, и в него стали отдавать детей черногорские богачи и чиновники. Детей учили здесь воспитывать младших, ухаживать за садом, петь, рисовать, шить и заниматься разнообразным ручным трудом¹⁵.

Итак, на протяжении рассматриваемого периода Россия активно участвовала в строительстве системы образования Черногории. Она открывала учебные заведения с русскими учителями, принимая черногорских студентов в свои учебные

¹³ Шкеровић Н. П. Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 29.

¹⁴ Ровинский П. А. Черногория в её прошлом и настоящем. СПб., 1888–1915. Т. 3. С. 442.

¹⁵ Там же. С. 443–445.

заведения, воспитывая в них прорусски настроенную молодёжь. Посредством образования черногорской молодёжи, Россия перекидывала мостик в южнославянский мир и усиливала своё влияние на Балканах.

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА К БАЛКАНСКИМ ВОЙНАМ 1912–1913 гг.

Балканские войны 1912–1913 гг. не могли не вызывать интереса в русском обществе. Симпатии подданных «царя православного», очевидно, должны были находиться на стороне Балканского союза, поскольку, как это констатируется в бумагах Московского охранного отделения, славяне «считаются «нашими», а турки — «не нашими»¹. Но насколько были сильны эти симпатии?

Если судить по отечественной прессе того времени, то для общества это было темой номер «один». Однако при ознакомлении с мемуарами современников событий картина складывается несколько иная. К примеру, великий князь Александр Михайлович создавал тогда российскую военную авиацию, и на Балканы были посланы русские лётчики. Второй раз в истории это «механическое» новшество использовалось для уничтожения людей и принесло новые жертвы. Но в мемуарах князя об этом нет ни слова — речь идёт лишь о его поездках по Европе². Выдающийся военный хирург В. А. Оппель в своих воспоминаниях о периоде 1905–1914 гг. пишет исключительно о друзьях и преподавании медицины³. П. Г. Курилов, работавший в прокурорском надзоре и руководивший отдельным жандармским корпусом, интересовался лишь степенью мелочности и тщеславия Коковцова⁴. А князь Ф. Юсупов, будущий организатор заговора по устранению Г. Распутина, повествует больше о светской жизни в Англии и о грядущей своей помолвке. Из событий внешней политики им упомянуто единственно о свидании русского императора с немецким кайзером, которого Николай II недолюбливал⁵. В письмах А. Белого поэту А. Блоку война на Балканах затронута лишь однажды, и то в связи с приостановлением строительства Черноморской

¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 26. Л. 19.

² Александр Михайлович. Мемуары Великого князя. М., 2001.

³ *Опель В. А.* Мое жизнеописание. СПб., 2002.

⁴ *Курилов П. Г.* Гибель императорской России. М., 2002.

⁵ *Юсупов Ф.* Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993. С. 118.

железной дороги, из-за чего блоковский участок земли вновь обесценился⁶. В дневнике М. М. Пришвина о Балканских войнах говорится только раз, когда писатель описывает, как он перепутал турка с греком в магазине в Ялте⁷.

Как бы то ни было, осенью 1912 г. российская профессура приняла решение устроить публичные лекции об истории Балкан. В Москве их читали в Политехническом музее, Консерватории и других общественных местах. Докладчиками выступали небезызвестные московским историкам-славистам В. И. Пичета, Г. В. Вернадский, С. Г. Григоров, Б. Ф. Добрынин и другие лекторы. Правда, балканские сюжеты не были единственными⁸. Но на проведение таких лекций требовалось разрешение министра внутренних дел, который в принципе против них не возражал, но потребовал обязательного присутствия на них полицейских чинов⁹. Историк и социолог М. М. Ковалевский был одним из организаторов таких чтений в Петербурге. «К моему немалому смущению... интерес [к лекциям] был довольно ограниченный», — пишет он в своих мемуарах. Но дело было не в слабом интересе публики к балканским проблемам, а «в малой самопроизвольности в том неославянском движении, которое несправедливо считают начальным виновником настоящей войны»¹⁰.

Тем не менее реакция общества себя проявляла. На Балканы отправились добровольцы, миссии Красного Креста, собирались средства для лечения раненых и нуждающихся. Согласно данным болгарской прессы, всё это имело невероятные масштабы. Так, газета «Вечерна пошта» («Вечерна поща») удивила мир сенсационной новостью о неизвестном нам генерале Бендереве, готовом выдвинуться на Балканы во главе десятитысячного отряда добровольцев с полной военной экипировкой¹¹. Орган правящей партии Болгарии «Мир» писал о 22 тысячах записавшихся в российской столице добровольцах, среди которых имелось

---

⁶ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. М., 2001. С. 471.

⁷ Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913 гг. СПб., 2007. С. 653.

⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 31. Т. 2. Л. 77, 81, 82, 83, 88, 112.

⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 31. Т. 1. Л. 62.

¹⁰ Ковалевский М. М. Моя жизнь: воспоминания. М., 2005. С. 416.

¹¹ Вечерна поща. № 1 (22.09.1912).

несколько сотен офицеров¹². Об этом им могли сообщить и из России. Так, заместитель председателя Славянского общества в Петербурге буржуазии сквозит в донесениях из Ярославля. Это объясняется тем, что в период войны торговые сношения обычно прерываются из-за военных действий, тем более что в войнах участвовала Турция: проливы становились непроходимыми, и зависящий от прохождения через них южнорусский экспорт приостанавливался. Понятно и безразличие низших слоёв нашего общества. Озабоченному прокормом собственной семьи русскому крестьянину не было никакого дела до далёких Балкан.

Событиями на Балканах живо интересовалась лишь русская интеллигенция. В её среде, согласно донесению другого агента, по кличке «Пушкарев», даже наблюдается «борьба, кто больше сочувствует»¹³. Интересные свидетельства этого сочувствия можно найти в записях современников. Отправлявшийся на Балканы корреспондент встретил в поезде Киев–Одесса довольно интересных собеседников. Один из них, бывший морской офицер, а ныне директор банка, много путешествовавший по России и имевший широкие связи, утверждал, что никаких особых симпатий к балканским славянам он не замечал, и «всё это вздуто печатью, которая взгляды небольшой группы лиц приписывает всей России». У него нашёлся оппонент — молодой корнет, назвавший поднявшиеся на борьбу против турок народы «нашими славянскими бурами». Третий же спутник, «светило московской адвокатуры», сравнил балканских жителей с «бедными, но назойливыми родственниками», вытягивавшими из России средства, необходимые для развития её собственного народа¹⁴.

А. А. Пиленко, который, в отличие от предыдущего журналиста, не был военным и не ездил освещать Русско-японскую войну, рассказывает, что знакомые относились с иронией к его желанию отправиться корреспондентом на Балканы. Он пишет, что сам не мог ответить себе, почему он принял такое решение и почему ему «показалось, что именно во время этой войны наяву свершатся самые заветные... сны». И только один из друзей

¹² Мир. № 3686 (17.10.1912).

¹³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 26. Л. 18.

¹⁴ *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 10–11.

его понял: «Милый, ведь никогда, никогда это не повторится... Пятьсот лет истории; вся борьба славянства с германизмом; всё, всё может повернуться»¹⁵.

Документы Московского отделения по охране общественной безопасности и порядка говорят о том, что «газетные статьи читаются с жадностью, победы союзных Балканских государств вызывают восторг»¹⁶. О том, насколько жадно такие материалы читались и обсуждались, можно понять из одной пьесы, опубликованной в журнале «Сатирикон». На наш взгляд, юмористическая литература, особенно такая острая и тонкая, как публикуемая этим изданием, довольно точно отражает сложившуюся ситуацию, ибо шутка смешна только тогда, когда она понятна и близка реципиенту и опирается на реальность. В рассказе между действующими лицами происходит диспут в дачном поезде второго класса, они путают имена политических деятелей и топонимы, далее происходит трудно пересказываемый диалог, который мы приведём в сокращённом виде:

«Третий пассажир: Все орут да орут “Крест на Святую Софию”. Разве болгары — нехристи?..

Второй пассажир: София?.. Столица Болгарии?.. Гм... Это знаете, ещё... не установлено.

Первый пассажир (с апломбом): София — сербский!

Второй пассажир: Ну, нет, София — румынский!..

Третий пассажир: ... да как же православный город и вдруг без креста?

Первый пассажир: Здесь очень длинная история, рассказать которую трудно»¹⁷.

Из этой сценки складывается любопытное впечатление о видении отношения русского общества к Балканской войне. Оно заключается в том, что имевшийся интерес был чисто обывательским, не опирался на какие-либо действительные знания или тем более на понимание сути происходящих событий. Такой же вывод напрашивается из диалога между директором банка и молодым корнетом, о котором говорилось выше. Знающий предприниматель

¹⁵ Пилленко А. А. Около болгарской войны. СПб., 1913. С. 8–9.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 26. Л. 15.

¹⁷ Сатирикон. № 29 (19.07.1913).

абсолютно точно оценивает ситуацию, а пылкий юноша просто транслирует чужие слова, не способный по молодости лет осознать реальное положение на Балканах. Нечто подобное описывает и Л. Д. Троцкий, встретивший в Болгарии сестёр милосердия, которые на вопрос о месте своего назначения ошибочно назвали Лозенград как «Лозевой»¹⁸.

Российская дипломатия находилась в тяжёлом положении: Австро-Венгрия оказывала серьёзное давление на Сербию и Черногорию, принуждая отказаться от присоединения тех территорий, на которых Вена планировала создать Албанию. Россия не могла оставить славянские государства, хотя перспектива военного столкновения с двуединой империей была для неё крайне нежелательна. Недаром предшественник С. Д. Сазонова на посту министра иностранных дел А. П. Извольский заметил в одном из разговоров, что он «не хотел бы оказаться на месте Сазонова»¹⁹. На Певческом мосту старались не допустить конфликта и не поощряли антиавстрийские высказывания. Как уже говорилось, в Петербурге была разогнана манифестация. Толпа там была настолько возбуждена пением гимна, что, когда приехал градоначальник Д. В. Драчевский, раздались крики с требованием к нему вылезти из повозки. Драчевскому пришлось подчиниться, и он нехотя приложил руку к козырьку²⁰. Известно, что среди городской, особенно студенческой, молодёжи всегда сильны протестные настроения, причём не по какому-либо конкретному поводу, а ради самого протеста как такового. Естественно, что запрет на антиавстрийские лозунги приводил к обратному эффекту — вызывал поддержку Балканского союза.

Таким образом, сила реакции русского общества на балканские события 1912–1913 гг. была различной в различных социальных стратах. Наиболее активно реагировали на них жители больших городов и интеллигенция, степень их вовлеченности во всё происходившее в «пороховом погребе Европы» была достаточно высокой, в отличие от представителей более низких

---

¹⁸ LITMIR.net - Электронная Библиотека. URL: www.litmir.net/br/?b=138203&p=48 (дата обращения: 04.05.12).

¹⁹ Салабашев И. Спомени. София, 1943. С. 473.

²⁰ Родзянко М. В. Указ. соч. С. 72.

страт. Но даже среди равнодушных уровень знания и понимания сути балканских событий оставался невелик. Таким образом, пример отношения русского общества к Балканским войнам служит очередным подтверждением известной оторванности интеллигенции от народа, частью которого она является.

Лебедева Мария
(аспирантка филол. фак-та МГУ)

НАПРЕСТОЛЬНЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ XIV–XVII ВВ. И ИХ РОЛЬ В ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Славянские напрестольные евангелия XIV–XVII вв. — авторитетные представители зарождающегося в *Slavia Orthodoxa* в XIV в. религиозного и культурного процесса, следствием которого стала кодификация языка и орфографии славянского евангельского перевода. Результат этого процесса, объединившего всех православных христиан, — ревизия текста славянских Евангелий.

Напрестольные евангелия — лицевые фолианты с красочными миниатюрами, выполненными в эмалевой технике неовизантийского стиля, украшенные драгоценными обложками, золотыми или серебряными окладами.

Эти памятники славянской книжности исследовались в основном искусствоведами, по неясным причинам их язык редко становился объектом изучения.

Сравнительное исследование языковых и орфографических особенностей пяти напрестольных евангелий (Иван-Александрова (Лондонского) Евангелия 1356 г., Оксфордского Евангелия 1429 г., Елисаветградского Евангелия, Евангелия из монастыря Драгомирна 1614 г., а также Евангелия из Геннадиевской Библии — первого полного славянского библейского свода) и последующее сопоставление полученных результатов с языковым материалом современного богослужебного текста русского Евангелия помогут определить их роль в книжности восточных и южных славян.

Комплексное исследование языковых особенностей напрестольных евангелий XIV–XVII вв. посредством их последовательного стихового сравнения, основанного на движении от более древнего текста к его копиям, позволяет проследить направление эволюции переводческой техники средневековых книжников. Выявленные в ходе исследовательской

работы разночтения сопоставляются с разночтениями, представленными в критическом аппарате под ред. А. А. Алексеева (Алексеев: 2005) и анализируются с точки зрения принадлежности к конкретной редакции богослужебного текста.

В качестве примера подобного исследования можно рассмотреть сопоставление двух стихов, *Mt 3: 7* и *Mt 5: 21*, произвольно выбранных из Евангелия от Матфея.

Mt 3: 7

ИА: ВѢДѢВ же многы фарисѣи и саддукѣи грьдѣща на крѣщеніе его, рече имъ иициѣдна іехнѣнова кто сказа вамъ вѣжати ѿ грьдѣщаго гнѣва
ОЕ: нѣдѣв же многы фарисѣѣи и саддукѣѣи грьдѣща на крѣщеніе его, рече имъ рождѣніа ехиднова кто показа вамъ вѣжати ѿ грьдѣщаго гнѣва
ТБ: вѣдѣв же многы фарисѣи и саддукѣѣа грьдѣща на крѣщеніе его, рече имъ рождѣніа ехиднова. кто сказа вамъ вѣжати ѿ бодѣщаго гнѣва
ЕЕ: вѣдѣв же многы фарисѣѣи и саддукѣи грьдѣща на крѣщеніе его, рече имъ рождѣніа ехиднова кто показа вамъ вѣжати ѿ грьдѣщаго гнѣва
ЕД: вѣдѣв же многы фарисѣи и саддукѣи грьдѣща на крѣщеніе его, рече имъ порождѣніа ехиднова кто показа вамъ вѣжати ѿ бѣдѣщаго гнѣва.
УБ: вѣдѣвѣ же (ιωάννης) многи фарисѣи и саддукѣи грьдѣщы на крѣщеніе его, рече имъ: рождѣніе ехиднова, кто сказа вамъ вѣжати ѿ бѣдѣщаго гнѣва;

вѣдѣв: *IA GB EE ED* нѣдѣв *OE* | фарисѣ: *IA GB ED* фарисѣѣи *OE EE* | саддукѣ: *IA EE ED* саддукѣѣа *GB* саддукѣѣи *OE* | грьдѣща *IA OE EE ED* грьдѣща *ME* | иициѣдна: *Вп* рождѣніа порождѣніа іехнѣнова ехиднова *ME* | сказа: *ME* | показа *Сd K^m Pp Tñ* | грьдѣщаго: *ME* грьдѣщаго *IA OE GB* бодѣщаго *D^m B OB EE ED*

вѣдѣв — нѣдѣв: ошибка писца; фарисѣ — фарисѣѣи, саддукѣ — саддукѣѣи, саддукѣѣа: антропоним передан в тексте *GB* в соответствии с греческим оригиналом, в современном богослужебном тексте [*УБ*]; грьдѣща — грьдѣща: смешение носовых; грьдѣщаго — грьдѣщаго: употребление нестяженной формы в древнем тексте; іехнѣнова — ехиднова: отражение процесса дейотации.

Mt 5: 21

ИА: Нлышасте іако речено бы древніимъ не оубиешіи нже бо[...] оубиетъ, повнненъ іестъ сѣдоу

ОЕ: Слы́шасте ꙗ́ко рече́но бы́ древнѣмъ, не оубѣши́ ꙗ́же бо љ́ще оубѣть,
 повнненъ ѣ сѣдѣ
 УБ: Слы́шасте ꙗ́ко рече́но бы́ древннѣмъ не оубѣши́ ꙗ́же бо љ́ще оубѣть,
 " повнненъ ѣсть сѣдѣ.
 ЕЕ: Слы́шасте ꙗ́ко рече́но бы́ древннѣмъ не оубѣши́, ꙗ́же оубо[...] оубѣть
 повнненъ ѣ сѣдѣ
 ЕД: Слы́шасте ꙗ́ко рече́но бы́ древннѣмъ не оубѣши́, ꙗ́же оубо[...] оубѣть
 повннѣ ѣ сѣдѣ
 УБ: Слы́шасте, ꙗ́кѡ рече́но бы́сть древннѣмъ: не оубѣши́: ꙗ́же (бо) љ́ще
оубѣть, повнненъ ѣсть сѣдѣ
 Древннѣмъ: *ІА* древнѣмъ ОЕ древнѣмъ МЕ | не оубѣши́: МЕ *ІА* не
 оубѣши́ ОЕ *ГБ* *ЕЕ* *ЕД* | бо: МЕ *адд* љ́ще *ГГ* *ТЛ* *В* *ОВ* ОЕ *ГБ* оубо *от* љ́ще
ЕЕ *ЕД* | оубѣть: МЕ *ІА* оубѣть ОЕ *ГБ* *ЕЕ* *ЕД* | ѣсть: МЕ *ІА* ѣсть ОЕ *ГБ*
ЕЕ *ЕД*

Древннѣмъ — древнѣмъ: в ОЕ отражен процесс унификации окончаний
 прилагательных в мн. ч.; не оубѣши́ — не оубѣши́, оубѣть —
 оубѣть, ѣсть — ѣсть: отражение процесса дейотации; бо, оубо љ́ще:
 в современном богослужебном тексте отражены особенности 2-й
 Афонской редакции.

Сравнение лексических, морфосинтаксических
 и текстологических различий по пяти напрестольным евангелиям
 с языковым материалом современного богослужебного текста
 русского Евангелия указывает на единую тенденцию в эволюции
 славянского перевода Евангелия. В основу современного печатного
 евангельского текста положена именно Афонская, по происхождению
 южнославянская редакция богослужебного текста.

Таким образом, напрестольные евангелия XIV–XVII вв.
 свидетельствуют о преемственности православной традиции
 восточных и южных славян, о языковом и грамматическом единстве
 переводческой техники средневековых книжников, её проникновении
 в русский евангельский текст и последующем влиянии на протекание
 процесса кодификации богослужебных книг в России.

ИСТОЧНИКИ

1. *Алексеев А. А.* Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб., 2005.

2. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. М., 1999.
3. *Георгиев Е.* Търновската книжовна школа и нейното значение за развитието на руската, сръбската и румънската литератури // Търновска книжовна школа. 1371–1971. Международен симпозиум. Велико Търново, 11–14 октомври 1971. София, 1974.
4. *Спасова М.* Езикови особености на превода в откъс от българско ръкописно евангелие от XIII век // Проблеми на балканското и славянското езикознание. Велико Търново, 2010. С. 73–92.
5. *Харалампиев И.* За основните принципи на езиково-правописната реформа на патриарх Евтимий Търновски // Български език. 1979. Кн. 1.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ИЯ – Иван-Александрово (Лондонское) евангелие 1356 г., Add Ms 39627.

ОЕ – Оксфордское евангелие 1429 г., Col. Can.gr. 122.

ТБ – Геннадиевская библия, Русская Библия. Т. 7. Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. М., 1992.

ЕЕ – Елисаветградское евангелие, РГБ, Музейное собр. (ф. 178), № 9500.

ЕД – Евангелие из манастиря Драгомирна 1614 г., mf BN 46113 Turdeanu; zdobienia rękopisu por.: Popescu; Stichel. S. 64; Kaszlej 1991. S. 81: 2002 (pemu opis); Skarby Vn. S. 114–115 (zdj. k. 334¹–335).

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ЦБ – Святое Евангелие на церковнославянском языке. М., 2006.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ, СОДЕРЖАЩИХ НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА

(на материалах русского и хорватского языков)

Пословицы всегда были любимым способом высказывания; не уменьшив своей роли в русском и хорватском языках и сегодня, они оказались продуктивной языковой структурой. Ценность употребления пословиц заключается в том, что они обретают своё полное значение только в контексте жизненной ситуации. Пословицам верят больше, чем словам отдельных людей. Они являют собой истины, выработанные коллективным опытом и поэтому не нуждающиеся в дополнительном доказательстве.

И хотя современный образ жизни не способствует возникновению новых пословиц, частота их употребления не уменьшается. Благодаря тому что пословицы присутствуют во многих областях жизни и несут в себе универсальные смыслы, их быстро приспособили к условиям современного общества. Пословицы представляют собой наследие того или иного языка, что видно из их частого употребления и той роли, которая отведена им в разговоре, литературе, печати, на радио и телевидении. Иногда они используются в изначальном виде, но часто видоизменяются, вызывая больший эффект и привнося дополнительные смысловые нюансы, например:

U laži su kratke noge. — У лжи короткие ноги.

U krizi su kratke noge. — У кризиса короткие ноги.

Наша задача состоит в обращении внимания слушателей на важность пословиц, потому что они являются соединением традиции и современности, в которой иногда нарушаются нормы и правила. Цель данного доклада заключается также в том, чтобы указать на связанность пословиц в хорватском и русском языках, установить их происхождение, провести лексический анализ корпуса примеров, содержащих в себе названия частей тела,

и указать на важность изучения языковой традиции. С помощью сравнения пословиц из разных языков можно увидеть их сходства и различия. Сходства могут быть обусловлены общим жизненным опытом или заимствованием, а различия — разным пониманием определённого понятия, что является следствием специфичности культуры, к которой принадлежит язык. На основе анализа (1) пословиц из разных языков можно установить существование четырёх ступеней соответствия пословиц: полное, частичное, функциональное и нулевое.

Полное соответствие определяется одинаковым выбором лексики, значений и образов, а незначительные различия, обусловленные грамматическими особенностями разных языков, могут быть обнаружены на лексическом и синтаксическом уровнях (2), например:

Глаз не видит, ухо не слышит.
Što oko ne vidi, uho ne čuje.

Частичное соответствие определяется одинаковым содержанием, т. е. значением (3).

Языком масла не собьёшь.
Lijepo riječi kupusa ne taste.

Функциональное соответствие определяется одинаковым значением, в то время как языковые и образные средства остаются разными (4).

Хоть видит око, да зуб неймёт.
Ne može se imati sve što se vidi.

Нулевое соответствие подразумевает под собой отсутствие семантического эквивалента для пословиц, существующих только в одном языке. Такие пословицы выражают традиционные ценности, верования и способ интерпретации окружающего мира определённого языка (5).

Волге же бити без главе, него из Боžаве.
Јзык до Кiева не доведёт.

Обратившись к ежедневной речи и нашему окружению, можно увидеть, что пословицы используются нами гораздо чаще, чем кажется. Так, например, в бытовой речи мы часто отвечаем на вопросы пословицами. Часто можно услышать, как взрослый человек отвечает на самые частые вопросы ребёнка пословицами или использует их в каких-то определённых ситуациях, например,:

Ispeci, pa reci! — Букв.: *Думай, прежде чем сказать!*
(*семь раз отмерь, один раз отрежь!*)

Расскажем о результатах нашего анализа корпуса соответствующих пословиц. Средняя длина русской пословицы — 5–6 слов, хорватской — 6–7, средняя длина слова в русском языке — 4–5 букв, в хорватском — 3–4 буквы; отсюда стремление к использованию в пословицах кратких слов и предложений.

С учётом частоты и разновидности слова результаты анализа хорватского и русского корпусов показывают, что в основе структуры пословицы лежит существительное, затем к нему присоединяются глаголы, наречия, прилагательные, местоимения, числительные

Для пословиц характерно частое употребление абстрактных существительных, что ожидаемо, поскольку абстрактные понятия подходят для выражения универсальных мыслей. Сравнительно редко используются имена собственные или сложные слова, что вписывается в общую тенденцию и обобщения, и использования ёмкой формы.

Что касается глагола, то в русском языке преобладают глаголы в пассивной форме, а в хорватском — в активной. Очевидно также, что использование формы 3-го л. ед. ч. в хорватском языке повышает количество форм выражения безличности. В русском же языке для этой цели используются 2-е и 3-е л. ед. ч. и 3-е л. мн. ч. Если обратить внимание на категорию времени, то можно заметить, что самое употребляемое из них — настоящее, которое на самом деле имеет вневременной характер. Это явление можно назвать универсальным использованием времени. В русском языке мы видим использование императива. Глаголы выполняют различные функции и часто отражают фактическую последовательность событий, например:

Bolest na konju dolazi, a na dlaci odlazi.
Ртом болѣзнь входѣт, а бѣдѣ выходит.

Наиболее употребляемые числительные в хорватском языке — 1, 2 и 10, а в языке русском — 1, 2, 7. Числа иногда имеют и переносное (т. е. символическое) значение, например:

V jedno uho voidēt, v drugoe vyydēt.
Na jedno uho uđe, na drugo izađe.
U semj njanek ditya bez glazj.
Ne može deset opanaka na jednoj nogu.

Специфичным для пословицы является и практическое неупотребление личных местоимений.

Распределение слов в пословицах по грамматическим и лексическим категориям приводит к выводу, что наиболее часто в них встречаются служебные части речи (местоимения, союзы и предлоги), содержание которых носит абстрактный и общий характер. Использование служебных слов в начале предложения — одна из особенностей пословиц, оно одновременно подтверждает её тенденцию к универсальности сообщения.

Ещё одной особенностью пословиц является наличие в них лексического параллелизма, проявляемого в оппозициях, например:

Oko za oko, zub za zub.
Око за око, зуб за зуб.
Или:
Duge kose, kratka pamet.
У бабы волос долог, а ум короток.

Формообразующие суффиксы используются для достижения рифмы, параномастических целей и других элементов стиля, например:

Što trijez-an misli, pij-an govori.
Что у трезв-ого на уме, то у пьян-ого на языке.

Для пословиц очень важна роль традиции, с которой

ассоциируется сам этот термин. Традиция находит своё отражение в выборе лексики, так как многие не используемые в современной речи слова не могут быть заменены в пословицах.

Особое место занимают пословицы в диалектной речи, в которой они распространены больше, чем в речи письменной.

Очень важно отметить, что в пословицах не используются сокращения (б), ведь пословица и так имеет сжатую форму.

ПРИМЕЧАНИЯ

На примере 43 пословиц из русского языка с соответствиями в хорватском языке, 19 русских и 21 хорватских пословиц будет показано, что они представляют собой непосредственное выражение традиции и духовной культуры народа и необходимое поле исследования.

Приведено 27 примеров.

Приведено 4 примера.

Приведено 11 примеров.

Приведено 21 пример из хорватского языка и 19 примеров из русского языка.

Это подтверждает теорию о том, что сокращения рассчитаны на узкий круг восприятия.

ИСТОЧНИКИ

1. *Даль В. В.* Словарь пословиц и поговорок русского народа. М., 1996.
2. *Геннадьевна К. Б.* Русские пословицы и поговорки. М., 2005.
3. *Mikić P., Suzanić V.* Biblijske poslovice u Hrvata. ZG., 1994.
4. *Mikić P., Škara D.* Kontrastivni rječnik poslovice. ZG., 1992.
5. *Škara D.* Glas tradicije. Mostar – Zagreb, 1997.
6. URL: www.грамота.ру, навигатор.грамота.ру / народ, Русские пословицы и поговорки о языке, речи и культуре речевого поведения.
7. URL: www.рамблер.ру, афоризм.ру / даль.

НАРЕЧИЯ УТРОСЬ И УТРЕ В ГОВОРАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Наречие *утрось* отмечается в словарях русского языка с XIX в. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. оно приведено с пометой «простонародное» в значении ‘сегодняшним утром’: *Утрось было очень холодно*¹. «Опыт областного великорусского словаря» 1852 г. отмечает два варианта наречия — *утросы* и *утресь*, оба в значении ‘сегодня утром’, первый из которых отмечен в том числе в Архангельской области². В «Словаре областного архангельского наречия...» А. О. Подвысоцкого 1885 г. в одной словарной статье с вариантами наречия *утре* приведены варианты *утресь*, *утрось*, *утросы* со следующим набором значений: ‘утром, поутру, с утра, завтра (смотря по времени и обстоятельствам речи)’. *Сказывалъ утрось прииду, а и не бывалъ. Хоть пойдёмъ топере, а то неколи, утросы весь день стъчься въ лъсу будемъ* (с пометой «повсеместно»)³.

Наречие *утрось* получило широкое распространение в говорах русского языка «с преимущественной концентрацией в севернорусских говорах»⁴. На территории Архангельской области А. Н. Попов фиксирует варианты *утрось*, *утросы*, *утрусь*, *утресь*, отмечая, что в архангельских говорах, как и вообще в говорах русского языка, в основном распространены варианты наречия с постпозитивным присоединением указательного корня (*утрось*). «Другие образования встречаются редко»⁵. В Картотеке Архангельского областного словаря (далее — КАОС) зафиксировано 15 вариантов наречия *утрось* (*поутрось*, *поутрусь*, *утрась*, *утресе*, *утрэси*, *утрэсь*, *утреся*, *утрос*, *утросе*, *утроси*, *утрось*, *утрося*,

¹ Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. IV. С. 374.

² Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. С. 242.

³ Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 24.

⁴ Попов И. А. Наречие в русских народных говорах: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983. Т. I. С. 231.

⁵ Там же.

утрусь, утрысь, утрясь) и единичный пример *севу́тро* ‘сегодня утром’, образованный по типу *севóдня*.

По данным КАОС, у вариантов наречия *утрось* на территории Архангельской области преобладает значение ‘сегодня утром’. Это значение отмечается у наречия во всех населённых пунктах, где зафиксировано его употребление. В отдельных населённых пунктах юго-западной части Архангельской области наречие *утрось*, сохраняя это значение, приобретает два дополнительных, наиболее частотным из которых является ‘завтра утром’, вероятно развившееся под влиянием наречия *утре*.

‘Завтра утром’.

Но́не вь́ломали фсе, но у́тресь пойду́, поломáю. В-Т. Врш. (здесь и далее используются сокращения названий населённых пунктов, принятые в КАОС) Кчм. *Кончéйте, дак у́тресь и уйéдите з З́инкой.* В-Т. Лрн. *А я у́трось ухи́ сварю́.* В-Т. ЧР.

Я́ тут не топи́ла, и у де́вок не затопи́ла, у́тресь фста́ну бу́ду грéть. Тоды́ розду́мала — иишо́ вéтер — дак я́ ииво́ за у́трися ииши́тала (информант, после долгого сна, принял вечер за утро следующего дня). ВИЛ. Пвл. *Ла́дно у́тресь схожу́, узна́ю.* ВИЛ. Слн. *У́трось стекля́нку (банку) вь́мою. Йёсь стекля́нка у́трось.* ВИЛ. Трп.

У́трось за молоко́м на́до. КРАСН. ВУ. *А у́тресь разья́снит.* КРАСН. Нвш.

‘По утрам’.

У́трось фстаю́ да фсе́ на го́лодную-то пью́. ВИЛ. Пвл. Слн.

У́трось посмотре́ю, оболокля́ штаны́ худы́е. КРАСН. Нвш.

У́трось ставáй да на рабо́тоцку поспева́й. ЛЕШ. УК. *Ра́дио тухло́-тухло́, потóм грóмко заговорит́ у́тресе.* ЛЕШ. Шгм.

У́тросья как по дере́вне ска́ют наперегонки́. ШЕНК. Шгв.

Составленный по данным КАОС и Е. В. Первухиной⁶ полный перечень населённых пунктов Архангельской области, в которых отмечено употребление вариантов наречия *утрось*, таков: В-Т. Врш. Грк. Крн. Кчм. Лрн. Пчг. Сфт. Тмш. УВ. ЧР. Яг. ВЕЛЬ. Лхд. Пжм.

⁶ Первухина Е. В. (Колесникова) Наречия времени и пространства в архангельских народных говорах. Семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 132, 522.

Сдр. ВИЛ. Пвл. Слн. Трп. ВИН. Брк. ВВ. КАРГ. Ар. Влс. Клт. Кнз. Лдн. Лкш. Лкшм. Нкл. Оз. Ош. Ус. Ух. Хтн. КОН. Влц. Клм. Твр. Хмл. КОТЛ. Збл. Фдт. КРАСН. БН. ВУ. Нвш. Прм. ЛЕН. Схд. ЛЕШ. Вжг. Кнс. Ксс. Лбс. Рдм. УК. Цнг. Шгм. МЕЗ. Аз. Бкв. Мсв. Рч. Сн. Сфн. НЯНД. Врл. Грд. Лм. Мш. Стп. ОНЕЖ. Врз. Прн. Трч. ПИН. Влд. Лвл. Нхч. Ср. Ччп. ПЛЕС. Кнз. Оз. Прш. Трс. ПРИМ. ЗЗ. ЛЗ. Ннк. УСТЬ. Снк. ШЕНК. ВЛ. ВП. Ктж. Птш. УП. Шгв.

В говорах Архангельской области бытуют также наречия с корнем *-утр-*, не присоединяющие формант *-с-*, восходящие к наречию *утрѣ* и имеющие соответствия в славянских языках (ср. стсл. *оутрѣ* ‘завтра, на следующий день’⁷, болг. *утре* ‘завтра’, словен. *jútri* ‘завтра’, *i* из *ѣ). В памятниках древнерусского языка наречие употребляется в значении ‘на следующий день, завтра’ с XI в.⁸ С XV в. наречие *утре* отмечается также в значении ‘утром’: *Того же мѣсяца въ 15 день, въ недѣлю утрѣ*. Псков. I л. 6979 г.⁹

В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. наречие *утрѣ* дано с пометой «церковное» в значении ‘завтра утром’¹⁰. В «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г. наречие также приведено в значении ‘завтра утром’: *Утре будь, сусло дуть*. Поговорка, означ. никогда не удастся, никогда не будет. Волог. Костр. *Кинеш*. Новг. *Тихв*. Пенз. *Наровч*. Перм. *Ирбит*. Твер. *Каляз*.¹¹ В «Словаре областного архангельского наречия...» А. О. Подвысоцкого 1885 г. в одной словарной статье с вариантами наречия *утресь* приведены варианты в *утрях*, *утрях*, *утре*, *на утрѣ* ‘утром, поутру, с утра, завтра (смотря по времени и обстоятельствам речи)’: *Прибѣгъ въ утряхъ, да нашихъ-то ужъ не было. Сказываль на утрѣ буде завтра* (с пометой «повсеместно»)¹².

По данным КАОС и Е. В. Первухиной¹³, на территории Архангельской области наречие *утре* отмечено в трёх вариантах:

⁷ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 753.

⁸ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. Р – Я. С. 1319–1320.

⁹ Там же. С. 1319.

¹⁰ Словарь церковно-славянского и русского языка. С. 374.

¹¹ Опыта областного великорусского словаря. С. 242.

¹² *Подвысоцкий А. О.* Указ. соч. С. 24.

¹³ *Первухина Е. В.* Указ. соч. С. 520, 521.

ўтре, ўтрей, ўтри. Основным значением наречия *ўтре* является 'завтра утром'. Наряду с ним отмечаются также следующие значения: 'сегодня / вчера утром', 'по утрам', 'наутро, с утра'. На территории Архангельской области можно выделить три основные зоны, в которых у наречия *утре* отмечается значение 'сегодня / вчера утром'. На северо-западе области значение 'сегодня / вчера утром' является у данного наречия единственным, в то время как на юго-востоке области и по течению р. Мезень отмечается наряду с исконным значением 'завтра утром'.

Варианты наречия *утрось* приобретают значение 'завтра утром' в одном из ареалов, где у наречия *утре*, помимо основного значения 'завтра утром', развивается значение 'сегодня утром'. Возможно, это результат семантической контаминации двух наречий.

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕГО ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В XV–XVII вв.

Традиция употребления чешского языка за пределами этнической территории восходит к XIII в.: чешский язык проникает тогда в силезскую письменность, а в последующие столетия территориальная «экспансия чешского литературного языка» (формулировка Б. Гавранека) ещё более усиливается. Ко второй половине XIV в. относится, например, начало употребления чешского литературного языка в Словакии. Кроме того, он становится одним из языков венгерской дипломатии. В XV столетии чешский язык активно используется в административной и правовой сферах польского государства. Далее через польское посредничество влияние чешского литературного языка распространяется на западнорусскую письменность Великого Княжества Литовского¹. Примечательно, что за пределами собственно чешской этнической территории литературный язык начинает употребляться в сфере деловой письменности раньше, чем в чешских землях: первые попытки подобного употребления были предприняты на территории Моравии².

Естественно, что сила чешского влияния и сфера функционирования литературного чешского языка в различных регионах были неодинаковы. В частности, в Словакии и Силезии в XVI–XVII вв. чешский язык использовался как литературный язык во всех сферах письменности. В Польше он употреблялся только в качестве языка деловой переписки, администрации и права. Его использовали в межэтнической письменной корреспонденции (польско-чешской, польско-силезской, польско-словацкой) и в переписке польской королевской канцелярии с юго-западными районами самой Польши³. Деловая письменность Великого

¹ *Havránek B.* Expanse spisovné češtiny od 14. do 16. století // *Co daly naše země Evropě a lidstvu.* 2. vydání. Evropský literární klub. 1998. С. 103–116.

² *Šlosar D., Věčerka R., Dvořák J., Malčík P.* Spisovný jazyk v dějinách české společnosti. Brno, 2009. С. 54, 60, 71.

³ *Macůrek J., Rejnuš M.* K otázce spisovné češtiny v Polsku v 15. a poč. 16 století //

Княжества Литовского испытывала значительное чешское влияние в области формуляра и лексики, однако в этом регионе отсутствуют следы систематического употребления чешского языка в документах.

Наиболее сильным чешское влияние было, несомненно, в Словакии: там на базе литературного чешского языка сложилась особая «словацкая редакция», давшая начало словацкому литературному языку старого типа⁴. В истории польского литературного языка чешский также сыграл немаловажную роль. Помимо источника многочисленных заимствований, литературный чешский язык выступал в роли своеобразного «арбитра» при решении, какой из двух диалектных вариантов войдёт в литературный язык. Тезис о том, что чешский образец в той или иной мере влиял на выбор между великопольским/малопольским вариантом при их вхождении в систему польского «культурного диалекта», поддерживают исследователи, стоящие на самых различных позициях по вопросу о диалектной базе литературного польского языка⁵.

Естественно, что совершенно иная ситуация сложилась в силезских землях, которые в определённые периоды были политически зависимы от Чешского королевства и испытывали гораздо большее культурное влияние со стороны Праги. В силу экстралингвистических причин там не сложилось особого культурного языка на основе местных наречий. Тем не менее раннее распространение в этой функции литературного чешского привело к тому, что в Силезии сформировался особый региональный вариант «разговорного чешского языка» (т. н. «*hovorová čeština*»). По мнению исследовавшего силезскую письменность XVI в. А. Кнопа, именно существование местного силезского варианта разговорного чешского языка, поддерживавшего «польские» черты местных говоров и использовавшегося в среде образованных людей, предотвратило как размывание высокой нормы литературного языка, так и непосредственное давление этой нормы на распространённые в этой области ляшские диалекты чешского языка⁶.

Slovanské historické studie IV. 1961. С. 207.

⁴ *Лифанов К. В.* Генезис словацкого литературного языка. Muenchen, 2001. С. 205–209.

⁵ *Pochodzenie polskiego języka literackiego.* Wrocław 1956. С. 55, 111–112.

⁶ *Кноп А.* Spisovná čeština ve Slezsku v 16. století. 1. vyd. Praha, 1965. С. 136–137; 141–142.

Естественно, что наименьшее влияние чешский язык оказал на традицию западнорусской письменности. При отсутствии общей границы Чешского королевства с украинскими и белорусскими землями и наличия в них значительного чешского элемента, чешское влияние на создававшиеся здесь деловые тексты, естественно, было меньшим и зачастую опосредованным (через польскую среду). Но, вопреки нередким сомнениям в доказуемости роли чешского письменного узуса как образца для составителей местных документов, анализ языка и формуляр украинских и молдавских деловых текстов, представленный в работе Й. Мацурека⁷, убеждает в том, что они ориентировались на чешскую грамоту.

Несмотря на различия в бытовании чешского языка в инославянской этнической среде, во всех указанных случаях справедливым остаётся утверждение Й. Мацурека о его роли в ней. По его наблюдению, авторитет чешского языка не только не препятствовал там формированию национальных письменных традиций, а, наоборот, способствовал их развитию⁸. Всё это, особенно история формирования словацкого литературного языка старого типа на основе особой редакции чешского литературного языка, заставляет вспомнить мысль Н. И. Толстого о специфике появления славянских литературных языков на базе языка церковнославянского. В одной из своих поздних работ Н. И. Толстой противопоставляет культурно-языковую ситуацию миров «*Slavia Orthodoxa*» и «*Slavia Latina*». Он справедливо писал, что «в мире *Slavia Orthodoxa* национальные литературные языки (точнее, языки преднациональные и донациональные) не возникали порознь, как бы сами по себе, опираясь на ту или иную диалектную базу или койне, как это происходило с языками мира *Slavia Latina*, а отпочковывались от единого церковнославянского языка сначала в виде его вариантов (изводов или редакций), а затем в виде самостоятельных языков, не теряющих связи с церковнославянской традицией и друг с другом»⁹. Признавая справедливость утверждения учёного об уникальной роли церковнославянского языка в мире

---

⁷ Macůrek J. K dějinám česko-ukrajinských a česko-rumunských vztahů 2. pol. 14. a 1. pol. 15. století // Slované historické studie III. Praha, 1960. С. 127–182.

⁸ *Ibidem*. С. 179–181.

⁹ Толстой Н. И. *Slavia orthodoxa* и *slavia latina* — общее и различное в литературно-языковой ситуации // ВЯ. 1997. № 2. С. 19.

«*Slavia Orthodoxa*», отметим, что аналогичная ситуация отчасти характеризует и мир «*Slavia Latina*», где в качестве надэтнического литературного языка использовался чешский язык. Невозможно умалить конструктивную роль чешского языка в формировании литературных западнославянских языков, в особенности словацкого. Пожалуй, в случае церковнославянского языка можно говорить о полном выполнении функции надэтнического литературного языка, в то время как при рассмотрении истории литературного чешского языка очевидна проявляющаяся им *тенденция к надэтническому употреблению*. Как мы видели, эта тенденция оставила значительный след в истории формирования западнославянских национальных литературных языков.

Нам представляется, что тщательное исследование указанной проблематики при учёте положений современной теории литературного языка и, кроме того, достижений социальной и контактной лингвистики расширит наши представления об истории западнославянских литературных языков и будет способствовать лучшему пониманию культурной специфики миров «*Slavia Latina*» и «*Slavia Orthodoxa*».

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Словацкий литературный язык, кодифицированный только в 1787 г. А. Бернолаком, формировался в течение длительного времени путём взаимодействия древнечешского языка со словацкими (прежде всего западнословацкими) говорами.

Научное изучение лексического состава словацкого литературного языка началось с монументального, шеститомного труда первого кодификатора А. Бернолака («Словарь словацко-чешско-латинско-немецко-венгерский», 1825—1827), изданного после смерти автора¹. Важно понимать, что Бернолак не ставил себе задачу отдалить словацкий язык от чешского. Он лишь намеревался кодифицировать словацкий литературный язык, взяв за основу реально существующую практику его использования, прежде всего, в католической среде, центром которой была Юго-Западная Словакия. В связи с этим в кодификации А. Бернолака преобладали западнословацкие элементы. Целью А. Бернолака являлось упорядочение употребления языковых единиц, включая лексические, и стабилизация его орфографии. А. Бернолак теоретически не формулировал своё отношение к иностранным заимствованиям в составе словацкого литературного языка, но при создании словаря он произвёл их отбор. С одной стороны, в лексический состав словацкого литературного языка вошло немалое количество генетических богемизмов, которые далеко не всегда можно отделить от слов словацкого происхождения, что представляется естественным, если учесть основу этого языка². Но с другой — явным является стремление А. Бернолака заменить чешские слова на словацкие.

¹ *Bernolák A. Slovár Slowenský Češko-Lat'insko-Ňemecko-Uherský. Budae Typis et Sumtibus Typogr. Reg. Univers. Hungaricae, 1825—1827.*

² *Лифанов К. В. Словацкие диалекты и бернолаковщина // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г. М., 2011. С. 289–291.*

В кодификации Л. Штура³, осуществлённой в 40-е гг. XIX в., значение лексического состава отодвигается на второй план, поскольку её автор считал, что кодифицировать в первую очередь необходимо звуки и формы, а лексемы для языка являются в значительной степени нерелевантными. Л. Штур ограничивал кодификацию словацкого литературного языка орфографией, фонетикой и морфологией. Лексика находилась на периферии научных интересов учёного, но аспекты лексических расхождений между словацким и чешским языками в его работах всё-таки частично освещаются.

Кодификация лексического состава словацкого литературного языка становится первоочередной задачей только в XX в. Её сформулировал С. Цамбел⁴, инициатор нового этапа кодификации словацкого литературного языка. Учёный утверждал, что словацкий литературный язык чрезмерно насыщен богемизмами, главным образом, лексическими и синтаксическими. Поэтому родной язык следует «словакизировать» посредством замены богемизмов словами народной речи или при помощи придания им словацкого фонетического облика.

Вопрос об иностранных заимствованиях в словацком языке встал особенно остро в 30-е гг. XX в., после принятия «Правил словацкого правописания с орфографическим словарём»⁵. Они были изданы в Праге и, естественно, ориентированы на чешский язык.

Тенденция «богемизации» словацкого литературного языка проявлялась, прежде всего, в кодификации лексем и форм, более близких чешскому языку. Она касалась не только случаев совпадения чешских форм со словацкими, но и полного их несовпадения и абсолютной чуждости чешских форм словацким. Реакцией на публикацию «Правил» стало основание в 1932 г. журнала «Словенска реч», авторы которого намерены были продолжать заложенные С. Цамбелом традиции.

По статистическим данным, выявленным на основе первых семи выпусков журнала, 47 % лексики было заимствованной и представляло собой богемизмы. Семь процентов составляли германизмы и полпроцента — галлицизмы. Но, поскольку многие

³ Štúr L. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. Bratislava, 2006.

⁴ Czambel S. Slováci a ich reč. Budapešť, 1903.

⁵ Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom. Praha, 1931.

германизмы и галлицизмы проникали в словацкий язык посредством чешского языка, можно сказать, что авторы журнала «Словенска реч» проанализировали более половины (около полутора тысяч) заимствований только чешского происхождения. Для сравнения: количество мадьяризмов на страницах журнала составило только 3% от общего числа заимствованной лексики⁶. Наиболее активными авторами-пуристами были Генрих Бартек, Ян Мигал, Петер Тврди, Антон Яношик. Они давали конкретные рекомендации замены слов иноязычного происхождения (с указанием на то, из какого языка заимствовано это слово) на исконно словацкие слова, однако утверждали, что нельзя изъять из литературного языка те заимствованные слова, которые уже прочно в нём укоренились. Рассматривался также вопрос о том, каким образом и из каких источников необходимо пополнять словарный состав словацкого литературного языка.

Во второй половине XX в. наблюдается процесс перехода авторов от рассмотрения конкретных вопросов к обобщающему изучению заимствованной лексики и проблемам теоретического характера.

По-прежнему особое внимание уделялось заимствованиям из чешского языка. В этот период, однако, речь идёт уже не о простом перечислении заимствованной лексики и приведении словацких аналогов. Авторы подходят к этой проблеме с других точек зрения.

Так, например, Й. Мистрик классифицирует чешские заимствования на основе стилистического критерия⁷, К. Габовштякова прослеживает судьбу чешских заимствований на разных этапах кодификации словацкого языка⁸, в работах К. Бузашшиовой⁹ и М. Соколовой¹⁰ вводится новый термин «контактный вариант» для обозначения языковых средств чешского языка, которые

---

⁶ *Lipowski J.* Konvergence a divergence češtiny a slovenštiny v československém státě. Wrocław, 2005.

⁷ *Mistrik J.* Štylistika. Bratislava, 1989.

⁸ *Habovštiaková K.* Slovná zásoba spisovnej slovenčiny z vývinového hľadiska. Nitra, 1987.

⁹ *Buzássyová K.* Kontaktné varianty a synonymá v slovenčine a v češtine // *Jazykovedný časopis*, 44, 1993, 2. S. 92–107.

¹⁰ *Sokolová M.* České kontaktné javy v slovenčine // *Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny. Sociolinguistica Slovaca 1.* Bratislava, 1995. S. 188–206.

используются в словацком языке в результате взаимных контактов и т.д.

В последние десятилетия стал издаваться «Краткий словарь словацкого языка»¹¹, выходящий с периодически вносимыми в него коррективами, относящимися и к изменению стилистических характеристик заимствованной лексики вплоть до выведения отдельных лексем из его состава. По сути, этот словарь выполняет функцию нового кодификатора словацкой лексики.

Периодизация изучения лексического состава словацкого языка на основании исследованного материала представляется нам следующей:

I. конец XVIII в. – 40-е гг. XIX в. — первый этап кодификации словацкого литературного языка А. Бернолака, решавшего проблему слов иностранного происхождения, исходя из практических задач кодификации;

II. 40-е гг. XIX в. – начало XX в. — второй этап кодификации словацкого литературного языка Л. Штура, отдававшего предпочтение кодификации фонетики и морфологии и считавшего кодификацию словарного состава словацкого литературного языка второстепенной;

III. начало XX в. – 20-е гг. XX в. — третий этап кодификации словацкого литературного языка, во время которого довлел подход С. Цамбела к лексическому составу словацкого литературного языка;

IV. 30-е–40-е гг. XX в. — четвёртый этап кодификации словацкого литературного языка, во время которого имело место противоборство двух подходов к национальному языковому развитию, выразившихся главным образом в рекомендациях по употреблению отдельных лексем;

V. середина XX в. и поныне — выход словацких лингвистов на уровень обобщения и теории при рассмотрении проблематики заимствованной лексики.

---

¹¹ Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava, 2003; Lipowski J. Konvergence a divergence češtiny a slovenštiny v československém státě. Wrocław, 2005.

СЛОВАЦКАЯ ПИСЬМЕННАЯ ДОКОДИФИКАЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ У СЛОВАЦКИХ ПРОТЕСТАНТОВ XVII–XVIII вв.

Первые попытки кодификации словацкого языка относятся к концу XVIII столетия, но и до этого на протяжении нескольких веков на территории нынешней Словакии на основе чешского литературного языка и юго-западнословацких говоров шло формирование собственной письменной традиции.

Исчезнувшее после завоевания Великой Моравии высшее словацкое сословие вновь начало формироваться только в XIV в., приняв в качестве литературного языка набиравший тогда силу чешский язык. Близость словацкого и чешского языков способствовала восприятию последнего как варианта языка родного, в результате чего разграничение в них словацких и чешских элементов основывалось не на генетическом принципе *свой — чужой*, а на функциональной оппозиции *книжный — некнижный*. Так на территории Словакии возникла своеобразная дуальная система, в которой чешский язык играл роль языка высокого стиля (т. е. языка литературного), а словацкий — функцию языка бытового, народного. Многие элементы в двух языках были одинаковыми, в результате чего совпадающие с литературными элементы словацкого языка начинали восприниматься как принадлежащие к высокому стилю. Наибольшее количество совпадающих с чешскими элементов обнаруживается в западнословацком диалекте, поэтому именно там и начала формироваться словацкая письменная традиция, которая впоследствии распространилась по всей территории Словакии. В процессе использования в разных регионах Словакии, где бытовали местные говоры, их особенности стали закрепляться в норме письменного языка, вытесняя при этом исходный вариант или употребляясь в качестве дублетных вариантов.

В начале XVII в. словацкая Евангелическая церковь приняла язык Кралицкой Библии как официальный язык богослужения и делопроизводства. Таким образом, у евангелистов стали приняты две нормы литературного языка: чистый чешский язык Кралицкой

Библии — стиль высокий, и словацкий литературный язык старого типа (который называют Лифанов, принимая во внимание оригинальность его гибридного характера и употребление только на территории Словакии¹) — язык более низкого стиля, применяемый в административной, правовой и культурной сферах.

Среди словацких учёных ныне распространена теория о существовании на территории Словакии в докодификационный период трёх культурных языков. В интерпретации этого понятия единства нет. Так, Паулини считает, что культурные языки унаследовали от чешского «скелет», т. е. синтаксические конструкции, тогда как фонетика, морфология и лексика были в нём словацкие². А Крайчович при описании культурных языков ведёт историю устных с XI–XII вв., а письменных с XVI в., причём, по его мнению, они возникли исключительно на базе местных говоров³. Однако Лифанов убедительно показал, что в основе текстов, написанных на так называемом культурном словацком языке и имеющих разную территориальную принадлежность, лежит юго-западнословацкий диалект⁴.

Нам представляется интересным рассмотрение текстов нерелигиозного содержания, написанных авторами-протестантами в XVII–XVIII столетиях в разных регионах Словакии. Это даст возможность выявить особенности языка привлекаемых текстов, уловить закономерности функционирования генетически разнообразных элементов и послужит доказательством существования наднаречного идиома на территории Словакии.

К анализу привлекаются четыре текста: два текста XVII в. и два текста XVIII столетия. Они объединены общностью функционального стиля и могут быть охарактеризованы как научно-популярные (см. ИСТОЧНИКИ).

Исследования дало следующие результаты.

Как и следовало ожидать, наиболее многочисленную группу

---

¹ *Лифанов К. В.* Язык духовной литературы словацких католиков вв. и кодификация А. Бернолака. М., 2000. С. 9.

² *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1948. S. 119.

³ *Krajčovič R., Žigo P.* Príručka k dejinám spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1999. S. 37–38.

⁴ *Lifanov K.* Hierarchia kultúrnych jazykov v slovenských písomnostiach predkodifikačného obdobia // Sloveská reč. 2000. № 1. S. 20–30.

составляют элементы языка, совпадающие в западнословацком диалекте и чешском языке. Это, например, монофтонгизированные дифтонги (*muže, mystach, zmissag*) переход Ъ в Е (*deždy*), -em в творительном падеже мужского и среднего рода существительных (*Yakubem, popalem*), возвратная частица *se* при глаголе, отрицание *není*, инфинитив на -*tí*.

Многочисленны и общесловацкие элементы, не обладающие спецификой принадлежности только к одному говору, — это отсутствие фонемы *ř* и йотации перед *e* из *ě и *ę, нестяженные формы косвенных падежей прилагательных женского рода (*prypraveneg, do pusačnateg*). Формы предложного падежа множественного числа с флексией -*och* (по *dwuch rokoch, o stromoch*); склонение указательных местоимений по адъективному склонению (*mezitim*), вставной -*o-* в формах причастий на -*l* мужского рода (*rostol*). Часто общесловацкие формы образуют дублетные пары с чешско-западнословацкими элементами.

В текстах также наблюдается несколько устойчивых чешских элементов: это стяженные формы притяжательных местоимений (*sweho, swymi*), перегласовка в корнях слов (*žert, lydi, cyzokraginie*), во флексиях существительных мужского и среднего рода родительного падежа (*bez tečeni*), мягком варианте окончания женского склонения (*morska cybule, krasna dennice*), в мягких флексиях прилагательных (*Rany duha, za negpotrebnegši wec*), в местоимениях (*zaplnil gj*). Интересна грамматикализация перегласовок: так, деепричастия и причастия всегда используются в перегласованном варианте, тогда как глаголы, которые в современном словацком языке в 3 лице мн. ч. оканчиваются на -*ju*, могут употребляться примерно в одинаковом соотношении в обоих вариантах. Представлены также формы с регрессивной перегласовкой: формы прилагательных в превосходной степени употребляются в чешской огласовке (*neytenšu, neysubtilnegšu*). В формах повелительного наклонения наблюдается постепенное вытеснение формы с перегласовкой на -*ej* словацкой на -*aj* (*kušag udelag, žadeg, prečiteg*). Ещё одна устойчивая чешская особенность — переход *dj в *z*, словацкий вариант с *dz* редок (*mezi, wzbuzuge, posedzovane*), протетический *j* перед *i* (*ginu, giste*), формы глагола *byť* (*gsau, sau*).

Наиболее яркий среднесловацкий элемент — дифтонги

встречаются очень часто в двух из четырёх текстов (*tie, čierna, kuora, od korenia*), что указывает на их среднесловацкое происхождение

В текстах обнаруживаются и западнословацкие черты: это утрата слоговых после язычных консонантов (*dľuhšy, dľuhost, dľuhy*), а также как менее частый в использовании, но всё же возможный дублетный вариант флексия *-ú* в творительном падеже женского рода (а *znowu stu samu zemu gu naplniss, a dolu shlawu obráteneq*).

Таким образом, мы видим перед собой самобытный идиом, функционирующий со собственным правилом: он объединяет в себе сложно взаимосвязанные элементы чешского и словацкого языков, в том числе и некоторые диалектные элементы последнего.

ИСТОЧНИКИ

1. Janua linguae latinae reserata aurea Leutschoviae, 1643. Budapest, 2009.
2. Kratičzka sprawa na wssecky dwanacte mesicuw pres rok o sety polnim a zahradnim, ssczepowanj stromuw, presazowanj a ginich mnohich užitečnich wecech wssem vrednikom dworskim, magernikom, zahradnikom a lidem hospodarskim welice potrebna, což ukaže skusenj. 1672.
3. Krátke Poznaměnanj Sweta to gest: Malý Spis Kragén, Mést, Wód, ám y Naroduw rozličných Roka Pane 1759, dokonane 1760. Grammatophylacii Szécsényiani Instituti Dejsli Hist. Budad. 28. dec. 1797. M. G. Kovachich.
4. Nektere naucženj o zahradnych wecech 18. stor.

КОДИФИКАЦИЯ А. БЕРНОЛАКА И ФОРМИРОВАНИЕ НОРМЫ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Первая кодификация словацкого литературного языка была осуществлена католическим священником Антоном Бернолаком в ряде работ, прежде всего в «Словацкой грамматике» (1790 г.)¹. В них он пытался установить «норму» словацкого литературного языка на разных уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, а также в области орфографии. Однако, вследствие характера самой грамматики, допускающей большое количество дублетных форм, а также ввиду гетерогенного происхождения кодифицированного литературного языка (сочетание в нём западнословацких, среднесловацких и чешских черт), возникли предпосылки для значительных отклонений от кодификации. Они наблюдаются в письменных источниках, выходящих из-под пера словацких католиков. Известно, что норма обычно динамична, а кодификация несёт в себе её регулирующие функции, но последняя не может предотвратить процесс её изменения и возникновение внутренней дифференциации. Поэтому большой интерес представляют установление векторов формирования нормы и выяснение распределения её вариативных реализаций в произведениях, созданных в разное время и относящихся к разным функционально-коммуникативным сферам.

К анализу нами привлечены фрагменты пьесы «Кризант и Дария» М. Климко, вышедшей в свет в Трнаве в 1793 г.², фрагменты произведения Ю. Фандли «Господар» (1793)³, отрывки перевода «Энеиды» (1828) Я. Голлого⁴ и перевода Священного Писания, осуществлённого Ю. Палковичем и вышедшего в Эстергоме в 1829 г.⁵. На примере языка данных текстов мы проанализировали

¹ *Bernolák A. Slovenská gramatika // Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava, 1964. S. 113–407.*

² *Klímko M. Krizant a Daria, to gest: werní swég Wíre, a swému Bohu Krest'an. Trnawa, 1793.*

³ *Fándly J. Pilní domagší a polní hospodár, Trnawa, 1792. S. 3–29.*

⁴ *Hollý J. Eneida. Trnawa, 1828. S. 4–25.*

⁵ *Palkovič J. Swaté Pismo starého a nového Zákona podla obecného latinského. Ostrihom, 1829.*

процесс становления нормы литературного языка, реализовавшегося непосредственно в языковой практике. Нами было установлено, что отклонения от кодификации затрагивают как фонетический, так и морфологический уровни. При анализе языковых фактов необходимо принимать во внимание неодинаковость времени возникновения привлекавшихся нами текстов. Естественно, что языковая ситуация в течение сорока лет не оставалась неизменной, а вместе с ней изменялась и норма. В ходе её становления оказалось возможным распределение дублетных форм по функциональным стилям, что является одним из наиболее существенных признаков развитого литературного языка.

Проведённый анализ показал, что реальная бернолаковская норма не была чем-то устойчивым и неизменным, она формировалась в процессе создания произведений письменности путём взаимодействия литературных и языковых традиций трнавского культурного центра с теми положениями, которые были закреплены А. Бернолаком в кодификации. В более поздних текстах «Энеиды» и Священного Писания прослеживается явная тенденция к увеличению западнословацких (в том числе представленных только в наиболее западном загорском говоре словацкого языка) и даже генетически чешских элементов по сравнению с бернолаковской кодификацией. При этом определённая диспропорция существует даже между двумя данными текстами: так, в тексте «Энеиды» ориентация на кодификацию более последовательна и количество генетически западнословацких (и чешских) форм в нём меньше, нежели в переводе Священного Писания. Данный материал даёт основания полагать, что, наряду с временными факторами изменения языковой ситуации, существовали также некие стилевые «преференции». Оба произведения принадлежат к высокой стилистике, но в переводе Евангелия количество отличий от кодификации в сторону предпочтения западнословацких формантов (в том числе некодифицированных) существенно возрастает по сравнению с переводом эпоса. Это может быть связано более строгими стилистическими требованиями к языку Библии даже по сравнению с античной эпикой. Так, например, в «Энеиде» в форме творительного падежа единственного числа у существительных мужского и среднего рода функционируют две флексии –от (единственный кодифицированный Бернолаком

вариант) и дублетная форма *-em*, в переводе же Палковича частотность последней значительно возрастает. См. примеры: *Wénuš Eneáša twogého a Trogánow pred Gupiterem Wec roná* (3E), *Eneáš tehdi spolu s Achátem do Kartági wstupuge* (4E), *tu Brehom dostal sa lawinskím* (4E), *Wetrom pust'i Tuhosť, a zahrúz do Prepasťi Korábi* (6E), *pod Nebem, Ale Noe našel Milost pred Pánem* (8: 8 P), *Noe a dokonali bol v Rodech swích, z Bohem chodil* (8: 9 P), *títo Zmluwu učinili s Abramem* (19: 13 P), *kteří wládne Nebem* (19: 22 P), *a postavili wenku za mestem* (26: 17 P). Кроме того, в тексте Палковича возникают спорадические отклонения от кодификации в сторону западнословацкого диалекта, не встреченные нами в эпическом произведении. Подобными примерами могут служить у существительных мужского рода множественного числа некодифицированная флексия *-ech* в предложном падеже или же западнословацкая флексия *óv* в родительном падеже (и в винительном для одушевленных существительных): *za štiristo Roków*(P), *po Rodech svojích* (22: 9 P).

В то же время язык, на котором были созданы пьеса и «Господар», довольно однороден и в значительной степени соответствует кодификационным нормам. Очевидно, что в обоих текстах в большем объеме представлены среднесловацкие форманты по сравнению с «Энеидой» и Священным Писанием. Так, например, к общим явлениям, соотносящимся с кодификацией, можно отнести образование причастий на *-l* с помощью вставного гласного *-o*, что объединяет данные тексты, противопоставляя их более поздним: *z Boľesťú od nás odtrhol* (16K), *ach ten, kteří bi ťeba móhol wúčiť'* (17K), *kteří mñe witrhol* (18K), *Uťekol, ñedohoñi ho* (20K), *Službu si mi witrhol* (22K), *Bohu...kteří nám pomohol wistawit' učené Towarišstwo* (3H), *kteře sem nemohol ináč wiložit'* (4H), *magíci Hospodár* (9H), *Weter mohol bi wiháñať* (11H).

Это объясняется тем, что переводы более удалены во времени от проведения кодификации и наивысшего подъема бернолаковской реформы языка. Такой вектор становления литературной нормы проявляется, прежде всего, в замене кодифицированных А. Бернолаком среднесловацких элементов на западнословацкие или чешские, а также в предпочтении западнословацких или чешских дублетов основным среднесловацким вариантам. С другой стороны, при анализе Священного Писания мы отметили появление некоторых среднесловацких элементов, отсутствующих в созданной

ранее пьесе, (например, случаи действия ритмического закона или высокую частотность некодифицированной формы (без долготы) личного местоимения 1-го лица ед.ч. *ga*). Возможно, определённое значение имела также жанровая принадлежность произведения, его отнесённость к религиозной литературе, что могло стать причиной большей ориентации на языковую норму, существовавшую прежде.

На основании проанализированного материала можно сделать вывод о том, что язык пьесы более консервативен в отношении соблюдения закреплённых в кодификации норм. Этот факт, на наш взгляд, связан, прежде всего, с тем, что драма и «Господар» были созданы вскоре после публикации «Словацкой грамматики» А. Бернолака, в период активной пропаганды его инноваций «Словацким учёным товариществом». Соответственно, тот объём среднесловацких, западнословацких и даже чешских явлений, которые зарегистрированы в пьесе, в целом не отличался от кодифицированных бернолакских форм. Естественно, что в том случае, если А. Бернолак кодифицировал в качестве основного варианта среднесловацкий, то авторы, создававшие драму и руководство по ведению сельского хозяйства, использовали в первую очередь её, нежели западнословацкий дублет, и наоборот, если основной являлась форма западнословацкая или чешская, то предпочтение отдавалось ей. Встречающиеся же явления, характерные для западнословацких говоров, но полностью отсутствующие в кодификации, мы склонны объяснять всё ещё сильной связью с предшествовавшей литературной трнавской традицией, воздействием сложившегося на её территории языкового идиома, в котором сочетались преимущественно западнословацкие и чешские элементы.

Данный процесс связан с тем, что в «перерыве» между двумя «волнами» усиленного интереса к бернолаковской кодификации произошёл «откат» к предшествующей литературной традиции и дело Бернолака начали оценивать более критично. Проводится анализ стилистических возможностей нормативных средств (основных вариантов и дублетных форм), а затем и их селекция с учётом возможного использования в различных функциональных сферах коммуникации.

*Николова Полина
(Болгария, аспирантка Софийского унта)*

БОЛГАРСКО-СЛОВАЦКАЯ МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ОМОНИМИЯ У ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Тема доклада касается популярной среди молодых лингвистов проблемы межъязыковой омонимии. Учитывая многоаспектность данной темы и регламент выступления, мы остановимся только на тех из них, которые считаем наиболее важными. При этом после проведённого нами анализа и привлекаемого нами материала, мы попытаемся дать классификацию основных случаев омонимических отношений и обобщённую характеристику данного явления как целого.

Проблемы омонимии между языками являются дискуссионными. Трудное разграничение омонимии от полисемии в общетеоретическом и прагматическом плане заставляет рассматривать межъязыковые проявления комплексно и придавать большое значение роли контекста. Один из основных вопросов заключается в том, существует ли реально межъязыковая омонимия в близко родственных языках, какими являются языки болгарский и словацкий — члены семьи славянских языков.

Имеющиеся исследования по проблемам славянской омонимии, и в частности омонимии болгарско-словацкой, отличаются своеобразной фрагментарностью, которая менее всего объяснима двумя причинами: многообразием комбинаций славянского двуязычия с различными параметрами и практической невозможностью на практике охватить все случаи, которые можно бы было отнести к какому-либо типу межъязыковой омонимии (Иванова, 1995).

Обращает на себя внимание частое избрание в последнее время межъязыковой омонимии в качестве тем курсовых, дипломных и диссертационных работ. Это указывает на актуальность данной проблематики для языкознания и является доказательством плодотворности данного научного направления.

В болгарском языкознании межъязыковой омонимии посвящено множество научных работ. Среди занимавшихся данной проблематикой авторов можно упомянуть Ц. Иванову (Иванова,

1999), М. Парзулову (Парзулова, 1993), Е. Любенову (Любенова, 2001), П. Быркалову (Бъркалова, 1982). Существенным вкладом в изучение межъязыковой омонимии стали работы и других авторов, прямо или косвенно занимающихся проблемами интерлингвальной омонимии. Болгарские лингвисты обычно считают межъязыковыми омонимами лексемы двух языков совпадающие по форме, но во всех контекстовых реализациях или определённых случаях, они не совпадают по значению. В сущности, это одна из серьёзных проблем, возникающих при разграничении двух генетически близких языков (Иванова, 1998). Вот почему при исследовании словацко-болгарских межъязыковых омонимов появляются некоторые вопросы, ответы на которые не могут быть окончательными (Маноилова, 2011).

В словацкой науке имеется много научных трудов о межъязыковой омонимии. Проблематику интерлингвальной омонимии разрабатывали такие учёные, как Д. Колар (Колар, 1988), Р. Хоракова (Хоракова, 1999), В. Бланар (Бланар, 1993), М. Панчикова (Панчикова, 2003), Ю. Долник (Долник, 2003), Я. Хорецки (Хорецки, 1989) и др. Подобно болгарским языковедам, словацкие лингвисты дают межъязыковой омонимии различные дефиниции, но их теоретические интерпретации очень схожи между собой. Словацкий языковед Д. Колар под термином «межъязыковая омонимия» понимает акустическое или графическое (респективно-акустическое и графическое) сходство слов с различным значением в рамках двух или более языковых систем (Колар, 1988 по Маноиловой, 2011).

Для связывания исследования в нашей теме перечисленных дефиниций «межъязыковая омонимия» с объектом следует сначала ответить на вопросы «Что такое омоним?» и «Каковы теоретические установки, используемые нами при сравнении рассматриваемых нами языков?»

Исходя из родного болгарского языка, начнём с него и оговоримся, что данная проблема рассматривается носителем болгарского языка, для которого словацкий язык является иностранным и изучался им в качестве дополнительного.

Самое краткое описание омонимов в болгарской лексикографии определяет их как лексемы с одинаковым звуковым составом, одинаковыми произношением и ударением, имеющие свои

специфические лексические значения без связи между ними в формах, которые полностью одинаковы и таким образом воспринимаются как одна форма, например, **акция**¹ «действие обычно широкого масштаба с определённой целью» и **акция**² «документ о дедовском капитале, который вносится членом в акционерное общество и приносит прибыль ее обладателю» и т.д. [Георгиев, Русинов 1983; Бояджиев 2002; Вытов 1998; Пашов 1978].

В словацкой языковедческой традиции, дефиниция понятия «омоним» аналогична: она гласит, что омонимы — слова с одинаковыми звуковыми и грамматическими формами, но с различным значением и этимологией. У омонимов нет общего основного значения, между ними отсутствует смысловая связь (Современный словацкий книжный язык). Словацкая лексикография определяют омонимы и как слова, которые «сближаются на основе совпадения тождественности их звуковой формы, произношения и грамматической стороны. Реже различия наблюдаются по значению и этимологии» (Ондрус и др. 1980).

В этом контексте возникает чрезвычайно интересный вопрос, наше исследование могло бы привести к заслуживающим внимания открытию: правомерно ли говорить о существовании болгарско-словацкой межъязыковой омонимии?

Для раскрытия нашей темы мы занялись поиском доказательного материала среди отобранных нами лексических единиц, относящихся исключительно к книжной лексической норме. Из-за широты нашей темы сразу же уточним, что наша задача заключалась в установлении среди имён существительных случаев полной лексической омонимии. Мы предварительно оговорились, что не принимаем во внимание три основные особенности, при помощи которых можно оспорить факт омонимической сущности приводимых нами примеров: различность азбук, проблема ударения и квантитативность. Доказательный материал извлечён нами из Словацко-болгарского словаря (Slovensko-bulharský slovník, 1970) и оформлен в виде краткого словацко-болгарского словаря омонимов среди имён существительных (он приводится нами в Приложении к докладу).

В данной работе мы упомянем лишь часть наиболее интересных и доказательных случаев существования болгарско-словацкой омонимии:

cena «награда, премия» — **цена** «стоимость данного товара»;
divák «зритель» — **дивак** «дикий человек»;
podchod «подлез» — **подход** «способ отношения к данному вопросу»;
pozor «внимание» — **позор** «срам»;
rakovina «болезнь рак» — **раковина** «скорлупа мёртвого моллюска, в которой обычно обитает маленький рак»;
rečník «оратор» — **речник** «книга, сборник с объяснениями значений или переводом слов»;

После изучения «Словацко-болгарского словаря» (1970), содержащего 70 тыс. лексических единиц, нами было установлено, что полная лексическая омонимия имеет место только у 96 имён существительных. Из установленных в двух языках омонимичных лексем 51 % из них составляют слова женского рода; 39 % — слова мужского рода; 2 % слов имеют в словацком языке мужской род, а в болгарском — женский. Среди лексем среднего рода обнаруживаются две единицы, представляющие в словацком языке отглагольные существительные, а в болгарском они являются истинными существительными: *yavedenie* и *spísanie*.

На основе открытого нами доказательного материала считаем возможным признать наличие болгарско-словацкой омонимии среди имён существительных, хотя явление это и не очень широко распространённое. Проявление омонимии здесь скорее спорадичны, что не делает его малозначимым. Знание таких случаев будет полезно для изучающих словацкий язык болгар (равно как и для изучающих болгарский язык словаков) и поможет избежать неприятных или порой достаточно комичных ситуаций, возникающих в процессе коммуникации.

Перевод с болгарского И. И. Калиганова

ИСТОЧНИКИ

1. *Бояджиев Т.* Българска лексикология. София, 2002.
2. *Буюклиев И.* Кратка словашка граматика. София, 1995.
3. *Бъркалова П.* Словашко-български между езикови омонимии // Научни трудове на Пловдивския университет. 1983. Т. 21. Кн. 5. Филология. С. 131–136.
4. *Вътов В.* Лексикология на българския език. В. Гърново, 1998.

5. *Георгиев С., Русинов Р.* Учебник по лексикология на българския език. София, 1983.
6. *Иванова Ц.* Славянската междуезикова омонимия в приложната лингвистика. София, 1995.
7. *Любенова Е.* Формално моделиране на лексикалната омонимия (върху материал от българския, руския и чешкия език). Пловдив, 2001.
8. *Маноилова Д.* Словашко-българска омонимия. Проблеми на класификацията. Дипломна работа. София, 2011.
9. *Mlasek J.* Homonymia pri jednom druhu sztaktických frazeologizmov. Slovenská reč. Ročník 43. 1978. Číslo 3.
10. *Ондрус и кол.* 1980: *P. Ondrus, J. Horecký, J. Furdík.* Súčasný slovenský spisovný jazyk. Lexikologia. Bratislava, 1980.
11. *Парзулова М.* Семантични омоними, получени при разпадането на полисемията, развила се в българския език от заемането на чужда дума // Език и литература, XLVIII. 1993. N 5–6.
12. *Парзулова М.* Омоними, получени от разпадане на полисемията, осъществено на диалектно равнище // Български език. XLIII–XLIV. 1993–1994. N 5–6.
13. *Пашов П.* Въпроси на българската лексикология. София, 1978.
14. *Словашко-български речник.* София, 1970.
15. *Findra J.* O funkčných možnostiach polisémie a homonymie // Slovenská reč. Ročník 43. 1978. Číslo 3.

АНАЛИЗ ОШИБОК В РЕЧИ СЛАВЯН-МИГРАНТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ МАРИНЫ ЛЕВИЦКОЙ И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

Материалы данного исследования — романы современной английской писательницы Марины Левицкой «A short history of tractors in Ukrainian» («Краткая история тракторов по-украински») и «Two Caravans» («Два каравана»), а также переводы этих романов на чешский язык под названиями «Vilný stařec a hamizné ženy» Йозефа Моника и «Dva karavany» Маркеты Мусиловой, соответственно. Особое внимание уделялось ошибкам, допускаемым славянами в разговорной речи на английском языке и их соответствиям в чешских переводах.

М. Левицкая на данный момент является одной из самых ярких писательниц Великобритании. Она, дочь украинских иммигрантов, стала одним из самых ярких современных иммигрантских голосов Великобритании. В 2005 г. Левицкая ворвалась в литературный мир после публикации своего первого романа «Краткая история тракторов по-украински», рассказывающего о проблемах эмигрантов славянского происхождения и англичан с украинскими корнями. Роман был воспринят английскими читателями с энтузиазмом.

В романе «Краткая история тракторов по-украински» в семье украинцев, эмигрировавших в Англию сразу после Великой Отечественной войны, случается несчастье: престарелый отец, Николай Маевский, поэт и инженер, влюбляется в молодую женщину из Украины — Валентину, желающую получить постоянную британскую визу и вид на жительство. Николай Маевский после смерти жены воспринимает Валентину как глоток свежего воздуха, источник нового вдохновения и изо всех сил пытается ей помочь. Однако его дочери, Надежда и Вера, всячески пытаются предотвратить совершение их отцом роковой ошибки.

«Краткая история тракторов по-украински» получила премию Вудхауса, вошла в лонг-лист Букера-2005 и оказалась одним из главных бестселлеров 2006 г. в англоязычном мире. Эту книгу перевели на тридцать три языка.

Роман «Два каравана» («Two Caravans») рассказывает о людях, приехавших в Англию на заработки, о сложностях их жизни, о нечестных работодателях и гангстерах-эмигрантах. Главными героями выступают девушка Ирина и молодой человек Андрий, приехавшие из Киева и Донецка — украинских городов, различающихся в политическом плане. В нём сильна роль и других действующих лиц — их друзей из Польши, Китая, Африки и русских криминальных элементов.

Ошибки в текстах допускаются исключительно в устной речи героев, где автор пытается уподобить речь героев речи иностранцев славянского происхождения. Добавим, что, когда два персонажа-мигранта из одной страны говорят между собой, английский текст не содержит ошибок, ошибки встречаются только при разговоре людей разных национальностей. Устная речь, а в данном случае диалогическая речь, в которой автор стремится сохранить особенности спонтанной речи, является важнейшей формой реализации языка. Устная речь характеризуется тем, что высказывание в адрес собеседника заранее не подготовлено и выражает информативную содержательность с эмоционально-оценочной значимостью. Речевые средства литературно-художественных текстов ориентированы на достижение наглядности образов персонажей. Чтобы вовлечь читателя в среду своих героев, автор и допускает ошибки в их речи.

Речь героев М. Левицкой, англичан славянского происхождения или мигрантов-славян, очень отличается от правильной английской речи. Основным комический эффект при изображении героев-славян в книгах достигается, во-первых, при намеренном создании изображением комических ситуаций, во-вторых, посредством речевых характеристик героев и содержащихся в их речи ошибок, в-третьих, отображением в произведении лексики и реалий украинской, русской, польской и белорусской действительности.

Говоря о реалиях, можно также отметить, что в основном речь идёт о вкраплениях иностранного происхождения, в данном случае украинских и отчасти русских слов в английскую речь. Возникают они чаще всего оттого, что автор хочет подчеркнуть национальную принадлежность героев и получить особый стилистический эффект от смешения двух и более языков. Ошибки в романах могут быть

разделены на две группы: а) случайные (индивидуальные для каждого персонажа и весьма разнообразные); б) типичные (свойственные определённой национальности, большинству носителей данного языка или группы языков). Например, постоянное опускание определённого и неопределённого артикля: «*Because British justice is best in world*» (p. 14 Nikolai, T) — перевод «*Protože britzka justice je nejlepší na světě*» (s. 21).

В результате анализа нами было выявлено четыре основных типа ошибок, характерных для речи героев М. Левицкой. Первый тип: употребление лексических вкраплений и реалий для создания определённого колорита произведения и окружения героя, разъясняющие некоторые понятия инородной культуры. Например, «*Why for? For Stanislav. All is for Stanislav. Stanislav must have good opportunity. Is no opportunity in **Ukraina**. Is only opportunity for gangsters prostitute in **Ukraina***» (p. 112 Valentina, T) — «*Proč, pro co? Pro Stanislava. Všechno pro Stanislava. Stanislav musí mít dobrou příležitost. Není příležitost na **Ukrajíně**. Je jenom příležitost pro gangster nebo prostitutka na **Ukrajíně***» (s. 110). В чешском переводе используется нейтральное «Ukrajina» для всех стилистических пластов. Или другой пример, «*Tak tak. Yes, yes, I know. Passport. Visa. Work permit. So vat?»*» (p. 3 Nikolai, T) — перевод «*Tak, tak. Jistě, jistě, já vím. Pas. Vízum. Pracovní povolení. No a ca?»*» (s. 11). Закономерно, что чешский переводчик не стал переводить лексику какими-либо чешскими междометиями, а оставил в речи героя определённый колорит. Ещё один пример: «*Take care, **Kolyusha!***» (p. 45 mother, T) — перевод «*Dávej pozor, **Koljušo!***» (s. 49). В английском варианте текста употребляются деминутивы, уменьшительные формы имён.

Второй тип: ошибки произношения, такие, как проблема перехода от межзубного [ð] к альвеолярному [s], проблема различения губно-зубного [v] и губно-губного [w], неправильное произношение заимствованных слов, и др. Например, «*Hmm. Of course this question of **psychological (he pronounces both consonants: p,s)***» (p. 90 Nikolai, T) — перевод «*Hmm. Tahle otázka **psychologického... (dává důraz na obě souhlásky, p i s)***» (s. 91), «*My darlink little flovver. Loff, loff, loff*» (p. 300 Vulk, C) — перевод «*Můj milovaný cvětoček! Láska, láska, láska*» (s. 277).

Третий тип: грамматические ошибки — как правило, это ошибки пропуска вспомогательных глаголов при образовании

вопросов/вре́мён, вместе с другими ошибками — пропуском артиклей, неправильным порядком слов и глагольным управлением. Например, «*Why you want for talk?*» (p. 98 Valentina, T) — перевод «*Proč chceš na mluvení?*» (s. 98), «*I no understand English. I must interpreter*» (p. 197 Valentina, T) — перевод «*Já nerozumím anglicky. Já musím tlumočnick*» (s. 188), «*Is she marry?*» (p. 299 Andriy, C) — перевод «*Je vdaná?*»(s. 276).

Четвёртый тип: лексические ошибки, ошибки узуса. Например, «*It will be in region of five or six hundred pound a week*» (p. 81 Vitaly, C) — перевод «*Něco kolem pěti, šesti set liber týdně*» (s. 80). Данная ошибка является калькой с русского языка фразы «Сколько ты зарабатываешь? — В районе ... тысяч». На чешский язык ошибка не переведена. Или другой пример: Андрий называет машину марки BMW «*Bee-em-vay*», т. е. так, как это принято у нас. В английском языке принято произносить буквы как в алфавите: [bi:], [em], [ˈdʌbl ˈju:].

В романах основным фактором, препятствующим полной переводимости, является придание своеобразному пиджину персонажей, которому нет соответствий в других языках, стилистической значимости. В данном случае речь главных героев выполняет важнейшую функцию определения их места в обществе, они — мигранты. Переводчикам романов удалось уподобить чешский язык «неправильному» английскому языку, нередко пользуясь просто калькированием для передачи грамматических ошибок, которым нет места в чешском языке, но зачастую ошибкам в английском языке подбирались соответственные иностранцам ошибки в чешском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Mareš P. «Also: nazdar!»: aspekty textové vícejazyčnosti. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2003.

Котова М. Ю. Феномен Марины Левицкой // Славяне в неславянских странах: сб. статей. СПб., 2010. Вып. 1. С. 28–34.

Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: пособие для учителей. М., 1982.

Язикова Ю. С. Слово в языке М. Горького: Смысловая структура слова в семантико-стилистической системе писателя. Горький, 1985.

ИСТОЧНИКИ

1. *Lewycka M.* A short history of tractors in Ukranian. London: Penguin Books. 2005. 324 p.
2. *Lewycka M.* Two Caravans. London: Penguin Books. 2007. 407 p.
3. *Lewycká, Marina.* Vilný stařec a hamížné ženy / Přel. Moník J. Abonent ND. 1. vyd. Praha, 2006. 309 s.
4. *Lewycká, Marina.* Dva karavany / Přel. Musilová M. BB art. 1. vyd. Praha, 2008. 288 s.

ПРОЯВЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИИ К АНАЛИТИЗМУ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

На развитие языка влияют перемены в обществе и изменения в экономическом и политическом устройстве государства. В XVIII в. происходит распад церковнославянско-русского двуязычия, что приводит к формированию новых норм литературного языка и обогащению его словарного состава.

В XIX столетии, называемом ещё пушкинским, русский язык обогащается за счёт художественной литературы и начинает пополняться интернациональной лексикой, в основном из западноевропейских языков. Таким образом, в русском языке становится явной тенденция к интернационализации, но вместе с тем и склонность к аналитизму.

Целью настоящего доклада является выявление основных особенностей её проявления, главным образом, в области морфологии. Мы сосредоточим своё внимание на грамматической неизменяемости как ключевом явлении аналитизма. Коснёмся также процесса смешения флексий, основывающегося на аналогии. Представим основные классы слов, для которых неизменяемость — приобретённый в процессе языковой эволюции признак.

Самый многочисленный класс неизменяемых слов представлен **несклоняемыми существительными**. В связи с ростом аналитизма их следует поставить на первое место. Хотя в общем словарном запасе их сравнительно немного, их класс постоянно пополняется новыми лексическими единицами. Наиболее характерным подклассом несклоняемых существительных являются заимствованные имена.

Заимствованные несклоняемые существительные начали употребляться в русском языке с середины XVIII в. Вплоть до середины следующего века многие из этих единиц или не склонялись, или приспособлялись к нормам русского языка, т. е. получали соответствующие флексии.

С 20-х гг. XX в. в связи с изменившимися социальными условиями в стране процесс пополнения этой группы

существительных весьма активизировался: усиление элементов аналитизма в системе склонения существительных стало довольно ощутимым уже в начале века. Этот процесс продолжается и по сей день.

Интересно упомянуть о субстантивированных неизменяемых языковых единицах типа *здравствуйте, да, ура, нет* и т.п., которые выступают в контексте в роли существительных: «*Моё тихое здравствуйте было встречено презрительным молчанием*». Или: «*Искусный волокита знает: иногда три тихих нет — синоним да*» — (Рамон де Кампоамор. Эпиграммы. Пер. С. Гончаренко). См. также название книги Е. Евтушенко «*Между городом Да и городом Нет*»).

Об аналитизме существительных пишет Е. А. Брызгунова в своей статье «Тенденции к аналитизму в русском языке: современное состояние». По её наблюдениям, к концу XX в. активизировался процесс смешения падежных флексий в определённых грамматических группах слов: *на выборов* вм. *на выборах, в нашей газеты* вм. *газете, поздравляем всех ветеранах* вм. *ветеранов, победа на брусьев* вм. *брусьях* и др. Смещение падежных флексий расширяется, появляются несвойственные русскому языку сочетания морфем: *стадо моржов, поговорим о других мнениев, в этих позицияв* и др.

По моим личным наблюдениям, интерес вызывает тенденция в речи русских, живущих в Эстонии, не склонять топонимы, имеющие характерное для русских существительных окончание –а (–я). Так, например, один из районов Таллина под названием *Пирита* в устной речи обычно не склоняется: «*Я был в Пирита. Мы вернулись из Пирита*» и т.д. Оказывается, русские в Эстонии воспринимают этот топоним как эстонскую реалию, причисляя его к несклоняемым существительным типа *Баку, Сухуми*. По моему мнению, тенденция не склонять такого рода существительные в речи русских в Эстонии приобретает всё большую популярность, распространяясь и на другие топонимы.

Интерес представляют также **неизменяемые имена прилагательные**. Это корневые заимствованные элементы, получившие в языке возможность самостоятельного функционирования. Они выполняют функцию определителей при существительном, не имеют обычной для прилагательных

морфологической оформленности, т. е. лишены внешних морфологических примет своей категории. Некоторые из этих слов приняли форму русских прилагательных (ср.: *беж* — *бежевый*, *бордо* — *бордовый*, *гротеск* — *гротескный*), однако большинство не подверглось русификации. Несклоняемые формы преобладают теперь в книжном языке (ср.: *платье цвета беж*), русифицированные формы — в разговорном (ср.: *платье бежевого цвета*).

В русском языке постоянно возрастает число неизменяемых прилагательных как специализированных определителей сортов, марок, разновидностей предметов. Большинство заимствований, относящихся к аналитическим прилагательным, принадлежит к узким и специализированным речевым сферам. В связи с возникновением аналитических прилагательных весьма активными являются в современном русском языке сочетания частично сокращённых слов с существительными типа *профсоюзы*, *госбанк*, *педфак*, *плавбаза*. Это привело к тому, что многие исследователи считают морфемы вроде *проф-*, *пед-*, *гос-*, *плав-* аналитическими прилагательными. Подобные определительные компоненты могут представлять собой заимствования типа *теле-*, *радио-*, *фото-*, *аэро-*, *гео-*, *гидро-*, *электро-*, *гелио-* (ср.: *телепередача*, *радиомагазин*, *фотолаборатория*, *аэропорт*, *геоботаника*, *гелиометр*, *гидроэлектростанция*, *электроэнергия*). Это корневые заимствованные элементы, получившие в языке широкое распространение. В современной исследовательской литературе вопрос о неизменяемых определителях носит остродискуссионный характер. Различные точки зрения привели к появлению терминов-дублетов: аналитические прилагательные (М. В. Панов), несклоняемые прилагательные (А. А. Шахматов), примыкающие прилагательные (О. С. Ахманова), связанные корневые элементы (В. П. Дьяченко),

В области **числительных** также наблюдается усиление аналитических тенденций, выражающееся в ослаблении системы их склонения. Другой характерной особенностью функционирования этой части речи в последние десятилетия становится употребление количественных числительных в тех случаях, когда ранее преимущественно употреблялись числительные порядковые: *пункт четыре* вместо *четвёртый пункт*, *квартира семнадцать* вместо *семнадцатая квартира*, *статья шесть* вместо *шестая статья* и т.д.

Следует уделить внимание и **аббревиатурам**. Аббревиатуры, в силу своих морфологических и морфонологических особенностей (в некоторых случаях независимо от них), под влиянием общих тенденций развития грамматического строя языка включаются в ту часть словарного состава, которая выражает значения падежей не флексиями, а аналитическими средствами.

Аналитизм в области аббревиатур вызван их нестабильностью в плане выражения категории рода, приводящей к нарушению нормы. Это связано, прежде всего, с внутренним противоречием между этимологической и формальной мотивированностью рода. Слова с конечным твёрдым консонантом считаются теперь, как правило, существительными мужского рода. Аналогично и понимаемые как целостные слова сокращения становятся существительными мужского рода (ср. *ВАК, НОТ, МХАТ, вуз*). Сокращения типа *роно, районо* и др. были аналогичным образом отнесены к существительным среднего рода на -о. Причиной колебания в роде могут быть затруднения в этимологическом толковании словосочетания, которое стало основой для создания данной аббревиатуры.

Важное место при рассмотрении настоящего вопроса занимает **процесс развития глагольного аналитизма**. Аналитические средства в сфере русского глагола охватывают лексемы типа ни-ни, тю-тю, производные из т. н. «детского» языка (*баиньки, гуленьки, спатеньки*), императивные междометия (*тс-с-с!, ша! брысь!*) и этикетные междометия (*до свидания, спасибо, пока*).

Тенденция к аналитизму в русском языке в настоящее время усиливается. В нашем докладе мы лишь отчасти затрагиваем этот вопрос, рассматривая основные именные категории и глагол. Язык — структура постоянно изменяющаяся, она не оторвана от остального мира, а, наоборот, функционирует и развивается как раз одновременно с обществом. Этот факт необходимо учитывать при рассмотрении того или иного лингвистического явления и стараться выявлять его социальную природу.

ИСТОЧНИКИ

1. Горбачевич К. С. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика. Берлин, 1990. № 2.

2. *Земская Е. А.* Активные процессы в современном русском языке последнего десятилетия XX века // *Русская речь*. 1998. № 7.
3. *Земская Е. А.* Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке // *Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М. В. Панова*. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 68–76.
4. *Золотова Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
5. *Клобуков Е. В.* Аналитические глаголы в русском языке // *Жизнь языка: сб. ст. к 80 -летию М. В. Панова*. М.: Языки славянской культуры, 2001.
6. *Кнорина Л. В.* Освоение новых слов в связи с тенденцией русского языка к аналитизму // *Языковая практика и теория языка*. М.: МГУ, 1978. Вып. 2.
7. *Левицкий А. Э.* Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. Киев, 1998. С. 24–27.
8. *Молотков А. И.* Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? // *Вопросы языкознания*. 1960. № 6.
9. *Русский язык. Энциклопедия* / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 260–261.
10. *Ярмашевич М. А.* Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004.

*Лукьяненко Дарья
(Украина, Николаев, преподаватель и аспирантка)*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Личность первого украинского философа Григория Сковороды и поныне продолжает вызывать интерес не только у философов и биографов, но и у литературоведов. Вот уже почти три века фигуру Г. Сковороды окружает ореол мифичности, подталкивая исследователей к поискам новых исторических материалов, а литераторов к созданию новых литературных интерпретаций. Этническое происхождение, особый характер философского мышления этническая и культурная принадлежность Г. Сковороды считаются украинскими, но это не помешало философу органично войти в культуры других народов. За последние два века его произведения многократно издавались не только в оригинале, но и в переводах на английский, армянский, грузинский, итальянский, немецкий, польский, португальский, словацкий, чешский, украинский и русский языки. Кроме того, Г. Сковорода стал знаковой личностью, вдохновившей на творческие рассуждения и умозаключения многих писателей-интеллектуалистов: Тараса Шевченко, Ивана Франко, Владимира Соловьёва, Льва Толстого, Михаила Булгакова, Николая Бердяева, Алексея Лосева, Пауло Коэльо.

Ещё в 1954 г. публицист и философ Николай Шлемкевич выделил особенный тип «сковородинского человека»¹. Под этим типом учёный подразумевал человека, ориентированного на свою душу, самосовершенствование, поиски нового, лучшего мира. Не вызывает сомнений факт, что такой тип человека встречается в каждой культуре.

Итак, присутствие феномена Г. Сковороды во многих славянских и европейских культурах даёт основания рассмотреть его личность в кросс-культурном аспекте, т. е. на пересечении культур — русской и украинской. Наиболее ярко, с нашей точки зрения,

---

¹ *Шлемкевич М.* Загублена українська людина. N.Y., 1954. С. 20.

культурное своеобразие рецепции феномена украинского Сократа отобрано в художественной литературе.

Кросс-культурный подход к художественным интерпретациям феноменальной личности Г. Сковороды позволяет назвать его образ «вечным». Так, исследователи Валентин и Владимир Луковы выделяют следующие свойства вечных образов: содержательная ёмкость, неисчерпаемость смыслов; высокая художественная, духовная ценность; способность преодолевать границы эпох и национальных культур, общепонятность, непреходящая актуальность; поливалентность — повышенная способность соединяться с другими системами образов, участвовать в различных сюжетах, вписываться в изменяющуюся обстановку, не теряя своей идентичности; переводимость на языки других искусств, а также языки философии, науки и т.д.; широкая распространённость².

Как отмечалось выше, образ Г. Сковороды уже на раннем этапе литературной обработки стал объектом мифологизации, что можно объяснить странствующим образом его жизни, пренебрежением благами и привилегиями современного ему общества. Именно странничество Г. Сковороды становится плодородной почвой для авторских домыслов, своеобразия трактовки биографического материала, начиная с романа В. Нарезного «Российский Жилблаз» (1814). Его мудрец Иван интерпретирован в духе представлений, распространявшихся о Г. Сковороде в начале XIX в. прежде всего на основе легенд, которые писатель услышал от людей, лично знавших мыслителя. Как отмечает чешская исследовательница феномена Г. Сковороды, З. Геник-Березовская, «в безоговорочном принятии Сковородой “язычества”, исходящего от античной философии, ярко проявляется и вольнодумство самого Нарезного»³. Речь идёт о восхищении автора романа уникальным соединением в философии Г. Сковороды идей Отцов Церкви, библейских мотивов и образов с элементами учения Платона, Сократа и Эпикура. В то время философия в России выполняла вспомогательную функцию в достижении богословских целей.

Повесть Измаила Срезневского «Майор, майор!»,

² Луков Вал., Луков Вл. Вечные образы как константы тезаурусов мировой литературы // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 9. С. 37.

³ Геник-Березовська З. Григорій Сковорода: образ художній і справжній. Слово і час. 1995. № 3. С. 63.

опубликованная в 1836 г. в журнале «Московский наблюдатель», явилась второй попыткой художественной интерпретации образа Г. Сковороды в славянских культурах. Как и В. Нарезный, будущий академик И. Срезневский опирался на народные легенды, записанные им лично в д. Валки, где разворачивается главное событие произведения — побег молодого Г. Сковороды из-под венца. В то же время если В. Нарезный даёт в романе и подробный портрет философа, и описание концепций, совпадающих с жизненными взглядами героя, то И. Срезневский делает акцент на духовной независимости философа, которую тот определил знаменитой фразой: «Мир ловил меня, но не поймал».

Ещё одной попыткой создать художественный образ Г. Сковороды была русскоязычная повесть Т. Шевченко «Близнецы» (1855). Сегодня это произведение вызывает в среде литературоведов далеко не однозначные оценки, поскольку странствование Г. Сковороды отнесено в нём к началу XIX в. Такая авторская «небрежность» объясняется следующими причинами: 1) названная повесть является художественным, а не историко-биографическим произведением; 2) её автор не имел возможности основательно ознакомиться с наследием Г. Сковороды из-за постоянных ссылок; 3) он не ставит акцент на актуальности идей философа в XIX в. Благоклонное отношение Т. Шевченко к идеям Г. Сковороды отражено, например, в следующей фразе: «Одни только гении могут собственными силами пробить грубую кору холодного эгоизма и заставить обратить на себя изумлённые глаза толпы»⁴.

Более основательным подходом к литературной обработке отмечен рассказ Н. Лескова «Заячий ремиз. Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов», написанный в 1894 г. и впервые изданный только после 1917 г. По авторскому определению, это произведение наделено «колоритом малороссийским и сумасшедшим». В данной характеристике раскрыта внешняя фабула, поскольку герой рассказывает о своих приключениях в сумасшедшем доме; автор подобным образом объясняет избрание им приоритета в развитии духовности, открытого им в украинской литературе XVIII в. Мистифицированная жизненная ирония Г. Сковороды в этом отношении наиболее точно соответствовала авторской позиции.

---

⁴ Шевченко Т. Г. Близнецы. Киев, 1961. С. 315.

Сказанное нами позволяет определить созданный в XIX в. художественный образ Г. Сковороды как философско-этическо-мифологический, поскольку авторы, о произведениях которых мы говорили, обращались преимущественно к биографическому материалу, основанному на устных преданиях. В философском аспекте писателям импонировала уникальность странствований Г. Сковороды — мыслителя, резко отличавшегося от средневековых дьяков своей самоуглублённостью и решительным разрывом с обществом.

До конца XIX в. многогранная личность Г. Сковороды в литературе была представлена лишь в своей этической ипостаси. Но с началом XX в. внимание исследователей стали привлекать другие стороны феномена его личности. Это даёт возможность говорить не только о вечности образа Г. Сковороды, но и о возникновении новой области науки — сковородоведении. Оно охватывает философский, литературоведческий, этический, богословский, языковедческий, исторический, педагогический и искусствоведческий аспекты творческого наследия этого замечательного мыслителя XVIII в.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ (на примере творчества И. Вазова и П. Яворова)

Женский образ в болгарской поэзии отличается своеобразием по сравнению с русской, что объясняется достаточно поздним его возникновением.

Как правило, в любом произведении можно найти параллели с произведениями, созданными ранее. Для сравнения берутся два болгарских поэта, И. Вазов (1850–1921) и П. Яворов (1878–1914). Первый — реалист, корифей болгарской литературы, второй — основоположник символизма, следовательно, велика разница между тем, что их волнует. И. Вазов обращается к любовной лирике на раннем этапе своего творчества, однако позже называет некоторые свои произведения из сборника «Майский букет» («Майска китка») эротичными до цинизма. Но и в последние годы жизни лирика, и женский образ в его стихотворениях всё-таки находят своё место. П. Яворов же далёк от гражданского пафоса, от эпопеи становления личности, он сгорает в своём чувстве без остатка, состояние абсолютно несвойственное для вдумчивого И. Вазова.

Различен и материал, на основе которого строится то или иное стихотворение, обусловленный спецификой болгарской литературы. У И. Вазова фольклор, как правило, используется как подспудное выражение собственной гражданской позиции, а у погружённого в собственный внутренний мир П. Яворова реминисценции не играют сколько-нибудь важной роли. Непосредственное обращение к русской классике и её цитирование в творчестве обоих поэтов встречаются чрезвычайно редко, и место, занимаемое у И. Вазова обращениями к западноевропейской литературе («Писмото» / «Письмо»), у П. Яворова отводится реминисценциям из Библии и древней истории («Клеопатра», «Песен на песента ми» / «Песнь песней») как более глубинному слою текстов. Это же касается и жанра посвящений, активно разрабатывавшегося И. Вазовым («На Фатма» / «Фатме», «Сонет. На една богомолка» / «Сонет. Одной богомолке»), П. Яворов же оставался к нему сравнительно

равнодушен. Если он и обращался к посвящениям, то они относились к друзьям или любимым женщинам.

Среди заимствований из народных песен или стилизаций под них в качестве наиболее ярких произведений у И. Вазова можно отметить стихотворение «Влахиня, гъркиня и българка» / «Валашка, гречанка и болгарка» (налицо и троичность композиции, и специфический народный сюжет), а у П. Яворова — «Павлета удалой и Аглика молодая» / «Павлета делия и Павлетица млада» — стихотворение, которое изначально задумывалось как фольклорная стилизация.

Особняком стоят два произведения, построенные на метафоре «девушка — цветок». У И. Вазова это — «Цвете» / «Цветок», а у П. Яворова — «Теменуги» / «Фиалки».

Мотивы из русской классики заметны в стихотворении П. Яворова «Демон», в котором он обращается к М. Ю. Лермонтову (из русских поэтов болгарский творец тяготел именно к нему), а у И. Вазова это стихотворение «Хубавица» / «Красавица», эпиграфом к которому служит строка А. С. Пушкина.

Несомненно, следует учитывать, что даже в стихотворениях с доминирующим авторским началом возможно найти отсылки к предыдущим художественным текстам. Однако не меньшее место в творчестве обоих поэтов занимают такие произведения, в которых достаточно сложно однозначно установить заимствование или чьё-либо влияние. Таковы, например, стихотворения «Ела!» / «Приди!» П. Яворова или «Нощем» / «Ночью» И. Вазова, которые тем не менее через мотив ночи соотносятся друг с другом.

А поздний И. Вазов (имеется в виду «Трендафилите» / «Кусты») — третья часть сборника «И снова расцвела моя сирень...» — «Люлека ми замириса»), как ни странно, походит на П. Яворова: женский образ у него теряет физическую чувственность, возлюбленная превращается в чаровницу, отдалённую мечту («Тя» / «Она», ср. с «Вълшебница» / «Волшебница» П. Яворова).

Однако женский образ подразумевает не только образ возлюбленной, но и образ матери. «Материнская любовь» («Майчина любов») П. Яворова — именно такое стихотворение.

МОТИВ СДЕЛКИ В ЛИТЕРАТУРЕ ЕВРОПЫ XIX–XX вв.
(И. ГЁТЕ, А. ИРАСЕК,
Д. КРЮС О. УАЙЛЬД, М. КУНДЕРА)

В работе рассматривается литературный мотив «сделки» на примере произведений разных национальных литератур: немецкой, английской и чешской. В нашем исследовании прослеживаются вариации данного мотива от его первоначального возникновения в древних мифах и языческих легендах, анализируется влияние своеобразия эпох на развитие указанного мотива, а именно времена язычества, христианства, период Просвещения, Средние века. Особое внимание сосредотачивается на Средних веках, так как именно тогда и создаётся тип литературного сюжета, непосредственно связанный с мотивом сделки. Отправной точкой изучения мотива сделки автору послужило произведение И. Гёте «Фауст», в котором данный мотив представлен в полнейшей его версии: сделка приравнивается к акту купли-продажи, в котором участвуют две стороны. Полнейшая версия мотива сделки — это двусторонняя возмездная срочная сделка, заключённая в письменной форме (т. е. в сделке заявлены две стороны-участника; каждая из сторон идёт на сделку с осмысленной целью предоставить услуги или добиться желаемых выгод; сделка заключается на определённый период времени; сторонами подписывается юридический документ). «Фауст» И. Гёте — первая ступень эволюции этого литературного мотива, для которой характерен средневековый мистицизм. На появление мотива сделки повлиял исторический период развития алхимии (IV–XVI вв.). Именно поэтому для средневековой версии мотива сделки характерны мистицизм, легендарно-мифологическая основа, сказочность, а также символика чисел и цветов.

Средневековой сделке присуща **прототипичность**, которая выражается в том, что в сделке обычно выступают с одной стороны таинственный учёный (часто алхимик) или лишённый элементарных жизненных благ простолюдин, с другой стороны — высшая тёмная сила.

Следующей ступенью эволюции мотива является переложение сюжета, а вместе с ним и самого литературного мотива, что рассматривается на примере повести Алоиса Ирасека «Дом Фауста». Известный ранее мотив проходит некоторые незначительные, но перспективные изменения. А. Ирасек переносит средневековый сюжет в иные условия и представляет мотив сделки в новом ракурсе. В данном случае «смертной» стороной в сделке выступает бедный студент (читай: лишенный элементарных жизненных благ простолюдин), что характерно для мотива сделки. Новым здесь является то, что вторая участвующая в договоре сторона, а именно «злой дух», не вводится в сюжет как явное действующее лицо, а присутствует в произведении словно «по умолчанию». Намёки на его присутствие есть в многочисленных описаниях, а также в пересказе судьбы известного доктора Фауста. В повести «Дом Фауста» описываются две версии одной и той же сделки, но в случае с Фаустом — сделка снова в своей полнейшей версии, в случае же со студентом приём «умалчивания» и «утаивания» второй стороны лишь придаёт мотиву таинственность и мистицизм. В любом случае здесь также представлена двусторонняя возмездная срочная сделка, отсчёт которой начинается с того момента, когда студент забирает первую «дьявольскую» монетку. Пользование «магическими» благами подразумевает расплату, и студент, знавший об участии своего предшественника, всё же заключил сделку, по истечении которой дьявол утащил молодого человека в царство мёртвых.

Следующая ступень развития рассматриваемого мотива — его травестирование, т. е. адаптация мистического мотива мировой литературы для детского восприятия в жанре сказки. Здесь мы анализируем произведение Джеймса Крюса «Тим Талер, или Проданный смех». Главный его герой — ребёнок, и это является одним из моментов адаптации, но тот факт, что мальчик-сирота, явно характерно для мистической «сделки с дьяволом». Главному герою нечего терять, значит, он может рискнуть ради улучшения жизни своей мачехи и сводного брата. Потому он и идёт на сделку, и продаёт свой смех, чтобы выигрывать любой спор. Но по законам сказки добро побеждает, и главный герой, пройдя через испытания последствий сделки, осознаёт ошибочность своего выбора, борется и, в итоге, побеждает. В роли «тёмной стороны» выступает современный делец,

по сути, торговец, которому присущи множественные мистические черты: волшебная перемена цвета глаз, внезапные, но эффектные появления, а также многие другие его таинственные учения. Здесь представлена двусторонняя возмездная срочная сделка. Обе стороны подписывают контракт, где прописаны все условия, а также чётко сформулированы сроки.

Далее в работе рассматривается мотив сделки в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Здесь мы видим, что актуальность мистики этого мотива постепенно переходит на смежные мотивы, важное место занимает предмет, т. е. в сделке появляется некий посредник. У этого писателя сделка прописана очень неясно, большее внимание уделяется «предмету-посреднику» и внутреннему миру героя. Портрет, играющий в романе главную роль, обретает магическое свойство и становится воплощением совести молодого Дориана Грея. Но всё это происходит только после попадания главного героя под влияние своеобразного демона-искусителя. Эта роль в романе отведена лорду Генри Уоттону: ему свойственна роскошь, некоторая расслабленность и вальяжность. Он — светский человек из высшего общества. Подобно экранизированным демонам, Уоттон красив, притягателен и красноречив, в нём есть внутренняя сила. Он исповедует теорию наслаждения и красоты, именно её он и втолковывает Грею, дабы завладеть его неискущённой душой. Уоттон — льстец и лжец, что весьма характерно для «тёмной стороны» мистической сделки. Впитавший в себя теорию красоты, Грей приходит в ярость при одной мысли об утрате молодости и красоты. Он желает вечно остаться молодым и красивым и готов перенести своё старение на портрет, даже ценой своей души за исполнение этого желания. Роль этого портрета очень велика: Дориан ощущает его частью самого себя, уничтожить его равносильно убийству. Тем самым герой передаёт портрету свою душу и становится уязвимым, чего и добивался лорд Генри. Получив вечную прелесть, Грей отдаёт взамен свою душу, и, таким образом, двусторонняя возмездная сделка здесь также налицо. В качестве документа в произведении выступает сам портрет, являясь своеобразным свидетельством соглашения.

Последней ступенью нашего исследования является рассмотрение романа Милана Кундеры «Шутка». В этом произведении заявленный мотив сделки выступает в своей

финальной стадии развития, а именно в жизненных компромиссах и ежедневных договоренностях, в условностях, как с окружающими, так и с самим собой. Мотив сделки в романе переродился у главного героя в мотив внутренней борьбы, выбора и впоследствии в четкое решение отомстить. Неудачная шутка, сломавшая жизнь героя, становится отправной точкой «договора с самим собой», после чего главный герой убеждает себя в необходимости мести, а вместе с тем копит ненависть, придающую ему ещё большую решимость. Многогранность человеческого существа в романе представлена множеством масок, которые есть у каждого из нас. На протяжении романа герой проживает жизнь, но при этом не принимает её такой, какова она есть: независимо от того, хорошо или плохо ему живётся, герой следует четкой личной установке — отомстить за свои растоптанные мечты. Договорённости и компромиссы, уступки и условия, попытки превозмочь самого себя — всё это переполняет роман Кундеры. Автор описывает жизнь, как она есть, говорит о человеческих качествах и поступках, которые проявляются и совершаются и сейчас. Избранная Людвиком месть — результат затаённой обиды, со временем переросшей в ненависть. Именно поэтому у него созревает хладнокровный, изощрённый план мести. Душа героя борется до последнего, но, увлекаемый своей ненавистью, Людвиг решается совершить задуманное. Сделка таится в самих условностях нашей жизни, в наших ежедневных договорёностях, будь то встреча или просьба. В сущности, все мы постоянно что-то даём и постоянно берём что-то взамен. Но месть — это сделка с самим собой, со своим внутренним «я».

Рассмотрев вариации исследуемого литературного мотива, можно констатировать присутствие в нём множества ракурсов, позволяющих открывать при обращении к данной теме всё новые и новые нюансы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Аникст А. А.* Гёте и Фауст. М., 1983.
2. *Большакова Т.* Концепция человека в трагедии Гёте «Фауст». URL: <http://epygraph.ru/text/137> (дата обращения: 11.04.12).
3. *Жирмунский В.* История легенды о Фаусте // Легенда о докторе Фаусте. 2-е изд. Л., 1978.

4. *Иоффе О. С., Мусин В. А.* Основы римского гражданского права. Л., 1974.
5. *Ишимбаева Г. Г.* Русская фаустиана XX века. М., 2002.
6. *Семочко С. В.* Сюжет о докторе Фаусте как немецкий прецедентный текст // Вестник Воронежского гос. ун-та. Труды молодых учёных. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 448–458.
7. *Vítězslav B.* Pověst o Faustovi ve filosofii Jana Patočky. URL: <http://www.phil.muni.cz/fil/studenti/studenti.html/2001> (дата обращения: 11.04.12).

ВЫРАЖЕНИЕ ИРОНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. КУНДЕРЫ И Б. ШОУ

Милан Кундера — один из самых известных современных чешских авторов. Его произведения написаны на разных языках¹ и переведены на многие языки мира², благодаря чему стали доступны широкому кругу читателей и многими любимы. Его творчество не раз становилось предметом исследования. Известны работы Е. Н. Ковтун³, Е. Л. Кандыбиной⁴, М. Фолиной⁵, В. Шпаковой⁶, а также многих других исследователей.

В докладе анализируются особенности использования иронии в творчестве М. Кундера на примере сборника рассказов «Смешная любовь»⁷, выявляется специфика кундеровской иронии. Говоря о сатирической форме иронии, нельзя не вспомнить о классике английской литературы, лауреате Нобелевской премии — Бернард Шю. В работе приводится сравнение выражения иронии в творчестве двух писателей. Анализ в отношении второго автора строится на материале рассказов из сборника «Рассказы, отрывки

---

¹ Žert (Шутка), 1965, Životjeinde (Жизнь — не здесь), 1969–1970, Valčíknf farozloučenou (Вальс на прощание), 1970–1971, — на чешском языке. La Lenteur (Неспешность), 1994, L'Identité (Подлинность), 1998, L'Ignorance (Неведение), 2000, — на французском языке.

² Kundera M. 1) Laughable Loves. NY, 1987 (пер. на английский язык); 2) Risibles amours. Gallimard, 1986 (пер. на французский язык); 3) Das Buch der lächerlichen Liebe. Frankfurt, 1989 (пер. на немецкий язык); 4) El libro de los amores ridículos. Barcelona, 1997 (пер. на испанский язык).

³ Ковтун Е. Н. Ф. Кафка. К. Чапек. М. Кундер: чешский и европейский аспекты творчества // Sborník příspěvků přednesených zahraničními bohemistami na mezinárodní symposium v Praze 20.-26. Srpná 1998. 1. Díl. Praha, 1998. S. 61–65.

⁴ Кандыбина Е. Л. Кич как миропонимание в творчестве Г. Иванова и М. Кундера // Эйхенбаумовские чтения. Воронеж, 2004. Вып. 5. Ч. 2. С. 77–81.

⁵ Фолина М. Типы литературных персонажей в произведениях Милана Кундера «Книга смеха и забвения», «Невыносимая лёгкость бытия» и Йозефа Шкворецкого «Чудо», «История инженера человеческих душ» // Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ им. М. В. Ломоносова Р. Р. Кузнецовой и А. Г. Широковой. М., 2004. С. 98–100.

⁶ Шпакова В. О кн. Милана Кундера «Вальс на прощание» // Октябрь. 2000. № 6.

⁷ Kundera M. Směšné lásky. Brno: Atlantis, 2009.

и стружки»⁸. Несмотря на то что указанные писатели жили в разное время, они являются самыми яркими представителями особенностей юмора своих народов.

Цель нашего исследования заключается в стремлении понять знаменитую иронию М. Кундеры, на чём она основывается и чем обусловлена. Сравнение с британским мастером иронии Б. Шоу дало возможность рассмотреть национальную специфику юмора М. Кундеры, выявить общие и различные черты в использовании иронии двумя авторами.

Время, в которое были написаны рассказы сборника «Смешная любовь» М. Кундеры, оставило неизгладимый отпечаток на его творчестве, заставило взглянуть со стороны на существующие проблемы общественной жизни. Анализ его творчества немислим без контекста биографии автора.

Расположение рассказов в сборнике не случайно. М. Кундера работал над сборником очень тщательно, доводил его до «кондиции» конечного, устраняя лишние, по его мнению, рассказы. Они объединены общей тематикой, насыщены знаменитой кундеровской иронией. Бесспорной является её народная смеховая основа. Природа смеха у М. Кундеры двойственна, в нём присутствует и серьёзное начало, смеётся вместе с нами и сам осмеиваемый. Все герои М. Кундеры словно погружаются в некую «карнавальную жизнь», где каждый может примерить на себя любую маску. Любые условности, общественные правила просто перестают существовать. Всё погружается в пространство игры, которая на время заполняет всё, и люди оказываются вынужденными поддаться ей.

В ходе анализа текстов сборника рассказов М. Кундеры «Смешная любовь» выявилось, что кундеровская ирония заключается в смешении реального с нереальным. В них создаются различные зеркальные ситуации и ситуации перевёрнутости, посредством которых автор разрушает реальный мир со всеми его условностями и привычными связями. М. Кундера погружает нас в болезненный поток сознания героев, заставляя нас прочувствовать всё вместе с ними. Писатель вносит ноты абсурда в свои рассказы, что придаёт им неповторимый комический характер; зачастую события, начинающиеся с безобидной лёгкой шутки, приводят к трагическим последствиям. Функция смеха, иронии у М. Кундеры — это

⁸ *Shaw B. Short stories, scraps and shavings. New York: Dodd Mead, 1934.*

очищение. Характерно восприятие писателем мира через призму иронии. Кроме того, смех в рассказах М. Кундеры — это и попытка уйти от жестокой реальности того времени.

Природа иронии английского писателя иная. На творчество Б. Шоу повлияла среда, в которой он родился и вырос. Детство и юность писателя проходили в период борьбы его родины за независимость от Англии. Для Б. Шоу театр стал местом проведения ожесточённых дискуссий, а не увеселительным заведением. Писатель никогда не оставался равнодушным к проблемам современности, в его произведениях можно найти отклики на все волнующие его события.

В процессе анализа текстов сборника «Рассказы, отрывки и стружки» Б. Шоу было выявлено, что ирония автора является в первую очередь его оружием, средством обращения к читателю и воздействия на формирование его взглядов. Идеальный герой Б. Шоу — это человека трезвого ума, реалистично смотрящий на жизнь. Парадоксы Б. Шоу вскрывают глубокий социальный смысл явлений, помогают понять противоречие между видимостью и сущностью явления, раскрывают социальные противоречия.

ФУНКЦИИ АНТИЧНО-БИБЛЕЙСКИХ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ ЛУКАЧА «ИСПОВЕДЬ»

В своём дебютном сборнике «Исповедь» (1922) словацкий поэт Эмиль Болеслав Лукач (1900–1979) выразил пессимистические настроения, созвучные 20-м гг. XX в. Характер этого сборника значительно отличается от традиционной словацкой поэзии, к которой привык читатель. Многие исследователи отмечают несомненное тяготение раннего Лукача к поэтике символистов с тенденцией к декадентству.

В голосе лирического героя угадывается авторская позиция — философский взгляд на противоречивость жизненных явлений, мироздания в целом. Реальности противостоит недостижимый философско-эстетический идеал поэта. Результатом этого противостояния является своеобразный характер лирического героя, который выступает в роли страдальца-отшельника. Настроение «космической тоски» становится ключевым, уступая в финале книги мотиву надежды и просветления.

В сборнике «Исповедь» прослеживается явная символистская манера письма автора. Лукач был поэтом, ориентированным на европейскую культуру, его интересовала поэзия венгерских, французских, немецких, чешских представителей символизма. Поиски родственных «импульсов» в чужих культурах и их адаптация на словацкой почве отвечали концепции «открытия мира», которая была типичной для искусства того времени и особенно актуальна для вновь образованной Чехословацкой республики (1918). Кроме всего прочего, Лукач был «европейцем» в плане выбора символов. Интересен тот факт, что его не интересовали народные образы, вот почему в сборнике «Исповедь» мы не встретим ни одного символа фольклорного типа. В то же время его поэзия изобилует символикой, уходящей своими корнями глубоко в европейскую культурную традицию. Речь идёт прежде всего о двух важнейших источниках — Библии и античной мифологии.

Помимо этих двух «опор», в построении символистских образов Лукач неоднократно прибегает к средневековым мотивам (сказки, легенды), к символике Модерна.

В «Исповеди» символы построены так, что исходная ситуация лирического субъекта относится к конкретной фигуре, которая, в свою очередь, в коллективном сознании читателей ассоциируется с неким архетипом, причём лирический субъект должен с ним отождествляться. Таким образом, формируются символические фигуры, образы и целые поэтические картины, закреплённые за определённым архетипом (например: Лазарь — бедный, Эфиальт — вероломный...).

В «Исповеди» наблюдается идентификация субъекта и символа в памяти читающих. Типичным для этого сборника является смешение символов из разных источников. Например, христианского Лазаря автор наделяет бронёй Ганимеда (стих. «Лазарь говорит»), в одной деревне живут Лазарь и Ниобы (в одноимённом стихотворении). При этом в стихе открывается и символика модернистов: традиционные для них цветы (яблоневый цветок, гиацинт, хризантема), материалы (драпировка гроба, шёлк), камни (изумруд травы), деревья (тополь, сосна) и цветовая гамма (белая, чёрная, красная).

Библейский сюжет положен в основу стихотворения «Печаль Агасфера». Фигуру вечного странника Агасфера можно наблюдать в сюжетах европейской литературы и живописи. У Лукача существенную роль в данном стихотворении играет поэтический приём анафоры. Каждая строка начинается со слов «Кого-то» и повторяется 25 раз, что усиливает эмоциональное восприятие и по форме напоминает молитву-исповедь. Неприкаянный странник Агасфер, блуждая по миру, ждёт встретить кого-то, кто бы был сильнее, добрее и могущественнее человека: «Кого-то я жду, перед кем бы я мог плакать как неразумное дитя»¹. Образ Агасфера символичен, в нём угадывается оставленный Богом человек — современник поэта.

Декадентской символикой наполнено стихотворение «Печаль римского поэта во времена упадка» (С. 30). Мотив упадка вторгается в канву лирического повествования уже в первой строфе: «... в кругу

¹ *Lukáč E. B. Živly a dielo. Bratislava, 1970. S. 33.* Далее стихотворения Э. Б. Лукача цитируются по этому изданию, страницы указаны в тексте в скобках.

развалин, пустой перистиль». Настроение грусти нарастает ко второй строфе: показана картина захода солнца. Закат точно отражает ситуацию: разрушение Империи и нашествие варваров: «Всё в руинах. Наступила вакханалия... / Только шайка варваров бродит по форумам, / я поэт римский здесь на старых сижу развалинах...». Образ заката и руин невольно отсылает нас к современности: поэт-медиум проводит явные исторические параллели с упадническими настроениями XX в., с типичным для него хаосом и брожением умов. Отсюда и символический образ «руинного» заката: «Тишина, грустью дышат окаменевшие Помпеи». Замкнутость лирическому пространству придаёт кольцевая композиция, что усиливает безнадежное положение героя.

В стихотворении «Эфиальт» (С. 38) отобразено античное предание о вероломном предателе. Здесь мы наблюдаем переосмысление образа Эфиальта-изменника: сам эмоциональный тон указывает нам на явную симпатию автора к герою: «Сейчас на западе брожу, / отступник Ориента, а в душе красным огнём / горит у меня: “Не увижу тебя”». В голосе лирического персонажа звучит раскаяние в содеянном, он страдает из-за своего предательства и испытывает муки совести. В последней строфе звучит мотив надежды на прощение и возвращение героя в родные края. В этом заключается новаторское понимание Лукачем античного образа Эфиальта, который вошёл в историю как архетип вероломного и корыстолюбивого человека-предателя: «О, а вдруг исчезнет измена, и сердца грязь также. / В родные края / вернётся Эфиальт!»

В сборнике нередко встречаются древнегреческие образы. Например, «О, греческий маленький мальчик» (речь идёт об Эроте), в стихотворении «Настроение в поезде» упоминается Афродита, в «Будущем-реке» — амфора. Но в книге немало и библейских образов: Магдалена, Мадонна, Лазарь, Христос, Агасфер, Каин...

Таким образом, можно сделать вывод о функциях античных и библейских образов в контексте первого сборника «Исповедь». Во-первых, Лукач по призванию был священнослужителем, и Библия для поэта — ключевой источник вдохновения. Слово предостерегая людей от ошибок предшествующих поколений, поэт напоминает нам о «стигмах Каина» («Дети Каина», с. 19). Стихотворение прочитывается как предупреждение: «Нашим отцом был Каин, мы из кости его кости». «Мы жалостливы, мрачны, чудовищное

бремя / тянет нас к земле». Рефреном стихотворения, усиливающим трагичность положения людей, являются слова: «Мы отверженные. На лбу у нас стигма Каина...». Но человек пока не понял до конца своего безотрадного положения, он ещё далёк от раскаяния. С горечью читаем в последней строфе: «Хотя рука всемогущая нас каждый день порицает, / наши литургии — это сатанинские оргии...». В последней строчке стихотворения, замыкающей кольцевую композицию, автор с горькой иронией заключает: «Мы скитаемся как отец Каин, великий патриарх».

Во-вторых, Лукач понимал символ как пространство для сближения корней европейской культуры (Античность, Библия) с его новорождёнными «отпрысками» (Модерн), а также с фольклором (сказка), со средневековыми легендами. Множество символов, переплетённых в одно целое и образующих единый образ в стихах «Исповеди» доказывают эту мысль. Это объясняет тот факт, почему поэт, вопреки стремлению связать своё творчество с модернистским, в большей степени тяготел к традиции.

Таким образом, Лукач, сближая библейско-античные пласты с современной проблематикой, реализует тем самым идею преемственности поколений, так называемое «колесо времён»: история человечества обречена на вечную круговую поруку — всё повторяется: и предательства, и страдания, и жертвенность, и любовь... Добро и зло всегда идут рука об руку с человеком. Обращение к античной мифологии и библейским преданиям позволяет автору выстроить незримую «вертикаль»: это не только связь поколений, эпох (другими словами, связь земного с земным), но и прикосновение к великому таинству, это связь земного с небесным.

ТРИ ЖЕНСКИХ ЛИКА СОВРЕМЕННОЙ СЛОВЕНСКОЙ ПОЭЗИИ (БАРБАРА КОРУН, СТАНКА ХРАСТЕЛЬ, КАТЯ ПЕРАТ)

В настоящем докладе я хотел бы коснуться современной словенской поэзии, опираясь на творчество трёх наиболее ярких словенских поэтесс, которые принадлежат к трём различным поколениям: Барбары Корун (род. в 1963), Станки Храстель (род. в 1975) и Кати Перат (род. в 1986). Выявление своеобразия в тематике, средствах поэтического воплощения указанных авторов, так же как наличия (или отсутствия) «красной нити», общей для их творчества, и есть главная цель нашего доклада.

Почему собственно я выбрал именно этих поэтесс, ведь в Словении достаточно много ярких и талантливых поэтических творцов-женщин? Основанием для моего выбора послужило частое появление названных авторов в СМИ и тот факт, что своим творчеством они как бы маркируют отечественное литературное пространство. О них много писали, и, конечно, они стали лауреатами признанных литературных премий. Барбара Корун получила, например, премию Вероники Десеницкой за лучший поэтический сборник под названием «Скоро приду» / «Pridem takoj» (2011) и премию за лучший литературный дебют: «Острота нежности» / «Ostrina miline» (1999). Станка Храстель стала обладательницей премии за лучший литературный дебют: «Низкие тона» / «Nizki toni» (2005). И Катя Перат завоевала премию за лучший литературный дебют: «Лучшие пали» / «Najboljši so padli» (2011). Конечно, премии сами по себе не являются гарантией бесспорного качества опубликованных поэтических сборников, но всё-таки сразу же побуждают читателя взять сборник лауреата в руки и самому его оценить.

Как читатель, я попытаюсь самостоятельно оценить три последних поэтических сборника вышеназванных поэтесс: «Скоро приду» (2011) Барбары Корун, «Уважаемый, у нас что-то есть для Вас» / «Gospod, nekaj imamo za vas» (2008) Станки Храстель и «Лучшие пали» (2011) Кати Перат.

Название поэтического сборника «Скоро приду» Барбары Корун¹ напоминает записку, оставленную на двери, за которой в настоящий момент нет нужного человека, и намекает на изменения в концепции автора, который на протяжении всего сборника отстывает перед голосами других и хочет, чтобы у читателя сложилось впечатление, что за его словами стоит кто-то иной. Вместе с тем сборник состоит из трёх весьма неоднородных частей, функционирующих в содержательном плане как законченное, согласованное целое.

Лирика Барбары Корун очень личная, страстная и эротичная, но одновременно она наполнена размышлениями, зачастую касающимися основополагающих вопросов бытия. В её разделённом на три цикла сборнике, которые я хотел бы кратко представить, лирический субъект, поначалу от нас далёкий, через стихи всё больше и больше раскрывает собственный интимный мир, оказываясь с ним один на один.

Стихотворения первого цикла действительно представляют собой то, что обозначено в названии — «Неоконченные пейзажи». Эта часть включает в себя описание различных ландшафтов, которым присуща незаконченность, ведь ландшафты человеческого мира невозможно полноценно описать при помощи анатомического вскрытия. Для этого здесь и задействован читатель, чтобы закончить выхваченные куски описаний или внутренних переживаний по-своему.

Среди пейзажей мы находим наполненные нежной эротикой любовные стихотворения, в которых сплетение мыслей, тел, слияние в единое целое облечены в возвышенный ритм гимнов, благодаря силе слов телесность становится возвышенной, а тесная интимная связь получает вселенскую безграничность: «Это / звёздное молоко, капающее по жёлобу /... / это скрип вселенской пыли. / ... / межгалактическое пространство свистит. Космос». Истории из слов перетекают прямо в пространство или, если использовать

---

¹ Краткая справка: эта поэтесса заявила о себе в словенской поэзии более десятилетия назад сборником «Острота нежности». Несколько лет назад она сменила работу в школе на театральные кулисы, в этом же году решила на самостоятельное литературное плавание. Наградой за отвагу стал выход поэтического сборника «Приду сразу» (культурно-художественное общество «Апокалипсис»), завоевавшего в Целле премию Вероники Десеницкой.

слова поэтессы, «в тишину, беспокойную и густую, в тишину, движущуюся, плачущую, мяукающую, визжащую, в тишину после конца».

Средняя часть поэтического сборника, «Монологи», наиболее непосредственна и выразительна. Здесь поэтесса во время своего отсутствия разрешает говорить другим героям, «со-найденным» в истории человечества. Можно сослаться, например, на Герту Мюллер, упомянутую Барбарой Корун в начале сборника как бы для напоминания, что пространство поэзии всегда открыто и существует в нескольких измерениях. Оно многозначно и не может быть законченным. Герои в нём со-найжены, т. е. найдены и заново созданы.

Рамки цикла обозначены и введены стихотворением «Женщина без имени», где представлена жена Ноя, говорящая от имени всех женщин. В этом цикле появляется также Елизавета I (мысль о конечности красоты и роскоши, сознаваемая даже такой возвышенной и неприкасаемой личностью), Моника Левински (здесь в стихах сквозит насмешка, их можно воспринимать как шуточное подтрунивание, однако за слоем иронии мы узнаём американскую мечту о великих свершениях и осуществлении глубочайшего желания быть известным и «рождённым для великих дел»); полны иронией также два монолога, переходящие в интимно-исповедальный диалог любовников — Штефана Петцнера и Йорга Хайдера (мысль о красоте возлюбленного ещё более подчёркивается интертекстуальной переключкой со строками из сонетов Прешерна — поэтесса сама указывает на параллели с судьбоносной встречей Прешерна с Юлией Примец, однако вкладывает эти слова в уста противников словенского меньшинства в Корошке, т. е. в Каринтии). Ближе к концу она позволяет заговорить и себе, однако свой монолог скрывает за сообщением Общества словенских писателей в Сараеве, вместе с тем размышляя об ответственности поэтов по отношению к языку, а также о последствиях написанного.

Третий цикл составляют осколки вечной истории об *Антигоне*. Тонкие стихи, по строению своему являющиеся также монологами, выстроены на символах, взятых из природы, однако их пронизывает страх и покорность судьбе и смерти. Для них характерен чистый и успокоенный слог, при помощи которого поэтесса приближается к медитации.

В этой части отражаются и через стихи просеиваются фрагменты древней, но всё ещё пленительной истории из *никогда не уходящего* прошлого. Антигона воплощает в себе всё ещё актуальную тему этики, что также подтверждается стихотворением «День синее, когда уходит», где наиболее непосредственно звучит общественно-критическое начало. Хор раскрывает недоверие людей к своим руководителям и заявляет о критическом отношении к пошлой и пустой потребительской «культуре», когда «люди в экстазе покупают покупают / покупают / сами больше не зная что и зачем / больше купив более опустошаются / и пустота требует всё больше и больше», таким образом призывая современного читателя поразмыслить о том, что нынешняя парадигма мирового стяжательства для человечества губительна.

Вместе с тем в этой части поэтесса разрабатывает и другие темы. Так, например, в цикле мы можем проследить исповедь *Эвридики на смерть Гемона* — из её слов веет материнским неистовством и гордым женским противлением патриархальному миру. Это нежная и свежая любовная песня, несущая эротический заряд. Таково же и стихотворение любовно-эротического характера «Двое раздеваются», смысл которого заключается во фразе «Другого можешь в целостности воспринять лишь “голым”».

Из вышесказанного можно заключить, что общественно-критическое начало сливается у поэтессы с тонким эфиром личного мира, в её пронизанной любовью и эротикой поэзии присутствует ирония и банальность. И всё это вместе она невозмутимо со-выстраивает на протяжении всего поэтического сборника.

Перевод со словенского Ю. А. Созиной

ОБРАЗ ГОЛОДА В МАКЕДОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в. **(на материале повести Луана Старовы «Время коз»¹)**

Среди основных гуманитарных катастроф, обрушивающихся на человечество, П. Сорокин, наряду с войнами, революциями и эпидемиями, называет и голод². Голод, преследующий человечество с момента его появления, стал важнейшим фактором формирования природы человека. Его можно рассматривать, прежде всего, как проявление физиологии нашего тела, начинающей играть доминирующую роль в экстремальных ситуациях. Внезапно оказывается, что всегда подавлявшееся телесное и физиологическое способно стать грозной, неконтролируемой силой, подчинив себе человеческую личность целиком. Голод обладает властью, деформирующей духовное начало в человеке³.

Голод имеет двойственную природу. Тело порождает голод и им же уничтожается. Вероятно, из-за данной амбивалентности и отсутствия чёткой границы между голодом как пожиранием (неотъемлемая часть каждодневной жизни нашего тела) и голодом пожирающим (ситуация экстремальная, уничтожающая наше тело), а также из-за практической невозможности уловить, когда количество переходит в новое качество, категория голода остаётся маргинальным явлением в культуре. Свою роль, возможно, сыграли, кроме того, присущие явлению голода исключительное эстетическое безобразие и мучительность.

Голод, как явление, меняющее физический и духовный облик человека, рассматривался преимущественно в литературе модернизма («Голод», 1890, К. Гамсуна и «Фунты лиха в Париже и в Лондоне», 1933, Дж. Оруэлла). А осознание того, что тело — это фактически единственное, что у человека есть, на фоне разрушения в XX в. всех личных связей, умственных и душевных,

---

¹ *Старова Л.* Времето на козите. Скопје, 2001.

² *Сорокин П.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003. С. V.

³ См.: Там же. С. 210; Sharman Apt Russell. *Głód. Historia nienaturalna.* Warszawa, 2011. S. 153.

характеризует современный тип художественного сознания, прежде всего западного⁴. Детально описанные физиологические ощущения при длительном голодании и неуклонное нравственное падение, находящееся в прямой связи с физиологией, — вот основные особенности восприятия голода в этих произведениях.

По-другому интерпретируется явление голода в македонской литературе XX столетия. В качестве анализируемого материала была выбрана повесть Луана Старовы «Время коз» («Времето на козите», 1993) из цикла «Балканская сага». Македонская литература интерпретирует явление голода весьма целомудренно. В прозе Старовы нет места для ярких физиологических описаний. Для него голод является ключом к выходу в сакральное духовное пространство, к избавлению от абсолютной власти физиологии. Голод — это не просто страдание, это урок, который может быть усвоен или нет. Голод — это метафора трансформации человека, его духовных изменений. Л. Старова, сам перенёсший муки хронического голодания, сумел в своих произведениях дистанцироваться от интимности этого переживания и обобщить его в категориях духовного опыта.

В центре цикла «Балканской саги» находится драматичная история албанского семейства «без корней», начало которой теряется в «глубинах» времён Османской империи, а настоящее замкнуто в «коммунистическом», «янычарском» времени и пространстве.

На первый взгляд, кажется, что автор воспринимает дом и семью как единственные стабильные понятия в балканском хронотопе, чаще всего характеризуемом в книгах Старовы как «проклятый лабиринт».

Однако семантика исключительности, единства, неразрывной зависимости, связи друг с другом как главных черт семьи претворяется в герметизм, замкнутость, противопоставление себя всему окружающему миру, который вполне однозначно характеризуется как окруживший со всех сторон, угрожающий и готовый нанести очередной удар. Образ семьи-дома, представленный в народной картине мира как идиллический, деформируется за счёт введения черт, относящихся к семантическому полюсу смерти. Дом в повестях Л. Старовы — закрытое пространство, куда пытаются проникнуть

---

⁴ Гачев Г. Д. Тело в языке и коммуникации // Телесный код в славянских культурах. М., 2005. С. 6.

голод, смерть, многочисленные несчастья, причём смерть персонифицируется.

Посредством этого персонифицированного образа два семантически связанные понятия — смерть и голод — сливаются воедино. «Голод» становится явлением экзистенциальным, онтологическим. Смерть/голод в повести Л. Старовой — это и неотъемлемая часть *жизни* семьи, её внутренняя характеристика, причина возникновения «проклятого замкнутого круга» вечных физических и метафизических скитаний семейства. Противопоставляется образу смерти/голода образ коз, коррелирующий, с одной стороны, с балканскими матерями, а с другой стороны, с образом голодных, городских/накормленных, деревенских детей. Козы, по мысли Л. Старовой, принадлежат к балканскому надысторическому, сакральному пространству и времени, козы — это единственное постоянное, что есть на Балканах. Козы наделены особой святостью, как и балканские матери: они «святые», они «защитницы» семейства. Эта святость соединяет духовное и физическое начало.

Козы — воплощение языческого, божественного, телесного, физиологического, витального, это сама жизнь и её источник. Это такая телесность, которая полностью реализуется лишь в сочетании с духом, а дух олицетворяют во «Времени коз» именно дети. Согласно мысли Л. Старовой, в балканском культурном контексте дух и тело не могут разделяться, дух без тела также обречён на исчезновение, как и тело без духа. Дух и плоть — категории связанные и взаимопроникающие.

Посредством коз категория телесности появляется в образе детей. Благодаря козам они не только оказываются спасёнными от голода, но и привязанными к жизни физически, плотски. Л. Старова утверждает существование рая на земле — это духовное, метафизическое (и в то же время очень плотское, физическое) пространство детства, откуда изгнаны смерть и голод и которое создано козами-кормилицами.

При утрате связи с козами (после исчезновения коз вместе с пастухом Чангой) дети начинают быстро терять приобретённую связь с физической жизнью и возвращаются в состояние «недокормленности», голодания, что в тексте выражается описанием их слабости, бледности.

Однако с самого начала козы вступают в противостояние с новой властью, коммунистической партией. Коза, как дьявол, «князь мира сего», соблазняющая слабых детей плотским, сытым, живым раем, привязывающая дух человека к его плоти, препятствует прогрессу и воцарению истинного, партийного рая на земле. Партия стремится отделить детей (людей) от коз, как стремится отделить дух от тела.

В этом контексте партийный лозунг «Смерть козам, свобода народу!» может быть интерпретирован как стремление партии избавить («освободить») людей от неконтролируемого телесного, витального начала, железной рукой загнать их в иной рай на земле — рай коммунистический, рай машин и счастливого будущего. В этом раю нет голода по причине отсутствия в нём телесности, но, однако, нет места и для живой жизни и старых (устаревших, вражеских) традиций.

Противостояние коз и коммунистических «янычаров», волков, заканчивается победой партии. Мотив звериного и животного начала в людях, появившийся в образе главных героев с исчезновением коз, получает логическое завершение в их поступках и словах: «Принесённые в жертву пусть останутся принесёнными в жертву. Что мы можем?» («Жртвуваните нека останат жртвувани. Што можеме?»)⁵

Торжествует партийная политика разделения, сложения с себя личной ответственности, воплощение «волчьего времени» по принципу «человек человеку волк» и «каждый сам за себя». Тем более знаменательными становятся эти слова, что их произносит мать — хранительница и защитница семьи и жизни. Урок голода и коз остался неувоенным, и герои продолжают своё путешествие по балканскому лабиринту.

---

⁵ *Старова Л.* Времето на козите... С. 157.

*Сальникова Евгения
(ГАСК, аспирантка)*

СЛАВЯНСКОЕ ИСКУССТВО НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «АПОЛЛОН» в 1909–1917 гг.

Проблема духовного состояния современного российского общества чрезвычайно актуальна для сегодняшнего положения как в русской, так и в славянской общности в целом. В период общественно-культурного подъёма начала XX в., когда славянские культуры выходили на новый уровень своего развития, ещё более оживилась культурная деятельность в таких крупных городах, как Прага, Краков, Львов. Обращение к малоизвестным оригинальным материалам рубежа XIX–XX вв. позволяет осветить важные проблемы той эпохи, когда культура играла существенную роль в раскрепощении славянских народов, подчёркивая их историко-культурную значимость в европейском культурном развитии.

Передовые тенденции и общий подъём в развитии славянских культур в девятисотые годы отражались во многих художественно-критических изданиях начала XX столетия, в том числе и в петербургском журнале «Аполлон» (1909–1917). Главной темой «славянских» страниц «Аполлона» была идея единения всех славянских народов на почве искусства. Практическим её воплощением стал Съезд деятелей славянских культур в моравском городе Пршерове. Характерным символом этого союза культур мыслилась грандиозная художественная выставка. По предложению художника Леона Ковальского репетиция «Польско-чешско-моравской» выставки прошла в Киеве, а повторение её в Кракове обещало превратить данный город в столицу славянского искусства.

Это смелое начинание ставило перед собой следующие задачи: а) достойно отпраздновать 500-летие Грюнвальдской битвы (1410); б) доказать жизнеспособность славянского искусства; в) дать возможность словацким мастерам, находящимся под покровительством венгров, выставляться самостоятельно; г) положить конец разобщённости славянских народов вне пределов России.

В программу «Аполлона» входила задача по определению места и значения славян в мировой художественной культуре и в современном искусстве. В славянских странах «новое искусство», безусловно заимствовавшее многое в технике и взглядах на искусство у Запада, всё-таки успело проявить известную самобытность, в силу чего живопись России, Польши и Чехии, по словам художника Г. Лукомского, превращалась в серьёзного конкурента на международных «смотрях» искусства. Работы славянских художников было востребованным уже не только на родине, но и за границей¹.

В поддержку данной темы особо следует упомянуть о Мюнхенской международной выставке 1909 г. Не желавшие обозначать «славянскую физиономию империи», австрийцы попытались растворить славянские работы в общей интернациональной массе. Однако художники Праги, Львова и Кракова привлекли на выставке больше внимания, чем все известные венские «сецессионисты» вместе взятые². Так почему бы после этого художественному центру не переместиться в другое место, например, в Прагу? Этот передовой пост славянства на Западе, по мысли Г. Лукомского, должен превратиться для славянского искусства в то, чем для германского и западного искусства тогда являлся Мюнхен.

На страницах «Аполлона» была представлена развёрнутая характеристика чешской и польской художественной культуры, а также выделившегося из её недр моравского искусства; были предприняты попытки проследить эволюцию славянского искусства, его взаимоотношения с новыми западными художественными

---

¹ Например, работы Л. Вычулковского были признаны за рубежом одними из самых замечательных образцов пленэра, достойных Моне. Повсеместно высоко были оценены татрские пейзажи польского художника С. Филипкевича. Работы его соотечественницы О. Бознанской, отмеченные высшими наградами в Париже, Лондоне и других культурных центрах искусства, получили доступ в Люксембург. На VIII Международной выставке в Венеции было отмечено искусство поляков В. Яроцкого и Ф. Паутча. В Дрездене выставка картин К. Сихульского из Львова пользовалась невероятным успехом. Ю. Фалат, один из первых в Польше пленэристов, прожил два года за границей в качестве придворного живописца Вильгельма II.

² Конечно, если не считать Г. Климта, среди последователей которого было немало славян.

направлениями и, в итоге, возвращение к своим национальным идеалам. Период импрессионизма к этому времени уже завершился, и славяне вступили на путь поисков новых художественных форм.

Какие же проблемы славянского искусства рассматривались на страницах «Аполлона»? Чешский корреспондент «Аполлона», художник М. Йиранек существенной проблемой чешской культуры называл *отсутствие традиции*, благодаря чему в Чехии пострадала, главным образом, живопись. Её развитие, по его словам, нельзя считать ни естественным, ни логичным, а одинокие искатели, впервые соприкоснувшиеся в 1860-х гг. с французской школой и могущие стать вождями чешской живописи, остались непонятыми в своей стране³. Неуклонно продвигались вперёд лишь чешские пейзажисты, среди которых имелось несколько крупных мастеров с яркой индивидуальностью. В области же поисков национального типа «мнящим себя очень передовыми» чехам, по мнению известного мецената и теоретика В. Риттера, следует многому поучиться у русских и поляков, уяснивших для себя собственные национальные черты.

Особую ценность представляют попытки прослеживания эволюции чешского искусства. В своих докладах профессор Ф. Таборский чётко обрисовал историческую платформу развития чешской художественной культуры и подчёркивал особую роль в ней начавшегося в стране после 1848 г. возрождения. Он воздал должное искусству И. Манеса, имя которого стало символом художественного возрождения Чехии, а также останавливался на творчестве других чешских мастеров культуры: Й. Мыслбека, М. Алеши, Г. Швайгера и Й. Упрки, предвестников истинного расцвета национального искусства конца XIX столетия. Ф. Таборский напомнил об огромном значении журнала «Свободные направления», который организовал ряд выставок, высоко поднявших уровень художественных знаний и общественных вкусов, а также отметил высокий профессионализм художественных оформителей чешской книги.

Большой интерес вызывает и опубликованная в № 9 журнала «Аполлон» за 1910 г. статья С. Вержбицкого «Современная польская

---

³ Например, творчество трагически погибшего А. Славичека не было принято ни обществом, ни критикой. Размах его деятельности последних лет обещал дать художественные произведения большого стиля, какого в Чехии не наблюдалось.

живопись»⁴. В ней устанавливается связь зарождения великого польского национального искусства с неудачным восстанием поляков против иноземного гнёта в 1863 г. Дав исчерпывающую характеристику «свободному, величественному и освобождающему» польскому искусству, С. Вержбицкий подчёркивал его философское, глубоко народное, религиозное содержание и исповедальный характер. Польские художники, по его мысли, создали особую расу людей, отмеченных печатью какого-то рокового трагизма. Польская живопись характеризуется глубоким проникновением в душу природы, превосходным знанием жизни польской деревни. Это — род живописной мистики, символическая живопись, повседневность, превращённая в вечность. Необходимое условие её понимания заключается в осмыслении зрителем всего духовного процесса, который предшествовал созданию картины. По его словам, польское искусство, испытав благотворное влияние западноевропейской художественно-технической, всё более сосредоточивается в родной земле. За границу художники едут только для расширения своего образования, но уже не ищут там новых принципов — они учатся дома. В это же время Ю. Фалат, директор Краковской академии изящных искусств, обновляет состав её профессоров, главным образом, учениками Я. Матейки⁵. Среди них — С. Выспяньский, Ю. Мехоффер, Я. Станиславский, Л. Вычулковский, Т. Аксентович, Й. Панкевич, Ф. Рушиц, Я. Мальчевский. В дальнейшем в польском искусстве начинает проявляться всё более сильное тяготение к народу, что способствует открытию неисчерпаемой сокровищницы народных тем. Под руководством Ю. Верхаловского возникает общество «Polska Sztuka Stosowana» («Польское прикладное искусство»), миссией которого становится введение в искусство польского национального характера. Одновременно блестящий художественный критик С. Виткевич выпускает книгу «Na przeleczu» и впервые заинтересовывает польское общество художественными богатствами народа, живущего в Татрах. Далее появляется выполненная С. Выспяньским в польском народном стиле полихромия собора францисканцев в Кракове, Ю. Мехоффер

---

⁴ Представляет собой перевод с рукописи В. Ходасевича.

⁵ Великий Я. Матейко, возродивший польское искусство и давший ему мощное направление, воскресил чуть ли не всю историю Польши.

расписывает «Сокровищницу» вавельского собора, а В. Тетмайер — часовню св. Софии.

Периодически как в «Аполлоне», так и во многих польских художественных обществах и журналах поднимался вопрос о возможности полного пересмотра значения польского изобразительного искусства. Выдвигалась идея о необходимости создания достойного обзора исторического прошлого, во Львове была устроена большая ретроспективная выставка польских художников (собрание лучших работ первого десятилетия XX в.), ставшая репетицией для польского отдела на всемирной художественной выставке в Риме. Львовская выставка, обещавшая быть выдающейся по своему содержанию, в организационном плане была весьма неудачной. Зрителей разочаровывало отсутствие произведений таких выдающихся польских художников, как С. Выспяньский, Ю. Хелмонский, В. Шимановский. Единственное отрадное впечатление произвели комнаты, отведённые Товариществу польских художников «Sztuka» («Искусство») — детищу выдающегося художника Я. Станиславского, бывшего тогда рупором мыслящей Польши.

Плавному переходу от более строгого и сдержанного чешского изобразительного искусства к более живому и подвижному польскому способствовало появление моравской школы. Эту возникшую в Праге интернациональную школу возглавляли Я. Прейслер и М. Швабинский. Её можно назвать «городской» по сравнению искусством, развивавшимся в самой Моравии, где творили Й. Упрка, В. Ишем и братья Б. и А. Яронек. Местная моравская живопись в смысле своей тематики носила «деревенский» характер и стало почти доминирующей отраслью народной жизни. Небольшая моравская школа при внешней незначительности отличалась огромной жизнеспособностью и представляла искусство глубоко народное и патриотичное. Следует заметить, что наиболее красочными и солнечными произведениями чешское искусство было обязано жившим в Праге художникам моравского происхождения. Моравский край сосредоточился вокруг своей маленькой культурной «столицы» — небольшого городка Годонин. В художественном и выставочном движении в Моравии особая роль принадлежала живописному городку Штрамберку, в котором проходили художественные празднества всего края.

Автор статьи о моравском искусстве В. Риттер считал эту школу исключительно перспективной, поскольку в ней не умерла «преемственность народного художественного чувства». Залог её жизнеспособности заключался не только в количестве и качестве её последователей, но и в энтузиазме поддерживающего её населения⁶. Исходя из этого, В. Риттер отметил тенденцию преодоления разобщённости современного искусства и восприятия его широкими слоями населения.

Связь русской культуры с культурами других славянских стран — связь органичная, обусловленная изначальным единством всех славянских народов. Идея славянской общности и солидарности в разные времена то угасала, то снова возрождалась. Её история сложна, противоречива, но далеко не исчерпана. Проблема знания русскими славянской культуры и взаимного понимания славянами культур друг друга стояла тогда не менее остро, чем сегодня. И деятельность журнала «Аполлон» в деле популяризации в России славянских культур смогла быть по достоинству оценена только спустя столетие.

---

⁶ На штралбургской выставке почти все произведения были распроданы.

ДОСТОЕВСКИЙ В НОВОЙ ГУТЕ. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ ФИЛЬМА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» П. ЗЕЛЕНКИ

Произведения Ф. М. Достоевского экранизировались свыше 180 раз¹. Учитывая статистику киноверсий, можно утверждать, что «Братья Карамазовы» являются вторым по популярности романом русского писателя. На фоне фильмов, снятых по этому произведению, выделяется картина «Карамазовы» («Karamazovi») в постановке Петра Зеленки.

Чешский фильм раскрывает перед глазами зрителя историю актёров из Дейвицкого театра, которые приезжают на заброшенный польский сталелитейный завод, чтобы в рамках конкурса сыграть там пьесу по «Братьям Карамазовым». Таким образом, картина Зеленки касается не только драматических событий самого романа, но и отношений в труппе современных актеров. Кроме того, фрагменты спектакля соединяются в фильме с драмой польского рабочего, потерявшего сына на том самом заводе. «Карамазовы» затрагивают все самые важные для романа Достоевского «проклятые вопросы» — о необходимости и невозможности верить в Бога, о наличии зла в мире, о страданиях невинных детей, о мании отцеубийства.

Особое внимание в докладе уделяется пространству Новой Гуты и её историческому и политическому контексту. Фабричные декорации, где осуществляется авангардная театральная постановка, напоминают ад. Один из героев фильма характеризует Новую Гуту словами: «... (она) должна была стать местом без Бога. Это ещё Сталин выдумал. Но у него не вышло. Случилось полностью наоборот. Люди протестовали, наконец, здесь поставили церковь. Наш Папа её освятил. С работы все шли прямо на мессу». Парадоксальным образом из России, откуда во многие страны Центральной Европы пришёл социализм, приходит и великая литература вроде «Братьев Карамазовых», которые интерпретируются, как протест против этого политического строя и атеизма.

---

¹ Imdb.com, Fyodor Dostoevsky. URL: <http://www.imdb.com/name/nm0234502/> (дата обращения: 11.04.12).

Бредерова Татьяна
(Словакия, аспирантка Ин-та театрального искусства)

**РОССИЯ: ЗАБВЕНИЕ, ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ
(СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ДРАМА: ТРАДИЦИЯ
ПОСТАНОВОК И ПЕРЕВОДОВ В ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ
ПОСЛЕ 1989 г.)**

Интенсивность отношений между русской, чешской и словацкой культурами не всегда одинакова: она часто зависит от нехудожественных (политических) факторов. В своём докладе мы касаемся периода этих связей, начавшегося с «бархатной» революции 1989 г. и продолжающегося по настоящее время. В это время Чехия и Словакия постепенно развернулись в сторону Запада, неуклонное следование советским литературным образцам сменила не менее ортодоксальная ориентация на образцы западные. За два десятилетия после падения коммунистического режима произошло много преобразований, вызывающих противоречивые мнения. Мне хотелось бы ответить на некоторые, возникающие в этой связи вопросы. В какой мере отношение чешской и словацкой культуры к России определяется социальными травмами времён советской оккупации? Должны ли чехи и словаки относиться к России как к преемнице былого режима или снова возвратиться к идее славянской солидарности?

Ответы на эти трудные вопросы не могут быть однозначными, и сейчас они едва ли возможны. Тем не менее рассмотрение состояния традиции постановок современной русской драмы в Чехии и Словакии позволяют ответить на них хотя бы частично. Весьма полезными здесь будут статистические данные о переводах российских пьес на чешский и словацкий языки в 1985–2005 гг., приводимые в кандидатской диссертации Л. Маттовой¹. Они свидетельствует о том, что в журналах, сборниках и выпусках отдельных театров было опубликовано 86 российских пьес и осуществлено 66 спектаклей на двух языках. А за десять лет после «бархатной» революции (1990–1999) было опубликовано всего 17 российских пьес и поставлено 50 спектаклей. Эти цифры

¹ См.: Mattová L. Dramatizmus zmien v prekladani dramatických textov v rokoch 1985–2005. Словакия, 2011.

свидетельствуют о падении у чехов и словаков интереса к русской культуре и сворачивании межкультурных контактов между нашими народами.

Однако в 10-е годы XXI в. обозначилась тенденция к возобновлению прежних интенсивных контактов. В чешских и словацких театрах и театральных аудиториях интерес стал проявляться не только к русской классике, но и к пьесам современных русских драматургов. Последнее очень характерно для наших альтернативных студенческих и студийных театров. Пьесы современных русских авторов подкупают зрителя своей взволнованностью, точным психологическим рисунком, эффектными, экспериментаторскими формами [театра] или современным языком.

Одно из первых знакомств нашей аудитории с новейшим русским сценическим искусством состоялось на международном фестивале театрального искусства в Нитре благодаря участию Санкт-Петербургского государственного молодёжного театра на Фонтанке с пьесой Нины Садур «Месяц волков» (1994). Другим замечательным событием в нашей культуре стали в 2002 г. гастроли Евгения Гришковца, который привёз в Прагу и Пльзень свои моноспектакли «Как я съел собаку» и «Сейчас», имевшими там большой успех. Гостем Международного театрального фестиваля в Нитре в 2002 г. стал режиссёр Кирилл Серебренников (Центр драматургии и режиссуры Алексея Казанцева и Михаила Рощина), поставивший пьесу «Пластилин» Василия Сигарева. В 2004 и 2008 гг. режиссёр Виктор Рыжаков поставил у нас пьесы И. Вырыпаева «Кислород» («Театр.doc») и «Июль» («Практика»).

Важным событием наших межкультурных связей стала реализация проекта «В центре внимания — Россия» («Focus Rusko»), осуществлённого в Братиславе в 2008 г. в рамках фестиваля «Новая драма» / «Nova drama» при личном участии Ольги Мухиной, Максима Курочкина, Юрия Клавдиева и Елены Исаевой. Программа проекта включала в себя проведение семинаров, конференции, мастер-классы «Документальный театр» и «Verbatim» под руководством Е. Исаевой, а также издание в том же году антологии русской драмы, состоящей из пяти современных русских пьес. В январе 2012 г. в пражском театре «Арка» состоялась постановка драмы Е. Исаевой «Двое в твоём доме» («Театр.doc»), несколько раз у гостил у нас и Театр на Таганке.

Современная русская драма — уникальное мировое явление, и традиция её постановок богата как в мире, так и в Чехии и Словакии. Для наших постановок характерны различные интерпретации и подходы, что говорит о разнообразии взглядов режиссёров на современную Россию. С одной стороны, есть постановки, раскрывающие глубины психологии персонажей, последовательно объясняющие мотивы их поступков, а психическим и эмоциональным фоном для показа душевности и пафоса служат Россия и её проблемы. В них можно натолкнуться и на понимание «русской идеи», раскрывающей значение православия (разумеется, в меру понимания последнего чехами и словаками, которые являются либо протестантами, либо католиками), а также на исторический и политический контекст существования русского общества. С другой стороны, нередки и постановки, основу которых составляет гротескный образ России, служивший нам до революции 1989 г. своеобразным щитом против идеологии властей.

В качестве иллюстрации бегло сравним две постановки пьесы Ольги Мухиной «Таня, Таня» в пражском Театре «На Забрадли» и в остравском театре Петра Безруча. Признанный режиссёр Ян Антонин Питински, поставивший данную пьесу в первом из упомянутых театров (премьера — 28.05.1997) пытался передать дух поэтизации пьесы и сюрреалистическую среду. Рецензенты были единодушны в том, что Я. Питински уловил тонкие нюансы конвенций мухинского текста: «Режиссёр смог добиться общего ощущения того, в мире влюблённых превалирует эхо любви»². А критик Яна Сопрова охарактеризовала пьесу как жемчужину мировой драматургии и пошутила по поводу сути славянской души, которая «не привыкла к психоаналитикам, без которых на западе не пошевелят и пальцем, поэтому душа изливается в пьесе из сплетения людских отношений сама по себе, без надзора профессиональных психоаналитиков»³. Комическое в пьесе смешивается с трагическим, режиссёр пытался подчеркнуть неуловимость отношений их абсурдностью и иррациональностью.

Несмотря на явную аполитичность постановки, большинство рецензий на неё не могло избавиться от реплик по поводу советской действительности. Это можно связать с датами

² ERML Richard. Červený západ rudě prosáklý // Divadelní noviny. 14, 2.9.1997. S. 5.

³ Soprova J. Chaos doby, chaos lásky // Večerník. Praha. 4.6.1997.

премьер постановок, отстоящими от «бархатной» революции менее чем на восемь лет. Названия публиковавшихся откликов говорят сами за себя: «Всплески чувств в социалистическом рае», «Красный закат солнца, пронизанный пурпуром» или «На чёрном небе светит ярко тёмная звезда». Такие клишированные слова, как «рай», «красный» или «звезда», несут на себе яркую печать ушедшего политического режима. Премьера пьесы в том же переводе Леоша Сухаржицы 23 января 2009 г. в постановке режиссёра Даниеля Шпинара не оставила равнодушными чешских зрителей в Острове. Полюбившаяся зрителями и критиками труппа театра Петра Безруча известна своей оригинальной гротескной стилизацией, балансированием между комедийностью и сардоническим перехлёстом, конвульсивным минимализмом и огрубленной поэтикой. Русский мир представлен в комедийном ключе, сцена заполнена китчем (искусственные цветы и т.д.). Уже сам буклет играет свою роль в постановке: в нём публикуется подборка дореволюционных (до 1989 г.) анекдотов о реальностях советской и русской жизни.

Эта идея не уникальна: сборник анекдотов в сопровождении грубовато юмористических снимков России был опубликован в буклете к пьесе «Русское лото» Василия Сигарева перед её премьерой в городском театре Кладно (13 марта 2010 г.), а в буклете о постановке той же пьесы в городском театре Злина (30 апреля 2010 г.) дан словарь фраз «наоборот» о том, что нужно знать о России (типа: «Мы ничего не замечали», «Это заразно?» или «Нет горячей воды»). В Острове в Национальном моравско-силезском театре 4 февраля 2011 г. была инсценирована повесть В. Ерофеева «Москва-Петушки». Пьеса имела оригинальную миниафишу, которая, подобно этикетке, была наклеена на бутылку с водкой. Из неё периодически спускавшиеся в зрительный зал актёры угощали зрителей, и мало кто из них ушёл трезвым.

Все упомянутые театры, которые у нас называют «каменными», являются постоянно действующими. И весь парадокс заключается в том, что поэтика современной русской драмы находит гораздо лучшее понимание в театрах «временных», т. е. альтернативных и студенческих. До марта 2012 г. из 59 постановок современных русских пьес в Словакии и Чехии стационарным театрам принадлежит только 28 (в том числе по одной в Национальном

театре в Праге и в Словацком национальном театре), 17 — театрам альтернативным или недавним выпускникам театральных школ и 11 — театрам студенческим (которых всего два — в Праге и Братиславе). Список замыкают три сценические читки. Первые в истории постановки таких авторов, как Василий Сигарев («Чёрное Молоко», 2003) и Александр Слаповский («Гвоздь», 2003), были осуществлены на учебной сцене Института театрального искусства в Братиславе.

О том, что наибольшее тяготение к современной русской драматургии у нас испытывают молодые театральные творцы и студенты свидетельствует факт появления в Праге «Мухи» — труппы, ведущей своё название от одноимённой пьесы Ольги Мухиной. Эта труппа состоит из выпускников пражской Академии театрального искусства и была сформирована в 2005 г. на базе курса известного режиссёра и актёра Мирослава Крота. Коллектив занимается постановками современных пьес исключительно в форме чешских или мировых премьер. Выбор данного названия свидетельствует о чувстве уважения и почтения к современной русской драматургии. В этой связи напомним об одном интересном высказывании В. Сигарева, прозвучавшем во время его визита в Прагу. Оно касалось постановок двух его пьес: «Чёрного Молока» в Национальном театре и «Пластилина» в студенческом DISK-театре (режиссёр Мариан Амслер). Первый спектакль В. Сигарев наотрез отказался комментировать и назвал его «скучным», а в отношении второго высказался положительно, что в устах столь строгого критика собственных пьес можно считать большой похвалой.

Приведённые нами данные не дают сделать окончательные выводы, но факт остаётся фактом: первенство в постановке современных русских пьес как в количественном, так и в качественном отношении принадлежит труппам студентов или молодых актёров. Видимо, данные пьесы более эффективно говорят молодёжи о мире и проблемах благодаря привычным для неё средствам выражения и большему простору для экспериментов с формой. Важно также отметить, что эта молодёжь не пережила советскую оккупацию и, следовательно, подходит к пьесам абсолютно непредвзято. Но пьесы современных русских авторов ставятся и в наших «каменных» театрах, причём их постановки, как правило, имеют гротескную интерпретацию. Последнее

позволяет заключить, что такие постановки по-прежнему несут в себе элементы «посттравматического синдрома»: борьбы с уже несуществующей советской оккупацией.

Перевод со словацкого И. И. Калиганова

Осипова Елена
(аспирантка ИМЛИ РАН)

КОСОВСКИЙ МИФ В СЕРБСКОЙ ТРАДИЦИИ

*Со дна сквозь толщу затонувших лет
исконные звонят колокола
(Момчило Настасиевич)*

Интерес к балканскому вопросу вообще и к теме сербской национальной традиции, в частности, неизменно присутствовавший в русском обществе, с особой силой проявился в наше переломное время на рубеже веков и тысячелетий, когда самым естественным и органичным образом ожили старые, исконные связи, благодаря чему многие люди у нас в стране, по сути, заново открыли для себя Сербию. Для необходимого осмысления места и значения сербской традиции и культуры в общеславянском и европейском контексте следует обратить пристальное внимание на основополагающие идеи и понятия, составляющие сущность сербского национального естества. Современный сербский философ Желько Познанович в работе «Сербская идея» подробно рассматривает архетипические особенности сербского менталитета и делает в связи с этим следующий вывод: «Коллективным бессознательным сербского народа является его христианское мироощущение. Герои сербского народа — это христианские герои, православные воины и мученики. Единственный сербский миф — это косовский святолазаревский миф, в основе коего лежат исторические и метаисторические христианские истины. Если не считать легенду о Граале, это единственный христианский миф вообще».

Используя устойчивое словосочетание «косовский миф», отметим, что само сербское слово *мит* по значению шире русского аналога и может быть переведено как «легенда», «предание». Не случайно, по мнению А. Ф. Лосева, миф — это особая форма выражения сознания и чувств: «Миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряжённая реальность. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность».

Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни, далёкая от всякой случайности и произвола».

Косово стало важнейшим духовным символом для всех сербов и являлось таковым на протяжении столетий. Поэтому для постижения основ менталитета сербского народа, для понимания стержневой составляющей его народной психологии следует обратиться к самим истокам косовского мифа. Он связан с судьбоносным событием сербской средневековой истории — знаменитой битвой на Косовом поле 15/28 июня 1389 г., в которой сербское войско под предводительством князя Лазаря встретилось с огромной армией турецкого султана Мурада. Основным источником сведений об этих событиях являются для сербов не летописные хроники, но прежде всего народное предание и сербские эпические песни косовского цикла. Несмотря на то что князь Лазарь не был господином всех сербских земель и даже не принадлежал к династии Неманичей, народные песни именуют его царём. По свидетельству сербской эпической песни «Гибель царства сербского», накануне битвы князю было видение: Господь предложил ему на выбор победу в бою и «краткое царствие земное» или мученическую смерть и Царствие Небесное. Окончательному выбору князя Лазаря в этой эпической песне предшествует знаменитый драматический монолог князя, определивший сербский исторический выбор на все времена:

*Милый Боже, как же поступить мне
И к какому прилепиться царству?
Изберу ли Царство Небесное,
Изберу ли царствие земное?
Если нынче выберу я царство,
Выберу я царствие земное, —
Краткое есть царствие земное,
Небесное ж Царство будет вечно.*

Перед битвой всё войско князя Лазаря причастилось в белой церкви Самодрже и отправилось в бой, чтобы умереть «за Крест честной и свободу златую». По замечанию исследователей, «свою великую жертву князь Лазарь приносит с мечом в руке, на поле, политом не столько сербской, сколько турецкой кровью...». Князь Лазарь дорог сербскому народному сознанию благодаря своему

судьбоносному и героическому выбору в пользу Царства Небесного и великой косовской жертве, принесённой им за весь род сербский. Показательно, что святитель Николай Сербский, которого сами сербы называют «величайшим сербом XX в.», а также «сербским Златоустом», оценивая подвиг России и царя-мученика Николая II, вступившего за сербов в Первую мировую войну, скажет уже о русской Голгофе: «Ещё один Лазарь и ещё одно Косово!»

В сербском народном сознании Косово непосредственно связано с голгофской жертвой, в этом можно убедиться на основании знаменитой эпической песни «Косовская вечеря», представляющей собой прообраз Тайной вечери Спасителя. Накануне битвы князь Лазарь собрал в своём стольном граде Крушевце витязей и представителей сербской знати. По свидетельству народной песни, место каждого гостя за столом зависит от степени важности персоны: во главе князь Лазарь, по правую руку — его тесть, старый Богдан Юг, и его сыновья — девять братьев Юговичей, а по левую — зять Лазаря, влиятельный и знатный Вук Бранкович, господарь Скопья и Косова, и сербские великаши. Напротив князя Лазаря — его лучший витязь Милош Обилич. Князь приветствует своих гостей и произносит здравицу в их честь, отдавая должное достоинствам каждого из них: выделяет по старшинству старого Богдана Юга, по знатности рода — Вука Бранковича, по красоте — златокудрого и синеокого Ивана Косанчича и, наконец, по доблести (что для сербов важнее всего) — отважного витязя Милоша Обилича, в честь которого и поднимает золотой кубок. В упомянутой народной песне Милош Обилич оказывается оклеветанным: обращаясь к нему, царь Лазарь прославляет его отвагу, но, награждая золотым кубком за верную службу, высказывает при этом сомнение в его дальнейшей преданности и говорит, что во время битвы Милош перейдёт на сторону турецкого султана. Будучи несправедливо обвинённым в измене перед всей сербской знатью, Милош благодарит князя «за его дар, но не за его слова» и даёт перед всеми клятву, что отправится завтра на Косово, чтобы «за веру христианскую погибнуть» и своими руками заколоть турецкого султана Мурада. Продолжая свою речь, Милош говорит князю, что настоящим предателем тот, кто сидит к нему ближе всего, прямо называя тем самым Вука Бранковича. Сербская традиция именует Вука Бранковича главным сербским Иудой, само его имя сделалось

нарицательным (ср. серб. *нови бранковићи*): согласно народному преданию, своевольный Вук предал князя: увёл свой отряд с поля боя, что и предопределило ход битвы, в которой погибло всё сербское войско, а сам царь Лазарь был обезглавлен. Вместе с тем Милош Обилич остаётся верен своей клятве: сражается до конца и поражает мечом султана.

Последние десятилетия показали, что Косово вновь стало средоточием сербской борьбы. Глубинный смысл основного противостояния на земле христианской Европы засвидетельствован сегодня новыми скорбями и новым мужеством православных славян. Через призму Косовской жертвы и Косовского завета сербская традиция рассматривает всю сербскую историю. И оттого столь актуально и значимо звучат для нас известные слова епископа Рашско-Призренского Артемия: «Главное, чтобы Косово не исчезло в сербском сознании. В этом случае вернуть его с Божьей помощью не составит большого труда».

ОБРАЗ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ В НАРОДНОЙ ИКОНЕ

Икона — это живописное, реже рельефное изображение Иисуса Христа, Богоматери, ангелов и святых. Её нельзя считать картиной, в ней воспроизводится не то, что художник имеет перед глазами, а некий прототип, которому он должен следовать.

В докладе мы постараемся проследить смысл, символику и значение образа св. Георгия в памятниках народной иконописи.

В рамках заявленной темы представляется важным понять смысловую и эмоциональную нагрузку, которую несёт для верующих образ св. Георгия. Трактовка икон с ликом св. Георгия неоднозначна: с одной стороны, они должны восприниматься как культовые предметы, находящиеся в лоне русской православной церкви, с другой — эти иконы принимают на себя роль сакрального атрибута в традиционной обрядности, имеющей дохристианские корни.

Прежде чем говорить об образе св. Георгия, попытаемся понять, в чём, собственно, состоит смысл иконы как таковой. По сути, правомерно будет сказать, что первым иконописцем был сам Бог. Он создал человека как свой образ в мире (в греческом переводе — как икону).

Тайну иконы раскрывает такой литургический обряд, как каждение: в храме священник при каждении кланяется и кадит и людям, и иконам. Это два вида образов¹. Следовательно, мы можем считать молитвенное общение верующего и святого общением разных божественных ипостасей, в которой молящийся обращается к святому, как к наставнику и проводнику божественной благодати. Псевдо-Дионисий Ареопагит так говорил об иконе: «Вещи явленные суть воистину иконы вещей незримых»². Икона как предмет раскрывает для верующего сущность божества. Если следовать логике византийских клириков и ритуальной стороны почитания иконы в православных храмах, образы святых можно считать отражением горнего мира, который верующие видят в изображённых

¹ *Алексеев С. В.* Образ, воплотивший Слово. СПб., 1997.

² *Аверинцев С. С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973.

сюжетах и персоналиях, как отблески света на поверхности водной глади. Равно как блик является лишь отражением первозданного света солнца, так и икона представляет образы Спасителя, святых и ангелов, как отражение среза реальности существования иного, более совершенного мира.

Кем же был св. Георгий и с чем связано его почитание? Житие святого не даёт нам точных сведений о месте его рождения. Источники позволяют говорить, что предположительно будущий святой родился в Каппадокии или Лидде в III в. в семье христиан. Детство св. Георгия прошло в Палестине. Обладая развитым умом и огромной физической силой, он посвятил свою молодость военной службе, в которой преуспел. Св. Георгий стал одним из тысячников и любимцем императора Диоклетиана. В возрасте 20 лет св. Георгий пережил смерть матери, а отец святого погиб, когда тот был ещё ребёнком. Поскольку семья Георгия была достаточно состоятельной, после смерти матери он стал обладателем большого наследства. В надежде достичь высокого положения св. Георгий отправился ко двору, но с началом гонения на христиан раздал имущество бедным и объявил себя перед императором христианином. Его арестовали, подвергли пыткам³, но даже после страшных испытаний, святой не отрёкся от своей веры, за что и был приговорён к смерти.

Обратимся к иконографии св. Георгия. Прежде всего следует отметить, что она достаточно разнообразна. Чаще всего святой изображается в облике молодого, одетого в доспех воина, но существует и другая трактовка данного образа. Например, в деисусном чине иконостасов Благовещенского собора Московского Кремля и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры св. Георгий, как и другие подвижники, одет в хитон и плащ киноварного цвета.

В образе воина св. Георгий может изображаться как пешим, так и восседающем на чёрном или белом коне. Так, на иконе 1030 г. из Георгиевского собора Юрьева монастыря Новгорода святой изображён в рост, на золотом фоне. В его правой руке, прижатой к груди, — копьё, а в левой, опущенной, — меч в ножнах (ГТГ).

Среди всех образов великомученика Георгия, пожалуй, самым популярным на Руси было изображение Чуда Георгия о змии. Он же чаще всего изображается на иконах крестьянского письма.

---

³ *Сабин Баринг-Голд*. Мифы и легенды Средневековья. М., 2009. С. 152–178.

Иконография таких образов основана на описании одного из чудес, совершённых св. Георгием. Существует несколько редакций текста Чуда о змии. По одной из них, в г. Лаосии правил царь-язычник Сельвий. Чтобы обратить жителей в христианство, Бог наслал на город дракона, которому горожане вынуждены были отдавать на съедение своих детей. Однажды пришла очередь принесения в жертву дочери самого царя. Воин Георгий, проезжавший мимо озера, где жертва дракона дожидалась своего смертного часа, призвал девушку уверовать в Христа, и молитвой укротил дракона, дабы показать силу своей веры. После молитвы святого царевна отвела змея в город, обвязав его шею своим поясом. Увидев подобное чудо, горожане согласились принять новую веру, после чего Георгий отрубил змею голову. Известны многочисленные духовные стихи о Георгии, его мучениях и — реже — о битве с драконом⁴.

Встречается несколько вариантов (изводов) иконы «Чудо Георгия о змии». В полной редакции на иконе должен присутствовать сам св. Георгий, облачённый в воинский доспех и восседающий на спокойно идущем белом или чёрном коне. Рядом со святым представлена царевна, ведущая на пояске змея в город, а также терем с царём и царицей и народ. Другой вариант представляет иную сцену. В среднике иконы расположена сцена сражения святого со змеем. Змея ведёт на поводу Елизавета. На иконе изображены также её родители, которые находятся на верху какой-нибудь башни и смотрят на происходящее⁵.

В краткой редакции на иконе изображается только сцена сражения со змеем. Церковь трактует данное изображение как символическую победу над дьяволом — духовным змеем⁶.

Существуют иконы, где образ святого дополнен житийными клеймами, в которых проиллюстрировано житие великомученика. Житийные циклы включают сюжеты, взятые как из канонических текстов жития святого, так и из апокрифов. Все представленные сцены условно делятся на три группы. К первой относятся сцены из жития, ко второй — прижизненные чудеса, совершённые святым,

---

⁴ *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературе. Одесса, 1909. С. 256–257.

⁵ *Пропт В.* Змеборство Георгия в свете фольклора // *Фольклор и этнография Русского Севера.* Л., 1973.

⁶ *Ерёмина Т. С.* Мир русских икон. История предания. М., 2002. С. 279–280.

к последней — посмертные чудеса. Начинаются житийные циклы, как правило, со сцены приведения великомученика к императору или сценой раздачи имущества нищим. Далее следуют клейма, изображающие мучения св. Георгия камнем, колесование, бичевание у столба, мучение воловьими жилами, мучение ядом, содержание в темнице и другие. Из прижизненных чудес встречаются изображения со следующими сюжетами: воскресение из мёртвых умершего несколько столетий назад человека, оживление вола бедного крестьянина Гликерия и сокрушение идолов, из посмертных — «Чудо Георгия о змии», «чудо об избавлении из плена пафлагонского юноши». Заканчивается житийный цикл, как правило, сценами усекновения главы и погребения великомученика⁷.

Как мы говорили, святого Георгия на Руси своим покровителем считали князья, воины и крестьяне. Что же поспособствовало тому, что люди, столь разные по своему социальному статусу и роду занятий, уповали на покровительство единого святого? В случае с правящим классом и воинами можно привести прямые аналогии. Георгий при жизни был славным воином, полководцем, приближённым царя, наследником знатного рода. Крестьянство же видело в св. Георгии черты исконных покровителей рода и крестьянского труда, победителя зимнего холода и защитника земных животных (как домашних, так и диких).

Нет сомнения в том, что русская иконопись отражает глубочайшие пласты духовности, что есть в древнерусской культуре: глубокую искреннюю веру, ежедневное, молитвенное предстояние перед святыми образами, упование на божественную милость и веру в возможность прощения грехов и грядущее воскрешение. Веками с момента принятия христианства наши предки вели постоянный напряжённый диалог с Создателем, посредством обращения к горному миру через икону и литургический обряд. Каждый день жизни человека, независимо от его положения, профессии, пола и возраста, проходил в рамках канонов повседневности, установленных Церковью, с одной стороны, и древней традицией почитания земли, дома, предков, с другой стороны. С момента рождения и до смерти, проходя через череду церковных таинств и обрядовых действий, люди соотносили каждый свой поступок с критериями христианских

⁷ *Виноградов А. Ю.* [и др.] Георгий // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. X. С. 665–692.

заповедей и нормами поведения, сложившимися за многие века на основе почитания земли, как подателя жизни и своего рода.

Иконы, как один из основных культовых предметов, можно было встретить повсеместно. Существовало множество монастырских и профессиональных иконописных мастерских, которые изготавливали иконы на заказ или для продажи. Однако икон, выпускаемых данными мастерскими, не хватало, к тому же они были достаточно дорогими. Постепенно начали возникать иконописные промыслы в крестьянской среде. Одно из определений народной иконы — «иконописное творчество, которое осуществлялось непрофессиональными художниками, выходцами из сельского духовенства и крестьянства, в расчёте на такого же неискушённого сельского заказчика»⁸. По сравнению с профессиональной иконописью народная икона выявляет особо значимые и глубинные для земледельца смыслы. Образ святого на иконе не просто отражает его личность и божественную ипостась, а является олицетворением явлений природы. Святой представляется покровителем и защитником определённой области крестьянского труда. Поэтому народная икона обладает способностью к наиболее глубокому проникновению в тайны религиозного сознания, что позволяет исследователю наиболее ясно выявить особенности национальной духовной традиции.

Указание на существование иконописцев в народной среде мы можем встретить в классической русской литературе, например, в произведении Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»⁹.

---

⁸ *Комашко Н. И.* Народная икона // Русская икона XVIII века. М., 2006. С. 26.

⁹ «...Кузнец Вакула силач и детина хоть куда, который чёрту был противнее проповедей отца Кондрата, в досужее от дел время занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всём околотке. Сам ещё тогда здравствовавший сотник Л... ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить дощатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ, были размалёваны кузнецом. Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых: и теперь ещё можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалёванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный чёрт метался во все стороны, предчувствуя свою погибель, а заключённые прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал её на большой деревянной доске, чёрт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но,

Повседневные заботы, составляющие необходимый круг занятий крестьянской семьи, делали жизнь крестьянина строго регламентированной. Любимыми святыми крестьянского мира оказывались те, кто защищал земледельцев и помогал в их нелёгких трудах, прежде всего, конечно, Божия Мать, св. Николай Чудотворец, св. Георгий Победоносец, св. Власий, свв. Флор и Лавр, свв. Козьма и Дамиан, св. Параскева Пятница, свв. Пётр и Феврония. Сохраняя каноничность изображения, народная икона тем не менее строится по законам народного искусства. Именно потому, что святые и угодники представлялись покровителями жизнеобеспечивающей деятельности крестьян, их каждодневных земледельческих и скотоводческих забот, народная икона, помимо канонического изображения святого, содержала традиционную орнаментику, солярные символы, изображения неканонических предметов (обычно они связаны с местными легендами, посвящёнными определённому святому), тексты духовных стихов. Таким образом, крестьянская икона перестаёт быть исключительно предметом христианского культа, а вбирает в себя дополнительно дохристианскую символику, отражая исконное стремление обрести защиту в лице сил природы, духов рода, исконных, древних богов.

несмотря на все, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора... Но ещё больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зелёною краскою с красными цветами. Это, однако ж, не всё: на стене сбоку, как войдешь в церковь, намалевал Вакула чёрта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя подносили его к картине и говорили: «Он бачь, яка “кака” намалевана!» — и дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось к груди своей матери».

АТРИБУТИВНАЯ РОЛЬ СВАДЕБНОГО ПОЛОТЕНЦА

В докладе выводы строятся преимущественно на региональном материале тверской традиции. В качестве источников используются материалы фольклорных экспедиций факультета НХТ ГАСК 2005–2006 гг., проведённых под руководством В. И. Ситникова, В основу анализа обрядовых явлений положен функциональный подход.

Жизнь человека в традиционной культуре сопровождалась обрядами. Во многих из них в качестве необходимого атрибута использовалось полотенце. Оно сопровождало человека от рождения до смерти, особо маркируя «обряды перехода». Согласно древним мифологическим представлениям, полотенце, полотно, символизировало дорогу, путь, оно неизменно присутствовало при рождении человека, поскольку рождение есть его приход в этот мир, свадьба фактически представляет собой переход брачующихся в иной социальный статус, а похороны есть переход покойника в потусторонний мир.

Полотенце присутствовало практически во всех эпизодах традиционной свадьбы. К свадьбе готовилось самое большое количество вышитых полотенец, и поэтому их изготовлением девушки начинали заниматься с раннего возраста. Процесс изготовления включался и в состав обрядового комплекса: в предсвадебный период в доме невесты подружки помогали ей с приданым.

Изготовление полотенец у русских являлось домашним занятием и сосредоточивалось в основном в женских руках. Полотенце являлось одним из свадебных атрибутов, выполнявших множество функций, а потому и заготавливалось в больших количествах: «Девушка раньше заготавливала к свадьбе обычно не менее 12 полотенец, а в состоятельных семьях на свадьбе раздаривалось до 30 полотенец»¹. «Невеста припасала большое

---

¹ *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 19; *Зорин Н. В.* Русский свадебный ритуал. М., 2004. С. 138.

число полотенец, платков, поясков, которыми ”расплачивалась” со всеми: свекрови давала за “первую науку”, золовкам — “за баню”, свахе — за “окручивание”, стряпухе — за готовку на свадьбе и т.д.»². Кроме того, полотенцами невесты украшался дом жениха (лучшее из них размещалось в красном углу), полотенцами отмечались все участники свадьбы, украшался свадебный поезд. Помимо всего, в состав приданого для использования в семье обычно входило около 20–25 полотенец.

Такое широкое использование полотенец в действиях свадебного обряда позволяет выделить несколько функций этого предмета: дарообменная, жертвенная, презентативная, декоративная, сакральная, охранительная, статусно-правовая, маркировочная, утилитарная.

Все эти функции, по сути, наслаиваются друг на друга: например, развешивание полотенец в доме невесты, с одной стороны, показ её работ, демонстрация состоятельности невесты и степени овладения ею женскими ремёслами; с другой стороны, они выполняли функцию жертвы и служили для задабривания духов-предков семьи жениха и обеспечивали благоприятный психологический климат для новобрачной в новом доме; с третьей стороны, после развешивания полотенец молодухи свекровь свои полотенца больше не вывешивала, тем самым утверждалась новая (статусно-правовая) роль невестки в качестве хозяйки дома. По этой причине очень сложно выделить доминирующую функцию полотенца в свадебном обряде.

Принимая во внимание ограниченность регламентом нашего выступления, ограничимся здесь анализом сути использования свадебного полотенца в качестве дара.

Говоря о **дарообменной** функции полотенца, следует отметить, что одаривание невестой родителей и родственников жениха начиналось ещё до свадьбы. В большинстве русских сёл первое дарение происходило на смотринах, при рукобитии и запое. В Старицком уезде Тверской губернии³ «рукобитье» совершалось

---

² Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984. С. 24; Гринкова Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии // Ржевский край. 1926. Вып. 1. С. 129.

³ Использованные в статье материалы отражают свадебный обряд в Старицком, Торопецком, Торжокском (Новоторжском), Ржевском уездах Тверской губернии.

накануне свадьбы, где родители невесты, прежде всего, дарили всем членам семьи жениха по «утиральнику»⁴.

До свадьбы обычно одаривались только родители жениха, жених и его самые близкие родственники. Но, по мере развития свадебного обряда, круг одариваемых расширялся. Согласно описанию свадебного обычая в г. Торжке, перед венцом, «когда невесту благословят <...>, весь “поезд” отправляется в церковь. Заехав за околицу, дружки ворочаются назад, подъезжают опять к дому невесты и начинают уверять, что у них “завертка порвалась”; тогда им от имени невесты вынесут по утиральнику»⁵.

Основное дарение происходило после венчания во время свадебного застолья. Здесь уже одаривались все родственники жениха, предусмотренные предварительной договоренностью сторон. Невестка наделяла подарками крёстную и крёстного будущего мужа; делала подарки и причту (попу, диакону, псаломщику) — ткань, большею частью полотенца. Подарки невесты способствовали установлению добрых взаимоотношений со стороной мужа, служили доказательством её доброжелательности и дружелюбия⁶.

В Ржевском уезде на свадебном пиру «подарки подносит на блюде мать невесты, а дружка передаёт указанному лицу на кнуте, неизменно висящем у него всё время на поясе. Он вешает на шею одариваемого с кнута полотенце или пояс⁷. В Старицком уезде в доме родителей молодого бывает «княжной стол», к которому приезжают родители молодой. Когда все усядутся, сватья молодой раздаёт всем по полотенцу, а молодая из своих рук угощает пивом. Чтобы сказать любезность, молодой, получивший подарок, встряхнув его, промолвит: “Ну, наша молодая не спала, не дремала, а всё узоры вышивала”»⁸.

В Старицком районе вечером последнего дня свадебного пира после ужина с «разгонными щами» жених и невеста становятся посередине избы. «Дружка берёт блюдо, накрытое полотенцем,

⁴ *Первухин А. Г.* Свадебные обычаи в г. Торжке // Труды второго областного археологического съезда 1903 г., 10–20 августа. Тверь, 1906. С. 18.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ *Маслова Г. С.* Народная одежда... С. 24, 25; *Зорин Н. В.* Русский свадебный ритуал. М., 2004. С. 138.

⁷ *Гринкова Н. П.* Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии. С. 129.

⁸ *Первухин А. Г.* Указ. соч. С. 27.

с кусками пряника, который называется “молено”... Родители жениха получают от дружки по куску пряника, а сваха со стороны невесты вешает им на шею по полотенцу. Родители одаривают молодых деньгами, которые кладут дружке на блюдо. Так вызываются и другие родные и получают от невесты полотенце. При этом... если гость плохо отдал за полотенце, то дружка снимает с его шеи дарёные полотенца и не отдаёт до тех пор, пока гость не прибавит ещё»⁹.

Как видно из приведённых примеров, полотенце является не подарком, а предметом обмена: за него гости давали что-то взамен. Но если со стороны невесты подарки не выходили за рамки трудовых обязанностей женщины, то взамен она получала либо деньги, либо купленные подарки. В процессе этого обмена преследовалась цель обеспечить благоприятное отношение к молодой со стороны родственников жениха.

В основе действий обмена прослеживаются следы языческих представлений (соединительных, умиловительных обрядов). Исследователи высказывали мысль о том, что свадебные дары — результат трансформации первобытного дарообмена в процессе формирования свадебного ритуала. Дарообмен является одним из древнейших элементов русской свадьбы. Он отмечен в великокняжеских и царских свадьбах¹⁰.

Многие действия невесты с полотенцами в процессе свадебной обрядности своеобразно демонстрируют **принесение жертвы** основным объектам её нового жизненного пространства, таким, как печь, двор, колодец и т.п.

Г. С. Маслова приводит целый ряд этнографических свидетельств и мнений исследователей о дарах, являвшихся в прошлом умиловительными подарками невесты духам дома, двора (в которых ей придётся жить), водного источника и пр.: «... оставление полотенца на кадке в бане (хотя его брал себе дружка)»; «умиловление “жихаря”, или “баенного” (записано в с. Нименьга Онежского у., где одна из жительниц рассказала, что она “положила сороку в банежихарихе”); «на печь невеста нередко бросала поясок, трижды кланялась печке, а потом уже иконам»¹¹.

⁹ Там же. С. 125–126.

¹⁰ Маслова Г. С. Народная одежда... С. 25; Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал... С. 121.

¹¹ Маслова Г. С. Народная одежда... С. 25.

Н. В. Зорин, проанализировав обычай развешивать полотенца и другие изделия невесты в доме мужа (перед венчанием, во время него или после брачной ночи), пришёл к выводу, что эти действия не столько демонстрировали состоятельность невесты и её способность к рукоделию, сколько они предпринимались ради задабривания духов-предков семьи жениха и покровителей его рода и служили им своеобразной жертвой. Одновременно они «выполняли охранные функции в отношении новобрачной, создавая психологически доброжелательный микроклимат в доме мужа»¹².

После свадьбы наступал период привыкания молодой к жизни в новой семье. Многие чисто хозяйственные дела, исполняемые ею впервые в качестве хозяйки на новом месте, сопровождалась дарением полотенца. В первое утро молодая выходила умываться и вешала своё украшенное полотенце — «утренник» — у раковины¹³. Общераспространённым обычаем является отправление молодых после свадьбы в первый раз за водой. Хожение новобрачной к источнику за водой сопровождалось обычно обрядовыми действиями, имевшими локальные различия. К примеру, «В Новоторжском уезде ведро с водой вносят в избу и ставят на стол. Молодая покрывает ведро утиральником. Этот утиральник берёт себе свекровь; но она, взяв его, должна спешить вон из избы, иначе дружки обольют её водой из ведра»¹⁴.

На следующий день после венчания посылают молодую принести дров. «Она должна принести их и накрыть полотенцем, которое идёт в подарок свекрови, как главной стряпухе, ведающей печью, и тем самым как бы блюстителнице домашнего очага. Молодая, входя в дом, приобщаясь к новому роду и новым порядкам, прежде всего, приносит дар»¹⁵.

Приведённые примеры позволяют в одних случаях трактовать отдачу полотенца в качестве жертвы или задабривания нового очага, водного источника и других объектов обитания новобрачной, включая и социальную среду, в других — как плату «за науку», в третьих — как магическое действие продуцирующей

---

¹² Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал... С. 121.

¹³ Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 242.

¹⁴ Первухин А. Г. Свадебные обычаи в г. Торжке... С. 28.

¹⁵ Гринкова Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде. С. 140.

направленности. Всё это позволяет с помощью наглядных примеров проиллюстрировать наличие взаимно переплетающихся функций свадебного полотенца, отметить постоянно проявляющуюся полифункциональность, связанную с многообразием смысловых значений присущих как самому обряду, так и его атрибутам.

КУЛЬТ РАСТИТЕЛЬНОСТИ В ТРОИЦКОЙ ОБРЯДНОСТИ (по фольклорно-этнографическим материалам Тверской области)

Современное состояние традиционной художественной культуры связано с угасанием традиции в её живом, естественном бытовании. В этой ситуации возникает проблема сохранения культурного наследия народа. Одной из форм сохранения является исследовательская деятельность учёных по фиксации, сбору фактологического материала региональных фольклорных традиций. Тверской фольклор представляет большой научный и художественный интерес, однако уровень его изученности оказывается явно недостаточным. В связи с этим актуальным становится исследование народной художественной традиции конкретного региона во всех её проявлениях. То, что останется неизученным, незафиксированным, мы рискуем потерять безвозвратно.

Наш доклад посвящён отражению культа растительности в троицкой обрядности, бытовавшей на территории Тверской области. Он основывается на материалах фольклорно-этнографических экспедиций кафедры НХТ филиала ГАСК в Твери, привлекаются также материалы, имеющихся публикаций¹.

Календарная обрядность славянских народов носит ярко выраженный аграрный характер. «В ней отразились древние взгляды на природу и попытки воздействовать на неё, повседневные думы и заботы крестьянина о хлебе насущном, об урожае, от которого зависело благополучие его семьи»².

Конец весны – начало лета — момент наивысшего расцвета всех сил природы, завершение периода посевных работ. В народе

---

¹ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX вв. М., 1979; Сазанова Г. М. Тверь наша губерния, Крешнево деревня. Тверь, 2009; Некрасова И. Н. Духотроица в тверском Помежье. Май и венки // Страницы музыкальной истории верхневолжья. Тверь, 2008. Вып. 2; Кому поём — тому добро. Песни Жарковского района / сост. Н. Е. Королёва. Тверь, 2010.

² Соколова В. К. Указ. соч. С. 3.

говорят: «Весна красная, а лето страдное», «Май творит хлеба, а июнь — сено», «Летний день год кормит», «Летом пролежишь, зимой с сумой побежишь».

Один из важнейших народных праздников, завершавших весенний период и знаменовавший наступление лета — **Троица**. Главнейшим атрибутом и «действующим лицом» троицкой обрядности является зелень в виде веток и деревьев. Культ растительности, расцветающей в это время, выразился в различных действиях, совершаемых с берёзкой, её веточками, цветами и травой и иной молодой растительностью, сила которых благотворно влияет на человека, животных и Землю, родящую всё живое.

Повсеместно на Троицу зеленью украшали дома снаружи и внутри, ставили на улицах целые аллеи из молодых берёз. «Накануне, в субботу, нужно в лес ходить за берёзками. В субботу перед баней сходишь, нарвёшь, скоту две берёзинки, в каждое окошко. А берёзки обязательно к воротам целые ставили»³. «Домой приносили веточки, в окошки вставляли. Молодые берёзки обязательно ставили перед окном три штучки»⁴. «На Троицу пойдут, берёзки веточки в окна ставят, пойдут, нарубят больших, вдоль крыльцов наставят берёзок». В Весьегонском районе в Троицу молодые девушки и женщины заводили на краю деревни хоровод. «Идут «криулями» с одной стороны улицы на другую, обходя вкопанные перед каждым домом берёзки. Обычно начинали хоровод несколько человек, а по ходу движения присоединялись всё новые и новые девушки и женщины, даже старушки. Пока обойдут деревню, перепоют все хороводные песни. Затем ходят друг к другу в гости»⁵. В Бельском р-не у ворот каждой избы ставили «май» — две молодые берёзки, макушки которых связывали вместе. «Май» ставили перед домом, через него прогоняли скот. «Сжигали “май” на Купалу на полях, где посеяна рожь»⁶. Таким образом, считалось, что молодая зелень берёзы способна благотворно влиять на человека, сохранять посевы и скот, влиять на их плодоносную силу. Эти действия

---

³ Материалы фольклорно-этнографических экспедиций кафедры НХТ Филиала ГАСК. Андреапольский р-н, д. Нивки, Молоткова М. А. 1937 г.р.

⁴ Там же. Торжокский р-н, д. Русино, Брусницын А. П. 1926 г.р.

⁵ Там же. Торжокский р-н, д. Глухово, Платонова А. И. 1927 г.р.

⁶ Материалы фольклорно-этнографических экспедиций кафедры НХТ Филиала ГАСК. Бельский р-н, д. Катово, Асташенкова Д. Н., 1927 г.р.

связаны с представлениями о жизненнющей силе расцветающей природы. Как видно из приведённого материала, все действия, связанные с молодой зеленью: украшение домов веточками берёзки, установление берёз и «мая» во дворах, у ворот, взаимодействие человека, животных, засеянных полей с набирающей силу природой — несут на себе отголоски апотропеической и карпогонической магии, основной смысл которой — слияние человека с живой природой, приобщение к её живородной силе.

Одной из важнейших причин ключевого значения зелени в этот период, является выступление её как объекта, связанного с культом предков. «Май» — один из ритуальных атрибутов троицкой обрядности был предназначен не сколько для живых, сколько для умерших. Это — «универсальный семиотический компонент праздничного пространства Духотроицы, определяющий место обитания представителей «того света» в местах ныне живущих. Произрастая из земли, молодой май соединяет оба мира, на что указывает восприятие его носителями традиции как обители душ умерших: «для родителей торкали»⁷.

К троицкой зелени, как к вместилищу душ умерших предков, обращались в желании узнать будущее. Хозяйки загадывали на предстоящее лето: «...по приметам и видим: ага, берёзка завяла, а то может и засохла — всё, лето будет хорошее, а если берёзка вот так колышется, листочки тапершатся, то будет гнилое лето»⁸.

Наряду с троицкой берёзкой, важнейшим обрядовым элементом этого цикла являются венки, сплетённые из трав, цветов, веток берёзы и других лиственных деревьев. Сплетая венок, человек приобщался к жизненной силе, заключённой в молодой зелени сам, передавал её животным и Земле.

Семантика слов *сплести*, *завивать*, *заплетать* (т. е. соединять, объединять, сцеплять, переплетать друг с другом, тесно связывать, сочетать) раскрывает перед нами смыслообразующую идею всего троицкого периода в целом. По сути, это одно из проявлений бесконечно повторяющегося акта творения, воплощённое в троицких обрядовых практиках. Венки, которые в этот период завивали из веток берёзы и других лиственных деревьев

⁷ Некрасова И. Н. Указ. соч. С. 202.

⁸ Материалы фольклорно-этнографических экспедиций кафедры НХТ Филиала ГАСК. Андреапольский р-н, д. Нивки, Молоткова М. А. 1937 г.р.

(липы, рябины), цветов и травы, становились оберегом, каналом общения с душами умерших предков, с их помощью заклинали плодородие.

Девушки, заплетая венки или косы на берёзке, загадывали о здоровье членов своей семьи, пытались узнать о предстоящем замужестве. «На Троицу заплетали косу у берёзки, каждая девушка заплетёт косу, а потом смотрят, чья коса завяла, а чья нет»⁹. «Каждая девушка завивала себе маленький веночек на берёзке и загадывала на судьбу. Через неделю, на Заговини, смотрели — завял веночек или нет: если завял — к смерти, остался зелёным — к хорошему»¹⁰. Бросая сплетённые венки в реку, загадывали на замужество или смерть. Венки плели не только для себя, но и на своих родных, близких, любимого: «Перед вайной пашли вянки кидать. Кто на мужика, кто на брата закидывали. Мужские вянки свата маево и других сразу потопли»¹¹.

Троицкие обряды теснейшим образом связаны с карпогонической магией. В начале лета, когда расцветающая природа набиралась сил и готовилась дать урожай, на первый план выходило обозначение вновь образующегося женского сообщества, ярко выявлялось значение женского, как начала всего живущего.

Так, при завивании венков девушки кумились. Кумление — особая форма посестримства. Покумившись, девушки обещали жить в мире и дружбе, как поётся в троицкой песне Нелидовского района:

*Уж вы, кумушки, сизые голубушки,
Вы, кумитесь, не бранитесь,
А побронитесь — помиритесь,
Памиритесь, пацалуйтесь.*

Кумление является своего рода признанием полноправными членами женского союза девушек, вступивших в брачный возраст. Идея объединения женского социума в столь значимый период цветения природы закреплялась поцелуями, обменом нательными крестиками, платками, бусами, которые совершались через свитый из веток берёзы веночек. Веночек в данном случае должен

⁹ Там же. Вышневолоцкий р-н, д. Стройково, Горланова А. И. 1922 гр.

¹⁰ Кому поём — тому добро. С. 15.

¹¹ Некрасова И. Н. Указ. соч. С. 202.

был способствовать приобретению чадородной силы девушками, вступившими в брачный возраст.

Идея плодородия прослеживается и в обычае завивать венки на краю ржаного поля, забрасывать «май» в поднимающуюся хлебную ниву. «В Калужской губернии молодые девушки при завивании венков пели песню, являющуюся по смыслу заклинанием урожая:

*Ржчина-матушка колосилася,
Во ржи свинушка поросилася,
Семьдесят поросят, да все свиночки,
Все свиночки, да всё пёстренькие,
Хвостики у них востренькие¹².*

Представление об охранительной и лечебной силе молодой зелени, заключённой в венке, отразилось в различных обрядовых действиях троицкого периода. Через большие общие венки пролезали «кто не здоров», «через венки пропускали детей, тем самым избавляя их от испуга и болезней, скармливали скоту, если скот заболел, венки вешали в хлеву, считая, что он оберегает скотину и при необходимости спасает от недуга.

Обладая общими для восточнославянских народов чертами, троицкая обрядность в рамках данной локальной традиции приобретает и определённую специфику. Так, в Западных районах Тверской области ещё в середине XX в. на Троицу совершали обряд «венчания коров». Суть этого обряда заключалась в том, что пастух или тот член общины, которому выпало очередь пасти скот в этот день, сплетал из веток берёзы, липы, рябины венки и одевал их на шею или рога коровам. За это пастухов одаривали яйцами. Встречаются свидетельства и о сплетении венков на подойник. «Мы раньше плели у Троицу. Вот у поле придёшь корову доить в обед, у каждой коровы на рогах берёзовый веночек. Вот снимешь этот вянок, и наверх, на подойник положишь и подоишь. Через веночек раньше надо было доить. Веночек мы на дворе повесим на гвоздок, так он и висит год»¹³. Смысл совершаемого обряда предельно прост,

¹² Соколова В. К. Указ. соч. С. 192.

¹³ Материалы фольклорно-этнографических экспедиций кафедры НХТ Филиала ГАСК. Андреапольский р-н, д. Нивки, Молоткова М. А. 1937 г.р. Подобная

венок, в котором заключена сила молодой, расцветающей природы, должен был охранять скот от болезней, способствовать рождению потомства.

Берёзка, венки выступают в троицкой обрядности эквивалентом мифологического женского персонажа. Это проявляется в украшении берёзы и венков лентами, бусами, в обращении к ним в желании узнать свою судьбу, судьбу своих близких, придание берёзе и большому общему венку антропоморфной формы, обязательном присутствии этого элемента троицкой обрядности во всех действиях, производимых на Зелёные Святки. В начале праздника берёзку могли срубить, украсить, внести в деревню и даже ходить с ней в гости к участницам обряда. Так, в Конаковском районе «с наряженной берёзкой ко всем подругам ходили чай пить»¹⁴. Вокруг берёзы водили хороводы, пели песни, под берёзкой устраивали обрядовую трапезу с яичницей, кашей и блинами. В завершении берёзу разряжали и уничтожали различными способами (сжигали в печи, топили в реке, скармливали скоту, закидывали в ржаное поле). В Весьегонском районе в д. Крешнево в Духов день выкапывали берёзки, принесённые в Троицу, и несли их «на кресты» (перекрёсток дорог, где прощаются с покойными). Из этих берёзок ребята строили огромный шалаш. Утром крешневские бабы растаскивали берёзки и сжигали в печи. Считалось, что «истопить печку троицкой берёзкой, значит, жить в богатстве и достатке»¹⁵. Таким образом, на уровне растительного кода проявляется проводной ритуал, где есть встреча мифологического персонажа, его чествование и проводы (уничтожение) за пределы человеческого обитания.

Представленный материал показывает, что все традиционные моменты обрядового комплекса Семик – Троица, выделенные исследователями, характерны и для Тверской области. К таким традиционным элементам относится украшение домов молодой зеленью; поминовение предков; плетение венков, гадание по венкам; кумление; использование венков для привлечения плодородия и защиты от всего вредоносного; встречу, чествование и проводы

информация была записана в д. Сосанье, Уварово, Курово, Некрашово, Липовка, Иваново, Самуково, Семёнцево, Выдры, Степаша, Пожня, Плоскошь Торопецкого р-на.

¹⁴ Соколова В. К. Указ. соч. С. 194.

¹⁵ Сазанова Г. М. Указ. соч. С. 57.

обрядового символа, в роли которого выступает молодая зелень. Кроме этого, троцкий обрядовый комплекс Тверской области содержит уникальный материал, связанный с «венчанием» коров на Троицу.

Таким образом, рассмотрение региональных традиций календарно-обрядового фольклора, способствует вводу в научный обиход нового фольклорного материала, который может стать ценным источником для изучения мировоззренческих основ народной традиционной культуры.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ВЕСЬЕГОНСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЁЖНЫХ ГУЛЯНИЙ

Музыкально-хореографические формы фольклора изучались с научных позиций специалистами разных областей знания — антропологами, музыковедами, хореографами, этнографами, этномузыкологами. В последние десятилетия наметилась тенденция комплексного анализа, в котором, помимо жанровой классификации, важными являются вопросы функционирования песенно-хореографического комплекса в этнографическом контексте и определения его функций в той или иной традиции.

В исследованиях, посвящённых музыкально-хореографическим формам фольклора, прослеживаются две стратегии их описания. Одни авторы уделяют внимание функционированию хореографических форм в каком-либо одном обрядовом комплексе [Парадовская, 2003¹; Калашникова, 1999²; Едемский, 1905³; Гусев, Марченко, 1987⁴ и др.], другие пытаются наиболее полно осветить все возможные контексты исполнения хороводных и плясовых песен в исследуемой традиции [Руднева 1975⁵; Стародубцева 2001⁶;

---

¹ *Парадовская Г. П.* Музыкально-хореографические формы в структуре обрядово-праздничного комплекса братчины (на материалах восточных районов Вологодской области): дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2003.

² *Калашникова Р. Б.* Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск, 1999.

³ *Едемский М.* Вечерованья, городки и песни в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. СПб., 1905 г. Вып. III, IV.

⁴ *Гусев В. Е., Марченко Ю. И.* «Стрела» в русско-белорусско-украинском пограничье: К проблеме изучения локальных песенных традиций // Русский фольклор: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. Т. XXIV.

⁵ *Руднева А. В.* Курские танки и карагоды: таночные и карагодные песни и инструментальные танцевальные пьесы. М., 1975.

⁶ *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 2001.

Владыкина-Бачинская 1951⁷, 1976; Народная традиционная культура Вологодской обл., 2005⁸ и др.].

В Весьегонском районе хороводные и плясовые песни, наряду со свадебными и лирическими жанрами, составляют доминанту культурной традиции. Их исполнение связано с тремя обрядово-праздничными комплексами:

- весенне-летние уличные гуляния;
- осенне-зимние посиделки, святочные беседы;
- свадебный обряд.

Молодёжные гуляния как весенне-летнего, так и осенне-зимнего периода в рассматриваемой традиции получают название «*и`грам игра`ть*». Термин «*хоровод*», «*каравод*» употребляется по отношению к отдельным музыкальным образцам. Оба хореографических комплекса (условно — летний и зимний) различаются в функциональном отношении и включают различные типы музыкально-хореографических форм. Приоритетными для весенне-летнего цикла являются *орнаментальные/фигурные, круговые* уличные хороводы, предполагавшие большое количество участников, для осенне-зимнего — игровые хороводы, припевки. В контексте свадебного обряда хороводы исполнялись на девичнике. Различные виды плясок включаются во все известные обрядово-праздничные сферы.

В рамках весенне-летнего цикла исполнение хореографических форм приходилось на такие календарные праздники, как Пасха, Егорьев день, Троица, Духов день, Николин день (весенний), Иванов день. Встречаются упоминания о функционировании в традиции Весьегонского района хороводов и плясок в контексте жатвенной обрядности, а также во время других полевых работ — чесания льна, сенокоса. В осенне-зимний период они сопровождали будничные посиделки, которые проходили с Покрова Богородицы до Масленицы, а также исполнялись на святочных беседах.

---

⁷ Владыкина-Бачинская Н. М. Русские хороводы и хороводные песни (научно-популярный очерк). М.; Л., 1951. Владыкина-Бачинская Н. М. Музыкальный стиль русских хороводных песен. М., 1976.

⁸ Народная традиционная культура Вологодской области. СПб.; Вологда, 2005.

Отдельные образцы хороводов, плясок и связанные с ними музыкально-поэтические тексты имели строгую приуроченность к определённым календарным праздникам (Троица, Николин день, Иван-Купала). В силу почти полного отсутствия календарно-обрядовых песен, некоторые хороводы получают в данной традиции статус обрядовых форм и включаются в праздничный контекст.

Хореографическая традиция Вёсегонского района включает различные виды хореографии. **Шествия**, как тип движения, главной характеристикой которого является векторная направленность⁹, связаны с двумя ситуациями:

- праздничной: шествие парней и девушек вдоль деревни с частушками перед началом гуляний; шествия парней «партия на партию» под пение частушек и в ряде случаев заканчивающиеся драками;
- обрядовой: шествия в системе троицкой обрядности в берёзовую рощу, к реке, в деревню, сопровождающиеся исполнением лирических песен или частушек; шествия-обходы (Пасхальные обходы деревни, обходы полей на Вознесение, обход стада на Егорьев день).

Группа **орнаментальных/фигурных** хороводов включает различные виды построений: «круговые» хороводы, «в рядах», «наборные», хождение участников вереницей по свободной траектории или по определённому рисунку («змейка», «плетень», «капустка»). Такие хороводы исполняются либо на месте основного гуляния, либо перемещаются в пространстве — хороводы-шествия, — передвигаясь вдоль деревни по центральным улицам.

Группа **игровых хороводов** связана с символическим разыгрыванием содержания песни: их обязательным структурным элементом является драматический, игровой компонент. Выделяются хороводы, в которых действие разыгрывается небольшой группой лиц и хороводы, в разыгрывание сюжета которых вовлечены все участники.

---

⁹ *Мехнецов А. М.* Архаические формы русской хореографии. Тезисы девятой Международной конференции по изучению танца. 12–16 июля 1995. Драма, Греция (рукопись).

Группа **припевок** по особенностям хореографического движения примыкает к группе игровых хороводов, исполняемых на беседе, и связана с выбором пары.

Плясовая культура в традиции представлена формами разных историко-стилевых пластов. Ранним традиционным женским пляскам свойственна сдержанность движений, строгость исполнения, мелкий приставной шаг, сложная, фигурная траектория передвижения. В женской пляске позднего стиля, начавшего формироваться в 20–30-е гг. XX в., проявляются такие характерные элементы мужских движений, как активные дробы, размахивания руками, хлопки, удары руками по бёдрам, ногам, подпрыгивание. Исполнялись пляски под песни, под инструментальное сопровождение (балалайку, гармонь) и «под язык».

Характер пляски диктовался и половозрастными нормами. Старшие женщины плясали «Русского», «Цыганочку», «Соломушку», «Чижа». Девушки предпочитали пляски: «В две», «В три», «В четыре» (или «Кружка»), «В шесть», «В восемь».

В традиции зафиксированы женские сольные пляски («У миня` ли муж роботя`га был», «Ся`димте по лавкам, гля`нимте по девкам»), парные («Вышла курочка с хохлом», «Ай да Дуня, ай да Овдоке`я», «Я на горочке земля`ночку брала»), коллективные («Ве`ники-кале`ники»), а также смешанные виды пляски (мужские и женские: «Уж ты Сёмушка, Симио`нушка», «Тёща про зятя пирог пекла»). К сожалению, видеозаписей мужской пляски сделать не удалось, но, по воспоминаниям жителей, мужчины, как правило, плясали сольно, активно дробили.

В военные годы в деревню начинают активно проникать городские танцы («Вальс», «Падеспань», «Фокстрот», «Полька»), которые постепенно вытесняют традиционные виды хореографического фольклора.

Основными функциями хореографических форм в данной традиции являются игровая и коммуникативная. В символической форме игровые хороводы регулировали отношения парней и девушек на молодёжных гуляниях, а также выполняли определённую социальную функцию, дифференцируя общину по возрастному принципу (женские, девичьи и подростковые хороводы).

Несмотря на временную трансформацию, обусловленную выдвиганием на первый план развлекательно-игрового начала,

многие музыкально-хореографические жанры обнаруживают связь с архаичными обрядовыми формами, о чём свидетельствует календарная приуроченность, характер хореографического движения и манера исполнения. Так как календарные жанры фольклора здесь сохранились очень слабо и практически утратили своё значение, в ряде случаев хороводы и пляски взяли на себя обрядовую функцию (троицкие, николевские, иванские).

Кинетический ряд данной традиции представлен большим количеством различных видов движения (шествия, хороводы, пляски). Следует отметить, что именно в традиционных, ранних формах пляски с наибольшей отчётливостью «проявляются региональные, стилистически характерные детали на уровне хореографической лексики, отмечается тесная связь с обрядовыми комплексами. В более поздних видах плясок, зачастую связанных с поздними образцами инструментальных наигрышей, локальные черты, как правило, нивелируются»¹⁰.

Музыкально-хореографические жанры в системе культурной традиции Весьегонского района отличаются разнообразием форм и богатством песенного репертуара. Привлекает факт их достаточно хорошей сохранности, в том числе и форм, восходящих к раннему историко-стилевому пласту фольклора. Таким образом, хореографическая фольклорная традиция района представляет несомненный научно-исследовательский и практический интерес.

---

¹⁰ *Пархомова Е. А.* Виды народной хореографии Северо-Запада России (к проблеме классификации) // Восток и Запад: этническая идентичность и традиционное музыкальное наследие как диалог цивилизаций и культуры. Астрахань, 2008. С. 141.

К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИЙ

Приглашаем Вас принять участие в Международных молодёжных, межвузовских, интердисциплинарных конференциях, проводимых под эгидой Славянского фонда РФ, Московского Дома национальностей РФ Института славяноведения РАН и Государственной академии славянской культуры.

Конференции проводятся ежегодно в конце мая и включают в себя несколько блоков докладов (История, Язык, Литература, Фольклор, Культура). Докладчиками обычно выступают студенты старших курсов, аспиранты, соискатели и молодые (до 32 лет) кандидаты наук. Тезисы докладов просьба присылать по эл. адресу <kaliganov2009@mail.ru>; название вашего файла с текстом тезисов — МОЛКОН-2013 + ваша фамилия (например, ГРОМОВ). Сборник тезисов обычно оперативно публикуются, и его экземпляры вручаются докладчикам перед началом конференции. **Последняя дата приёма текстов тезисов для публикации — 20 апреля текущего года.**

ТРЕБОВАНИЯ К ФОРМАТУ: допустимый объём — 6-8 тыс. знаков, 14 кегль, шрифт Times New Roman, через 1,5 интервала, ширина полей справа, слева, сверху и снизу — по 2 см; фамилия и инициалы имени и отчества — обычными буквами жирным шрифтом справа; заглавие крупными буквами жирным шрифтом; сноски для доклада — внизу страницы, для статьи позднее — в конце текста, отделяются от него словом П Р И М Е Ч А Н И Я (крупными буквами в разрядку) и + И С Т О Ч Н И К И (для лингвистов); фамилии и инициалы авторов выделяются в этих разделах курсивом (например: *Петров В. В.* Этимологические разыскания. М., 2005. С. 15.); в предложениях со сносками точка ставится после номера сноски, а не до неё; просьба не устанавливать автоматический перенос слов; при использовании слов на греческом или других редких языках следует прислать свои соответствующие шрифты. Для раздела «СПРАВКА ОБ АВТОРАХ» в конце сборника тезисов необходимо сообщить о краткие сведения о себе: место учебы или работы, курс, год обучения для аспирантов, должность, год защиты диссертации (если она состоялась) для молодых учёных и её название.

За участие в конференции и публикацию тезисов плата не взимается. Иногородные и иностранные участники конференций оплачивают дорогу и проживание в Москве за свой счёт. Участие в конференции может быть дистанционным и заключаться в отправлении докладов по эл. почте на указанный адрес.

*Руководитель НИЦ «ЭСТРИКА»
(Славянские Культуры: Корни и Крона)
д.ф.н., проф. И. И. Калиганов*

Научное издание

Сборник тезисов

Международной молодёжной межвузовской конференции

**РОЛЬ СЛАВЯНСКОЙ МОЛОДЁЖИ
В ПРОЦЕССЕ УСТОЙЧИВОГО
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

**Богатство и разнообразие истории
и культуры мира славян**

По тематическому плану внутривузовских изданий на 2012 г.

Формат 60×90/16. Усл.-печ.л. 10. Тираж 100 экз.
ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской
культуры»

(ФГБОУ ВПО «ГАСК»)

Москва, 125362, ул. Свободы, д. 8, к. 4, стр. 1

Компьютерная верстка С. Майорова